

РАДУГА

1-2'2021

ISSN 0131-8136

Виталий Медведь
АНГЕЛЫ БЕЛОГО ДОМА

Рассказы
Вадима Козловского, Алены Лазебной, Андрея Пермякова,
Юрия Перхурова, Сергея Шинкарука

Александр Мардань
ПИСАТЕЛЬСКИЕ
РЕЦЕПТЫ

Стихи
Любови Флиттер,
Наиля Муратова,
Всеволода Ковтуна

КНИГА ГОДА'2020

Сергей СОЛОДОВНИК. Живопись

▲ «Натюрморт с подносом», 1991

«Натюрморт с рыбой», 1975 ▲

▼ «На берегу», 1950

радоуга

Журнал художественной
литературы
и общественной мысли

Выходит с 1927 г.

Радужные итоги '2020

3

ПРОЗА

Вадим КОЗЛОВСКИЙ.

Петровичи и другие.

Цикл рассказов

6

Алена ЛАЗЕБНАЯ.

Звездочка.

Рассказ

14

Виталий МЕДВЕДЬ.

Ангелы Белого Дома.

Повесть

28

Андрей ПЕРМЯКОВ.

Штрихи к ее портрету.

Рассказ

114

ПОЭЗИЯ

Любовь ФЛИТТЕР

20

Наиль МУРАТОВ

107

Всеволод КОВТУН

126

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЗГЛЯД

Александр МАРДАНЬ.

Писательские рецепты

117

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

Сергей ВИННИЧЕНКО.

Театральная рыбалка

146

Юлиана ПОЛЯКОВА.

Шизофрения цветных снов

169

КОНКУРСЫ. РЕЙТИНГИ

Книга года'2020

150

ЛЮДИ И КНИГИ

Владимир ЗВИНЯЦКОВСКИЙ.

Проклятое селение Тышка

134

1-2'2021

К	и	е	в
2	0	2	1

Рецензии. Впечатления

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ.

**Утешительный театр
Александра Володарского** 173

Владимир СПЕКТОР.

**Полтора десятка сериалов
под одной обложкой** 176

ГАЛЕРЕЯ «РАДУГИ»

Светлана СОЛОДОВНИК.

Мой папа 178

ШУТКИ В СТОРОНУ

Юрий ПЕРХУРОВ.

Рассказы на ладони 185

Сергей ШИНКАРУК.

**Восстание машин №2.
Рассказ** 194

РАДУЖНЫЕ НОВОСТИ

198

АВТОРЫ НОМЕРА

5, 13, 19, 27, 106, 113, 125, 184, 193

Главный редактор **Юрий Ковальский**

Редколлегия: Галина Биленко, Дмитрий Бураго, Александр Володарский, Андрей Грязов, Андрей Дмитриев, Давид Дубинский, Марина и Сергей Дяченко, Валентина Ермолова, Владимир Звизняцкий, Ирина Иванченко, Владимир Каденко, Владимир Казарин, Петр Катериничев, Анатолий Крым, Андрей Курков, Олег Приходько, Ким Снегирев, Марина Туманова, Сергей Черепанов

Корректор *Людмила Гребельник*

Верстка *Алексея Биленко*

На обложке репродукции работ *Сергея Солодовника*
«Весенний день» (1-я стр.) и «Седнев» (4-я стр.).

Издатель: ООО «Журнал «Радуга»

Свидетельство о регистрации: серия КВ № 730 от 16 июня 1994 г.

© «Радуга», 2021

РАДУЖНЫЕ ИТОГИ'2020

Вот и остался позади 2020-й. Год такой непростой, трудный. Хотя много ли помним других?! Так что лучше о хорошем.

«Радуга» выходила. Почти без опозданий. В шести номерах прошлого года мы познакомили вас, дорогие читатели, с произведениями 90 авторов. Учтивая, что сотрудники редакции рассмотрели около двух тысяч поступивших текстов, то старались отобрать для публикации самые лучшие. Выбор, как видите, был.

Наиболее представительными, как всегда, стали разделы прозы — 39 авторов, и поэзии — 23. Особенно приятно подчеркнуть, что для 28-ми авторов (почти для каждого третьего!) прошлогодняя публикация была самой первой в «Радуге». Открывать читателям новые талантливые имена — одна из главных задач литературного журнала.

Что касается географии, то наши авторы из 30-ти городов. А если перечислить страны, то это, конечно, в первую очередь наша Украина, и еще Австралия, Германия, Голландия, Израиль, Испания, Канада, Молдова, Россия, США. При этом большинство иностранных авторов — самые настоящие наши. Ведь родились, учились и какое-то время (подчас немалое) работали в Украине. Так что корни и многое другое у них отсюда. В который раз пытаемся докричаться до всех: «Цените, уважайте, поддерживайте отечественные таланты, независимо от того, где они живут и на каком языке пишут. Гордитесь ими!»

Ряд наших авторов в 2020-м отмечены различными литературными наградами. О чем-то мы уже сообщали ранее, но не лишне повторить. Александр Володарский и Юрий Никитинский стали лауреатами премии им. Владимира Короленко, Андрей Грязов — премии им. Максимилиана Кириенко-Волошина, а Валентина Аксии и Андрей Пермяков — ее дипломантами. Премия им. Константина Паустовского присуждена Валерию Дружбинскому. Среди победителей Международного литературного конкурса «Наше сердце» Олег Вергелис и Анатолий Крым. Лауреат Международного фестиваля комедийного искусства «ГаШоТю» — Сергей Шинкарук. Еще об одной награде Анатолию Крыму читайте в разделе «Радужные новости» (стр. 198).

Лауреату премии журнала «Радуга» за 2019 год поэту Юрию Рыбчинскому присвоено звание Героя Украины.

А теперь объявим лауреатов премии журнала «Радуга» за 2020 год:

- Рена Арзуманова (рассказы «Приблуда» и «Солнце над домом», № 1–2);
- Людмила Видревич (цикл рассказов «Приятный беж», № 11–12);
- Вадим Гройсман (стихотворения, № 1–2);
- Александр Кабанов (стихотворения, № 11–12);
- Элла Леус (подборка рецензий, № 3–4, № 11–12).

Поздравляем!

Увы, коронавирус перечеркнул большинство литературных вечеров и презентаций, которые редакция «Радуги» планировала в прошлом году. А наш литературный театр «Дар» смог показать всего лишь два премьерных спектакля: «Сереза очень тупой» и «Винни-Пух, Майнкрафт и все-все-все».

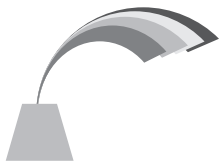
Очень хочется верить, в 2021-м эпидемия отступит. А если нет — будем проводить вечера в online-режиме.

И наконец перечислим книги, выпущенные издательством «Журнал «Радуга» в 2020 году:

- Валентина Аккси «21 1/2. Казино-stories»;
- Анатолий Крым «Украинская каб(б)ала»;
- Александр Лозовский «Хорошо забытое новое»;
- Александр Лозовский «Сентиментальная история»;
- Сергей Шинкарук «Вторая попытка»;
- Александр Абаринов «Штаны»;
- Борис Финкельштейн «Новый Декамерон, или Рассказы у камина»;
- Александр Мардань «Любимый дедушка»;
- Валерий Дружбинский «Паустовский и Украина»;
- Ева Хадаши «Западная гейша» (на японском языке);
- Юрий Фурманов «Аритмия»;
- Игорь Губерман «Праздник каждый день»;
- Всеволод Ковтун «Перші українськи пиріжки»;
- Всеволод Ковтун «Вот эта книга с пирожками...»;
- Александр Ноцкий «Nihil ex nihilo»;
- Борис Абрамов «Верить в свою судьбу»;
- Сергей Шелковый «Тень облака»;
- Давид Дубинский «О мужестве, мудрости и славе...»;
- Наталья Филиппова «Самое время писать стихи»;
- Елена Рог «Свое время»;
- Валерий Хаит «Последняя утопия (Свободные размышления безнадежного оптимиста)».

Вы еще не успели приобрести эти книги? Поторопитесь!

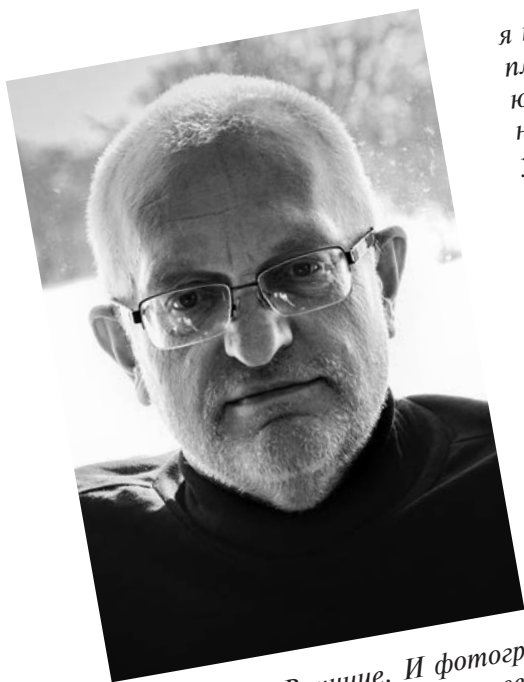

АВТОРЫ НОМЕРА

**Вадим КОЗЛОВСКИЙ. Цикл рассказов
«Петровичи и другие».**

таю врачом в Виннице. И фотографирую. И у меня жена, взрослые дети и две таксы. Поэтому я вполне себе счастлив».

О себе: «Последние лет двадцать я пишу короткие рассказы. Делаю это без плана и графика, исключительно из минутных побуждений. Рассказы эти, написанные в оригинале на моем родном украинском языке, я пробовал куда-то пристроить по украиноязычным, как положено, издательствам, но они оказались там никому не нужны. Некоторые из рассказов я тут же переводил на русский, опять же из иррациональных побуждений. И вот эти, переведенные, я и послал в «Радугу». И их выбрали! Теперь я могу считаться матерым литератором, опять же борода у меня уже есть, а мудрый взгляд отработан годами. Правда, раньше я пару раз печатался в сборниках, но ощущение маститости после этих публикаций почему-то не появлялось. А работ

Вадим КОЗЛОВСКИЙ

Вадим КОЗЛОВСКИЙ

ПЕТРОВИЧИ И ДРУГИЕ

Цикл рассказов

КОНДУКТОР

Петрович с самого детства был заядлым меломаном. Не то чтобы ему сильно нравилось то, что вытворяет с пианино воспитательница в детском саду, но когда они с отцом, гуляя по городскому парку, случайно наткнулись на духовой оркестр, упорно выдувавший из себя «Прощание славянки» на летней сцене, он остолбенел и онемел. Первыми на меломанскую сущность Петровича обратили внимание соседи. Они пожаловались родителям Петровича на то, что их сын свистит в подъезде. Он и действительно свистел — правду не спрячешь, — но он не просто свистел, а насвистывал арию Кармен, которую неизвестно где услышал и запомнил. Причем получалось у него это настолько хорошо, что учительница музыки с третьего этажа, Ира Бутман, зашла как-то к Петровичу домой и сказала его родителям строгим голосом: «Вашего ребенка надо учить музыке». Ира не очень нравилась отцу Петровича, потому что была, во-первых, еврейкой, а во-вторых, несколько толстоватой. Поэтому идея с музыкальным образованием не прижилась. Родители Петровича были люди простые, приземленные, небогатые, и эстетическое воспитание сына их не очень заботило. Петрович, между тем, был несколько флегматичен, характером обладал спокойным, говорил мало и все больше углублялся в музыку. Поскольку дома никакую музыку не слушали вообще, Петрович искал малейшую возможность пополнить свой музыкальный багаж — просиживал перед радиоточкой, бегал в парк под двери концертного зала, где летом гастролировали разнообразные артисты не первой величины. Когда в квартире появился телевизор, Петрович стал просматривать все музыкальные программы подряд, даже попсу. Как-то

Петровичу повезло — когда умер очередной вождь, по телевизору несколько дней крутили печальную музыку. Петрович даже прогулял школу, чтобы успеть все прослушать. С тех пор, если отец Петровича заставал сына за телевизором, он спрашивал его: «Что, опять генсек дуба дал?», и громко хохотал. Петрович не обижался, а только слегка улыбался. После восьмого класса все летние каникулы Петрович собирал металлолом и таскал его на приемный пункт. Так в доме появился магнитофон «Маяк». И Петрович теперь собирал музыку где только мог. С репертуаром Петрович определился сразу, давно и навсегда. Его интересовала исключительно инструментальная оркестровая музыка. Звучание симфонического оркестра приводило Петровича в состояние, который бы кто-то назвал экстазом, но это было просто счастье. Оно ведь у каждого свое...

Хотя Петрович довольно неплохо ориентировался в музыке и мог запросто насвистеть побочную партию гобоя в шестой симфонии Малера, некоторые вещи оставались для него непостижимыми. Так, например, больше всего вопросов вызывала фигура дирижера. Непонятными были его движения, но прежде всего то, каким образом все музыканты знают, когда начинать играть. Поэтому дирижер был для Петровича фигурой загадочной, таинственной, мифологической, почти божественной. Возможно, в глубине души Петрович представлял себя перед пюпитром с палочкой в руке, но это достоверно неизвестно...

Между тем время шло, Петрович устроился на работу в трамвайное депо, затем окончил курсы водителей и довольно долго водил трамвай по четвертому маршруту, самому длинному в городе. В его кабине всегда играла музыка, а его музыкальный трамвай и его самого даже начали узнавать пассажиры. Но случилась у Петровича неприятность — он заболел. У него нашли редкую глазную болезнь и сняли с маршрута. Именно в это время в город попала целая партия престарелых пятидесятилетних швейцарских трамваев (хотя они и были лучше наших новых). И Петрович стал кондуктором. Целыми днями он ходил по салону туда-сюда и обилечивал пассажиров. Кондукторская жизнь нравилось Петровичу, — хотя он потерял в зарплате, зато мог целую смену ходить с наушниками и слушать музыку. Забавно было видеть вместе пожилого кондуктора в наушниках и подростка в таких-же наушниках, которому Петрович продавал билет. Мужики в депо о слабости Петровича знали, но поскольку он не стучал на них начальству, занимал время от времени деньги, поддежуривал чужие смены, когда надо было подменить кого-то, — относились к нему снисходительно. Когда у Петровича был юбилей, купили даже ему на память небольшой телевизор. Петрович был тронут таким вниманием к своей персоне и телевизор домой не забрал, а поставил его на шкафу в бытовке, которая и у кондукторов и у водителей была общая, позже докупил спутниковую антенну, и с тех пор телевизор играл почти постоянно, транслируя преимущественно французский музыкальный канал.

В тот вечер, в бытовке были тройка водителей и Петрович. Как всегда, тихо играла музыка, и тут один из водителей воскликнул со смехом: «Смотри, смотри, Петрович! Он тоже кондуктор!!» В телевизоре заканчивались титры после какого-то концерта, лента на секунду замерла, потом снова медленно поползла вверх. Там было написано: «conductor Evgeny Svetlanov». И тогда Петрович заплакал.

ДАР

Вадим Петрович, несмотря на свое имя, которое должно было означать что-то волнующее и мятежное, был абсолютно серым человеком. Все в нем было обычное — и рост, который все называют средним, не задумываясь над тем, сколько же в этой средности сантиметров, и нос, не картошкой, но и не как у греческих богов, и глаза, будто голубые, но такие водянистые, что уже и не скажешь, какого цвета. И даже залысины у него были ужасно стандартные. И нрав у него тоже, как это уже, наверное, понятно, был совершенно ровным, без эмоциональных всплесков. Пожалуй, можно было бы Петровича назвать сангвиником, если бы не меланхоличность, которая порой охватывала его по непонятным причинам, скорее всего потому, что он был совсем одиноким. В школе Вадим Петрович со всеми ладил, учился не настолько хорошо, чтобы подвергаться негативу со стороны одноклассников, и не настолько плохо, чтобы слишком часто попадать в поле зрения учителей. Далее был малопрестижный институт средней руки, где Вадим Петрович честно отработывал свои тройки, дальше он где-то работал — тоже бесцветно и незаметно, и дослужился до клерка средней руки в мэрии. Работал без огонька, но и задних не пас, много не воровал, эпизодически подхватывая мелкие откаты, которые оставались от начальства. Сам он лишними амбициями не страдал и считал себя нормальным человеком, никогда не задумываясь над тем, что в данном случае считать нормой. Взаимоотношения с женщинами Вадим Петрович строил не из-за зова сердца или плоти, а потому, что так было принято. Он изредка заводил знакомства, переходящие обычно в стадию интима, который проходил, как и все у Вадима Петровича, невнятно и даже апатично. Собственно, на том отношения Петровича с женщинами и заканчивались, с возрастом они становились все реже и все менее интересными. Общение со своими немногочисленными знакомыми и коллегами по работе тоже было на уровне минимальной активности, и ограничивалось приветствиями и короткими обсуждениями, касающимися выполнения Петровичем своих производственных обязанностей, которые, надо отметить, были невероятно однообразными и неинтересными, то есть такими, которые идеально подходили к темпераменту такого, собственно, человека, как Вадим Петрович. Для облегчения контактов с сотрудниками он регулярно просматривал матчи футбольной Премьер-лиги и время от времени вставлял в спортивные диалоги товарищей по работе достаточно удачные реплики, благодаря чему получил репутацию футбольного фаната, будучи абсолютно равнодушным и к футболу, и спортивным событиям вообще.

Серость Петровича, если бы она была более выраженной, акцентированной, можно было бы принять даже за выдающуюся черту, но нет, это была серость без сучка и задоринки, серость, на которой негде и глазу остановиться. Петрович, в сущности, был человеком без свойств. Если бы, конечно, не удивительный случай, который приключился с ним, когда он, после просмотра очередного футбольного матча, находясь в полудремотном состоянии, сначала почувствовал странную легкость в теле, а потом и вовсе невесомость. В то же время тело прекратило давить на неровности старого дивана, и Петрович, пощупав на всякий

случай рукой под задом, понял, что висит в воздухе. Он, конечно, слышал об индийских йогах, которые способны находиться в состоянии левитации, но чтобы так, самому, совершенно неожиданно?! Надо отметить, что появление способности левитировать Петрович принял в целом спокойно, без экзальтации и истерик, как и положено уравновешенному, нормальному человеку. О физических и духовных сущностях этого удивительного явления он не раздумывал. Более того, Петрович, подспудно чувствуя всю свою серость и никчемность, воспринял новое, а скорее, единственное свое яркое свойство как дар, как справедливую компенсацию за годы незаметности и бесцветности. Между тем этот дар Петрович оставил полностью себе, никому не рассказав о нем. А кому было рассказывать? Иногда Петрович задумывался над тем, как бы получить из своих необычных способностей какую-то пользу, например, денежную, выступая на сцене, или, скажем, всенародную славу в качестве победителя передачи «Україна має талант». Практических последствий эти размышления, однако, не получили, поскольку Петрович, справедливо посчитав все «за» и «против», решил не суетиться, ведь коэффициент полезного действия этой суеты, по его мнению, был бы минимальным. К тому же, неожиданно увидев на экране телевизора какого-то шарлатана, который висел в воздухе, сверкая задом, обтянутым золотистым трико, и делая руками отвратительные пассы, Петрович понял, что он не будет выглядеть на сцене столь эффектно, и этот путь не для него.

С того дня, когда Петрович впервые поднялся в воздух, прошло уже лет десять. Сеансы левитации, которые он не без юмора называл «приходами», действительно приходили, но без существенного влияния самого Петровича на этот процесс. Конечно, перед приходом он чувствовал своеобразную ауру где-то внутри — под ложечкой появлялось ощущение странной неги, которая была весьма приятной. Обычно приходы случались под вечер, когда Петрович был дома в расслабленном состоянии. Он вынимал тогда подушку из-под головы, закрывал глаза, и через некоторое время начинал медленно подниматься над диваном. Во время висения Петрович ничего не чувствовал, разве что полный покой и отрешенность от реальной жизни. Иногда, боковым зрением, он видел свое отражение в зеркале серванта, и это зрелище ему нравилось.

Но на этот раз все было не так. Еще на работе Вадим Петрович, сидя в приемной начальника с кипой бумаг на подпись, почувствовал в животе знакомое чувство, но оно на этот раз было гораздо сильнее, чем обычно. Отгоняя внезапную озабоченность, Петрович подумал, что это, может, язва какая-то или гастрит, и неплохо было бы к врачу сходить, но ощущение быстро прошло, и он успокоился. Однако уже подходя к дому, Петрович обреченно понял, что приход состоится, причем прямо сейчас. И в самом деле, слегка подбросив обе ноги (внешне это могло бы напомнить какое-то танцевальное па, если бы кто-то мог наблюдать за этим действием), Петрович оказался в привычной горизонтальной позиции, но на непривычной высоте человеческого роста. Он медленно повернулся на правый бок и подогнул ноги. Расстегнутая куртка Петровича откинула вниз правую полу. Начал накрапывать дождик, Петрович застегнул молнию, находясь в том же положении, накинул капюшон, закрыл глаза и начал медленно дрейфовать вниз по безлюдной Красноармейской улице. Начинало темнеть. Петровича ничто не беспокоило, хотя впервые приход состоялся вне стен родного дома. Из состояния отключки, уже когда Петрович

подплыл к повороту на Горького, вывел знакомый голос, который звучал несколько взволнованно:

— Вадик, ты что делаешь?

Вадим Петрович открыл глаза и увидел прямо перед собой лицо Гарика Фельдмана, своего однокурсника, который жил неподалеку.

— Не мешай, у меня эксперимент,— изобретательно придумал Петрович и добавил: — Иди в скверик, я сейчас буду,— и махнув рукой, повернул на Горького во дворы.

Он пытался довести сеанс до конца, снова закрыл глаза, и в определенной степени ему это удалось, вплоть до того момента, когда неожиданно почувствовал правым боком что-то твердое. Это была грунтовая дорожка под орехами, ведущая в скверик дворами, на которую он плавно опустился. Петрович встал, собрал монетки и ключи, выпавшие из кармана во время приземления, и поспешил в скверик. Гарик ждал его, нервно блуждая туда-сюда по дорожке. Вид у него был испуганный. Петрович начал что-то ему рассказывать, объяснять, под конец сказал, что его по блату взяли в экспериментальную американскую программу. Эти оправдания выглядели, очевидно, бессмысленными, и по выражению лица Гарика было понятно, что он не верит ни единому слову Петровича. Тот помолчал немного, виновато посмотрел на Гарика и сказал:

— Не говори никому, ладно? А то еще подумают что-то.

Потом они пожали руки и разошлись.

ГРИША

Гриша был дебилем. Не в том, конечно, смысле, когда старые приятели шутя или в сердцах используют это слово, обращаясь иногда друг к другу. Нет, Гриша был клиническим дебилем. С медицинской точки зрения, как я узнал позже, Гриша был имбецилом, но в нашем дворе таких тонкостей не знали. Гриша рос тихим парнем, всего на пару лет старше меня, чернявым, бровастым и носатым. Жил он в соседнем доме вниз по улице. Родители от Гриши отказались, и за ним ухаживала бабушка, небольшая, кругловатая и неприветливая женщина. Ходили слухи, что она сама, из-за того, как ее дочь обошлась с Гришей, выгнала ту из дома. Иногда бабушка с Гришей куда-то ходили вместе, передвигалась она быстро и вечно тащила его за руку. Гриша сопротивлялся, поскольку был немного косолапым, неповоротливым и не любил спешки. Когда его летом отпускали погулять, он, в основном, стоял на одном месте, рассматривая окружающий его мир, и делал небольшие переходы туда-сюда своей странной, плохо скоординированной походкой. Иногда он совершал вялые попытки уйти от бабушки, поднимаясь метров на сто вверх по улице, к огромному тополю, ежегодно снежившему, до того дня, когда его все-таки спилили коммунальщики. Тогда бабушка через открытое окно тихо, но убедительно говорила: «Гриша, иди домой!» Если Гриша артачился, голос бабушки постепенно приобретал металлический тембр, и после очередного окрика «Гриша!!!» судьба противостояния неизменно решалась в пользу бабушки. Нам, детворе, не рекомендовалось контактировать с Гришей по тем или иным со-

ображениям. Он совсем не разговаривал, и не скажу, что бывал агрессивным, вовсе нет, но случалось, он сердился — однажды вот, когда бабушка затеяла ремонт, вылил на меня из окна немного известкового раствора для побелки. Судя по звукам пощечин и тихонького плача Гриши, эта затея ему дорого обошлась. Мне было его очень жаль, и я чувствовал себя виновником того, что с ним произошло. Я всегда ждал, когда же он уйдет от бабушки, потому что иногда, совсем изредка, Гриша, стоя под топодем, пел...

Гришина песня была гениальной. Она состояла всего из нескольких нот, которые Гриша, согласно своему внутреннему гармоническому закону, составлял в бесконечные минорные вариации.

Если Гриша, стоя под топодем, закидывал голову, вглядываясь в небо, — я знал, — сейчас будет музыка. В Гришиных глазах тогда, как мне казалось, появлялись проблески сознания; и что там глаза, он сам тогда превращался в музыку, становился живым музыкальным инструментом, которым пользовался кто-то невидимый, чтобы заполнить музыкой Вселенную.

Гриша начинал тихонько, исподволь, постепенно увеличивая обороты, его тонкий и печальный мальчишеский голос набирал силу, неизвестно откуда в нем появлялись гортанные переливы, звук усиливался, потом мелодия начинала окутывать тополя, спускалась вниз по улице, заплывала в мою квартиру, потом возвращалась к белым крыльям бабочек, живших в скверике напротив, и растворялась в небе. Эта песня не была похожа ни на что, ничего подобного я никогда не слышал. Возможно, Гриша каким-то образом чувствовал весь трагизм своего существования, вкладывая в эти мелодии персональную боль, выпуская ее наружу вместе со своим мальчишеским голосом.

Гришина музыка обладала способностью шокировать прохожих. Каждый, кто оказывался на пути волны Гришиной песни, неизменно останавливался и озадаченно начинал искать источник звука. А найдя, еще более озадаченно опускал голову и ускорял ход. Еще бы, Гриша был debil, и это тяжело было не заметить...

Единственная, на кого Гришина музыка не производила никакого впечатления, была его бабушка. «Гриша, домой!!!», — Гриша мгновенно замолчал, оборвав мелодию, и с грустным видом медленно брел домой. В такие моменты я был готов удавить Гришину бабушку...

Гришино состояние с годами ухудшалось, он все реже выходил на улицу, пел еще реже, и скоро совсем исчез из поля зрения. Однажды, когда я забежал после работы домой, мама сказала: «Ты ведь еще не знаешь, а наш-то Гриша умер». И это было так грустно...

* * *

Лет сорок спустя мне повезло слушать другого гения. Уэйн Шортер играл длинную и грустную мелодию, в которой была сконцентрирована вся человеческая печаль. В конце концов, уж он-то имел на это право. Такому нельзя научить. Таковую музыку можно только прожить. Его мелодия была очень экономной, всего из нескольких нот, которые долго тянулись. Очень долго. Только под конец я понял, что уже где-то слышал ее.

Да, это была Гришина мелодия...

СИЯНИЕ

В магазине Петрович увидел шампунь. Вообще-то он пришел сюда за напитком, но стройный ряд пузатых баночек неожиданным образом привлек его внимание. Дело тем более странное, что Петрович шампунем за ненадобностью давно не пользовался, так как считал, что детское мыло много лучше и даже здоровее. Со временем детское мыло сменилось простым, а иногда и хозяйственным, но Петровича это не сильно волновало, поскольку пижоном он никогда не был.

Большими и четкими буквами, видными издалека, на баночках было написано: шампунь «Блеск» и чуть пониже — «золотистое сияние».

— Что, действительно золотистое сияние? — поинтересовался Петрович у губастой, обильно накрашенной продавщицы.

— А вы попробуйте, может чего и засияет, — пошло хихикнув, ответила девица.

«Дура», — мелькнула незлобивая мысль в утомленной раздумьями голове Петровича. Проблема была в том, что денег у него было в обрез, только на что-то одно — или на шампунь, или на напиток. Напиток был, конечно, решительно нужнее. Поколебавшись еще немного, Петрович все-же склонился к напитку и уже протянул было деньги продавщице с пустыми глазами, как нежданно для себя самого он произнес пересохшими внезапно губами:

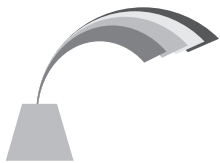
— Дайте, это, сияние...

Придя домой, Петрович первым делом помыл голову. Когда волосы начали понемногу подсыхать, он подошел к мутному зеркалу с прожилками трещин в углах и внимательно изучил поверхность головы. Действительно, над головой висело некое подобие светлого нимба с радужным отливом!

«Е-мое», — насторожился Петрович, в глубине души не верящий, ни в Бога, ни в черта. Слабо помнящий школьный курс физики, он не знал, что дело было в хроматических абберациях и сложных оптических отражениях желтой двадцатипятиваттной лампочки, слабо мерцавшей в дальнем конце коридора коммуналки. А сразу, конечно, наличие сияния поразило Петровича в самое сердце. Почему-то вспомнилась вся долгая его жизнь, причем без хронологической последовательности: жена Вера, с которой он много лет был в разводе, умерший молодым от рака сын, детство в пыльном райцентре, работа в автоколонне.

Очнувшись от раздумий, Петрович потрогал голову. Волосы высохли окончательно, и он снова подошел к зеркалу. Сияния не было... «Дурят нашего брата почем зря, сволочи», — подумал Петрович. Настроение у него сильно испортилось...

АВТОРЫ НОМЕРА

Алена ЛАЗЕБНАЯ. Рассказ «Звездочка».

Алена Лазебная дебютировала на страницах «Радуги» в 2016 году (№ 1) с циклом рассказов «Я расскажу вам за Пномпень», потом были рассказы «Белый свет Матрокко» (№ 9–10'2016), «Лора», «Про любовь» (№ 3–4'2020), повесть «Дунайские байки» (№ 5–6'2017).

Родилась в Киеве. Выпускница Киевского университета им. Т. Г Шевченко. Работала в рекламном бизнесе. Сейчас живет в Одессе.

Алена ЛАЗЕБНАЯ

Алена ЛАЗЕБНАЯ

ЗВЕЗДОЧКА

Рассказ

У детского сада «Звездочка» было две примечательности: звезда на заборе и баба Женя. Звезда досталась садику от расформированной военной части. А баба Женя... баба Женя была именно той бабой, которая спасла сад в девяностых и отстояла в новомодных веяниях двухтысячных.

Когда-то давно, придя в военный городок в поисках работы, Женя устроилась в детский сад посудомойкой, а через год вышла в поварахи. И очень скоро все родители городка мечтали пристроить своих тощих несмышлят в детский сад «Звездочка». Все дело было в том, что даже из столетнего, перемороженного в армейских холодильниках мяса повараха Женя умела приготовить такие голубцы, котлеты и запеканки, что даже самые избалованные конфетами дети безропотно и с удовольствием их съедали.

Женины котлеты таяли в детских ртах как сахарные леденцы. Голубцы растекались по животикам как мармеладные дольки, а радужные соусы мясных запеканок блестели на детских щеках как солнечные зайцы на подушках. Дети в том садике не болели, занятий не прогуливали, знаниями овладевали и день ото дня росли и здоровели.

Следует сказать, что прозвище баба досталось женщине в довольно молодые годы. И случилось это не согласно возрасту или семейному положению. Уж больно рослой и дебой бабищей она уродилась. Ручищи, ножищи, голова об ушах да грудь вывертом. Не девица, не тетка, а именно баба! А кто, как не дети, первыми заметят сходство? Вот плакса Ленка из малышковской группы первой ее так назвала, а за ней и вся детвора. Только ступят на порог кухни, так и орут:

— Здрате, баб Женя! А котлеты будут?!

— Будут, будут. Будут вам и котлеты, и хлеб с майонезом,— бубнила от плиты Женя.

А про себя думала: «Худая корова вам бабка, тошеньши».

Детей баба Женя любить не спешила. Своих Бог не дал, а чужих? Что их любить, чужих-то? На то у них родители есть.

С мужиками у бабы тоже не ладилось. Сошлась с инженером. Худым да злобным. Из хорошего только очки да штаны в елочку. Откормила. Пригласила. Залоснился мужик, заблистал похотью. Да и ушел. Возвращался потом. Просил принять. Да не простила его Женя. Да и не Женей она уже была, а бабой, бабой Женей. Вот такие вот дела.

Но не будем о грустном. Жизнь как жизнь. Хоть дугой, хоть коромыслом — все без смысла.

Любила Женя в жизни две вещи — мясо и Новый год.

С мясом-то у нее смолоду сложилось. Все в своей жизни Женька мерила мясом. Бывало услышит, что соседи в отпуск съездили. Прибежит и спросит:

— А сколько? Сколько денег потратили?

Ну, люди ответят, кто правду, а кто и соврет. А Женя только пальцем у виска покрутит.

— Это сколько ж на эти деньги можно было мяса купить!

У каждого в этом мире свои ценности, ну, и дары тоже свои.

Вот Женька, к примеру. Возьмет в руки кусок мяса. На полотенце выложит, пальцем ткнет и сразу видит всю его жизнь грядущую: видит, как проплывает оно через дырки мясорубные, как лохматится в руках заботливых, как сливается с сухарями молочными, как пускает слезу от лука яростного.

И выкладывает баба котлеты в противень, румянит их с маслом да с кашей гречневой.

— Не жирно, да сочно. Не остро, дапряно. Не жухло, а пышно, — приговаривает.

Нигде кулинарному мастерству не обучалась, от Бога дар был — как грезилось, так и готовила.

А дети, дети любовь за версту чувуют. Обожрутся Жениных котлет да бабкой кличут.

Новый год в детском саду «Звездочка» праздновали с размахом. Сверкала гирляндами елка. Слезились на окнах бумажные снежинки. Собирались родственники, приезжало районное начальство.

Еще с сентября воспитатели разучивали с детьми стихи, песни, танцы. Распределяли роли и костюмы. Со скандалом решали, кому быть Снегурочкой...

Вырастали и покидали садик дети, сменялось начальство, а новогодний праздник проходил по-прежнему — весело и красиво. Ведь было в том саду одно незыблемое чудо. Каждый Новый год повариха баба Женя превращалась в Деда Мороза. Коллектив в садике был почти что женский, да и кто бы допустил к такому важному событию безответственного молочника Николу? Кто-то, может, и допустил бы. Но не баба Женя.

Каждый год в канун праздника корпулентная баба шла в местный клуб и забирала сданные на хранение кафтан с сапогами. Каждый год она самолично обновляла на красном жупане белую оторочку. Клеила отвалившуюся от сафьяновых сапог вату. Примеряла шелковистую бороду и пристраивала к ней усы. По вечерам в маленькой квартире на окраине городка происходило чудо:

баба Женя превращалась в Деда Мороза. Она репетировала, вертелась перед зеркалом, произносила незамысловатые слова и так искусно перевоплощалась, что когда в праздник под зов детей и Снегурочки баба Женя появлялась у новогодней елки, даже у самых худеньких хулиганов не возникало сомнений, что перед ними настоящий Дед Мороз.

- Здравствуй, Дедушка Мороз! — кричали дети.
- Здравствуйте, ребята! — гулко ответствовала баба.
- Ты подарки нам принес? — не медлила с главным вопросом детвора.

— Я принес, ребята, конфеты и цукаты.
Я принес подарки, что яркие и сладки.
Я принес котлеты для девчонки Светы.
Я принес голубчики для детей и внучиков.
С Северного полюса, с Юга полушария
Я привез вам, дети, чуда кулинарии.

И Дед Мороз начинали свой триумфальный поход вокруг елки.

Из бездонного мешка снова и снова появлялись коробки с самодельными, приготовленными для каждого ребенка подарками. Каждому детенышу баба Женя вручала сокровенные, самые любимые им сладости. Сахарные звезды, медовые цукаты, шоколадные орехи, ванильные шары и яблочные пирожные увлекали детей в такой восторг, что они забывали о том, что Новый год будет завтра или послезавтра. Новый год приходил вместе с Дедом Морозом бабой Женей.

Раз в год баба Женя превращалась в Деда Мороза.

Шли годы. Крепли и уходили в школы дети. Светки сменялись Аленками. Андреи — Денисками. Сопливая малышня переставала болеть. От чудодейственных котлет подготовишки превращалась в умных и добрых первоклассников и уходили в новую жизнь. И только баба Женя по-прежнему нашептывала в миски с мясом тайные приговоры и дарила детям праздник новогоднего чуда.

Однажды, хмурым ненастным днем, в дверь детского сада постучали. Худая, длинная, как жердь, женщина сверкнула линзами очков и вручила привратнику бумагу. На белом с семью печатями листе значилось, что с сегодняшнего дня она назначается директором дошкольного учреждения «Звездочка». Из района сообщали, что на улице двадцать первый век, что жизнь требует перемен и решение начальства окончательное и бесповоротное.

И начались в том саду перемены. В первый же день тощая директриса запретила в саду мясо, рыбу, соль и сахар. Грустный серый трактор доставил на детсадовскую кухню прицеп волокнистой моркови и землистой свеклы. Из дальних мест прибыли в «Звездочку» ящики с прогнившими яблоками. Злобная управительница терпеть не могла мясных котлет, голубцов и запеканок. Кормила детей морковными крокетами и перевела бабу Женю из поваров в нянечки. Она бы с удовольствием выгнала мясную кудесницу на улицу. Но у детского сада «Звездочка» было две примечательности: звезда на заборе и баба Женя.

Баба Женя растерялась. В один момент из ее жизни исчезло то, во что она так верила. И если раньше все хорошее в жизни она измеряла мясом и точно

знала, что если ребенок съел на обед два голубца, то из него будет толк, то теперь с удивлением взидала на распластавшиеся по тарелкам овощные котлеты и не понимала, что с ее детенышами дальше произойдет.

Баба Женя сажала детей на горшки, но дети не какали. Она читала им веселые сказки, но они не смеялись. Она запихивала им под подушки яблоки, но дети их не трогали. Тусклые и безжизненные, дети бродили по саду, заглядывали няньке в глаза и спрашивали:

— Баб Женя, а котлеты будут?

— Будут, будут. Будут вам и котлеты, и голубцы, и звезды с сахаром. Вот придет Новый год, и все вам будет, — успокаивала детей бывшая повариха.

За неделю до новогоднего утренника баба Женя пошла в клуб и попросила выдать костюм Деда Мороза. Костюмер ступевалась и сообщила, что костюм уже «на руках». Директор сада уже взяла его в аренду. От слов служащей клуба баба Женя так растерялась, что даже не сразу поняла всей глубины своего горя. Она тащилась домой по вязкой измороси предновогоднего однообразия и еще не осознавала, что у нее увели не костюм, не привычную новогоднюю забаву. Она еще не понимала, что у бабы украли Новый год. Праздник, который и был ее жизнью.

Придя домой, Женя открыла всученный костюмершей кулек. Вытряхнула из него черный балахон, желтую гирлянду и написанную от руки бумажку: «Баба Женя. Массовка. Звездочка».

Всю последующую неделю баба Женя не выходила из дома. Всю неделю из маленькой, расположенной на третьем этаже квартиры доносились странные звуки. Всю неделю там что-то толкло, билось, жужжало и с грохотом падало на пол. Загадочные звуки будоражили жителей скромного дома. Интриговали днями и не давали спать по ночам. А спустя неделю их подъезд наполнился такими запахами, что даже новорожденная внучка соседней сглатывала во сне слюнку. За три дня до Нового года лестничные пролеты так благоухали корицей, ванилью, яблоками и орехами, что некоторым казалось, что вместо Нового года грядет Рождество. А еще через день из-за неплотно прикрытой двери на третьем этаже так запахло нежными паровыми котлетами, томленными в сливках голубцами, приправленными мускатным орехом пирогами, что некоторые уверовали, что вместе с Рождеством близится и Воскресение.

Новогодний утренник в детском саду «Звездочка» начался ровно в десять. Сразу после овощного завтрака облаченные в Снежинок, Мишек и Зайцев дети выпорхнули под елку и принялись печально читать стихи и петь песни. Приуныло заезжее начальство, забеспокоились родители. А дети сонно сновали вокруг елки. Снегурочка Алла Владимировна предложила позвать Деда Мороза.

— Де-душ-ка Мо-ро-оз,— вразнобой залепетали дети.

— Дед Мо-роз, вы-хо-ди,— запищали самые маленькие.

Дед Мороз не появлялся, малыши продолжали его звать, но некоторые уже принялись ковырять в колготках дырки.

— Дедушка-а-а,— голосили дети.

И вдруг из старых детсадовских колонок вырвался странный визгливый хрип. Дети вздрогнули и во все глаза уставились на появившегося в дверях длинного, очкастого Деда. Красный тулуп трижды обвил его тощее тело, вместо окладистой бороды с подбородка свисали сопливые пряди, а на голове красовалась высокая остроконечная шляпа.

— А-ха-ха-а!!! Мэри Крисмасс! — заорал вместе с голосом из колонок зловещий Дед. — Гуп! Гуп! Гуп! — замолотил ногами по полу.

— Ма-ама! — бросилась к маме плакса Леночка.

— Папа-а! — прыгнул на руки к отцу смелый Андрей.

— Дети! Дети! Кто это? — заплакала Снегурка Алла Владимировна.

И в кромешной тишине, маленькая Светка прошептала:

— Эт-то... это — Баба Яга!

Что началось! С ревом и криком дети бросились удирать. Сметая родителей, воспитателей и районное начальство, они неслись в самое безопасное место в саду. Всеми своими испуганными сердечками они искали защиты у самого большого, теплого и сытного человека, которого они знали. Дети бежали на кухню.

Дверь ее распахнулась. Поперек кухонных плит и печей из края в край высился огромный, уставленный новогодними яствами стол. Блюда с котлетами сменялись противнями с пирогами и запеканками. Миски с голубцами — тарелками с выпечкой, а кисели — компотами.

Позади стола в белоснежном крахмальном халате с картонной короной на голове стояла баба Женя. В больших красных руках она держала огромный поднос с подарками. На выдавшем виды железном подносище блистали сахарные звезды и лучились мармеладные зайцы. Манили молоком ванильные шары и глазурные леденцы. Сверкали усыпанные пудрой пирожные и дразнились ромовым запахом шоколадные орехи.

Дети замерли. Остолбенели родители, тихо скрипнула за уходящей директрисой дверь.

И только маленькая смелая Светка подбежала к столу, схватила ладошкой свисающий крендель и, засмотревшись на сияющую на голове поварахи корону, спросила:

— Баба Женя, а котлеты будут?

Любовь ФЛИТТЕР. Стихотворения.

Из автобиографии: «Родилась в 1938 году в селе Поляковка Учалинского района Башкирской АССР, куда в 1937-м из Киева был выслан мой отец, Флиттер Соломон Михайлович, обвиненный по 58-й политической статье. Мать и старший брат поехали за ним. В 1941 году на войне погиб мой брат Ким. В селе не было средней школы, и благодаря хлопотам родителей, которые позаботились о моем образовании, в 1948 году нам было разрешено переехать в небольшой городок Бирск под Уфой. В этом же году по приказу Сталина административно-высланных перевели в ГУЛАГ: отца отправили сначала в Казахстан, а затем в лагерь особого режима «Озерлаг». Я осталась с матерью. В 1954-м поступила

на филологический факультет Уральского университета в Свердловске (Екатеринбург). После реабилитации мои родители вернулись в Киев, и с 1960 года я опять жила с ними, преподавала русский язык и литературу в средней школе.

После смерти родителей, в 1979 году эмигрировала в США. Стихи начала писать здесь. В 2005-м вышла моя первая книга «Храм в пустыне», потом еще три — «Серебряная нить» (2012), «Последний шаг» (2015), «Ручей» (2020)».

Любовь ФЛИТТЕР

Любовь ФЛИТТЕР

* * *

Сегодня пятница опять,
Я не спешу домой,
Где не застелена кровать
И пахнет тишиной,

Где не дописан грустный стих
И не оплачен счет,
И в старом кресле, мудр и тих,
Отец меня не ждет.

Где громко ходики стучат,
А время не идет,
И фотографии молчат
Уже который год.

* * *

Такая радость захлестнула
Мальчонку летом на заре,
Его как будто ветром сдуло
С его скамейки во дворе.
И, не заметив кур хозяйских,
Охапки сена для коров
И индюка с его зазнайством,
Вязанки запасенных дров,
Он убежал на свой пригорок,
Упал в росистую траву
И засмеялся: так был дорог
Миг жизни здесь и наяву.

* * *

Зачем мы жили? Что спасли?
О чем мечтали? Где грешили?
Какие тайны унесли?
Какие ребусы решили?
Как помогли земным делам
И помешали злу свершиться?
Кто памятник поставит нам
И будут ли за нас молиться?

* * *

Наша звонница опустела,
И оглохли все звонари,
Не зовут мужиков на дело
И не будят их до зари,
Не скликают народ на вече,
Хоть и гибнет Земля от зла, -
Оскудел язык человеческий,
Заржавели колокола.

* * *

Меня торопили и мать, и отец
Стать взрослой и правильно жить, наконец.
Я долго играла в послушную дочь
И редко просила понять иль помочь.
Металась, боялась и шла наугад
Сквозь дебри запретов и ложных преград
В сети одиноких и пасмурных дней,
Не внемля себе и не зная людей,
И только теперь, когда некогда жить,
Ловлю иногда путеводную нить,
Доселе не зная, за тот ли конец,
Но это не видят ни мать, ни отец.

* * *

Так нежен розовый рассвет:
Одна в нем краска, боли нет,
Но как тревожна и богата
Палитра каждого заката,
Как будто небо над Землей
Так много за день испытало,
Что, завершая день земной,
Кровавой краской запылало.

* * *

Когда меня преследовали страхи,
Когда чужой и злой казалась всем,
Когда вставало прошлое из праха,
А будущего не было совсем,

Когда казалась жизнь невыносимой
И дням суровым не было конца,
Я помощи у Бога не просила,
Я вспоминала моего отца.

Наверное, в трагедии иль в саге
Не описать души его святой,
В плену, в окопах, в лагерях ГУЛАГа
Он выжил и смеялся над судьбой.

В нем было то, что люди ищут вечно:
Великое согласие с собой,
Такая доброта и человечность,
Души страдальца мудрого покой.

Не помню в нем ни корысти, ни злобы,
Лишь к женщине Единственной — любовь,
Когда над ней закрыли крышку гроба,
Он к этой жизни не вернулся вновь.

А умирая, прошептал два слова:
«Не унывай...», и жизнь оборвалась,
Но каждый раз отец приходит снова,
Чтобы спасти меня в тяжелый час.

* * *

Старая мельница,
Кружит метелица,
Небо с землею
Снежинками делится.

Синих полозьев
Крутая отметина,
Скользкая тропка
Пушисто заметена.

Тонкой сосульки
Игла ненадежная,
В свете над люлькой
Рука осторожная.

Дымные выси,
Поля полусонные,
Розовой кисти
Узоры оконные.

Было ли — не было,
Все перепутано,
Снежную нежностью
Детство окутано.

* * *

Бог меня отметил черной меткой,
Осторожно бросил серый камень,
Заточил в распахнутую клетку,
Свет впустил в полузакрытый ставень.
И, казалось, выходи на волю,
Радуйся и пой, пока поется,
Только воля обернулась болью,
И таким, как я, здесь не живется.
Все гоняют гадкого утенка,
Улетели лебеди с планеты,
Хорошо бы снова стать ребенком,
Чтобы вдруг не сделаться поэтом.

* * *

Я уже не касаюсь ногами земли,
Меня ветры свободные вдаль унесли,
Унесли, замели, не оставив следа,
Словно я на Земле не жила никогда.
Я стремилась однажды достать до небес,
Но и этот порыв незаметно исчез —
Как Снегурочка тает с приходом весны,
Так и я улетаю сквозь годы и сны.

* * *

Пахнет астрами осень, спешит наутек,
Осыпает дождями и землю, и небо,
Завалила листвою родной уголок,
Где когда-то ты был или, может быть, не был.
Здесь звучали веселых детей голоса,
Жили молодость, радость и вечное лето...
Затянуло все небо дождей полоса,
Я ищу среди туч голубые просветы.

* * *

Живу в стороне, на отшибе,
На грани желаний и дел:
Не то чтобы жизнь, но не гибель,
Не то чтобы край, но предел.

* * *

Среди этой страшной гонки,
В колесе судьбы закручен,
Я услышал голос звонкий,
Станный голос из-за тучи.

Не магические гимны
И не ритмы папуасов,
Голос женственный и сильный
Пел о людях звездной расы.

Пел о людях с нежной кожей
И с душой, открытой свету,
На земных они похожи,
Но совсем с другой планеты.

Там в дождях печаль не стынет,
А в снегах не скрыта скука,
Каждый там любим и принят,
И добро всему порука.

В алых солнечных закатах
Ожидание рассвета,
Тихой радостью богата
Неизвестная планета.

И живут без назиданья,
Без отчаянья и боли
Поднебесные созданья,
О земной не зная доле.

* * *

Зима в Нью-Йорке, холод стен,
С Гудзона серый ветер веет,
И полуголый манекен
Замерз в витрине на Бродвее.

Обеда время: каблочки
Мелькают в каменной утробе,
И легких девочек пучки
Теснятся в барах небоскребов.

Мужчин ответственных поток
Плывет к соседним ресторанам
Взять бутерброд, вина глоток
Иль кока-колы полстакана.

Бездомных кучка за углом
Ютится в старых одеялах.
Машин застрявших вой-содом,
Туристов старых взгляд усталый.

Зима в Нью-Йорке, легкий снег
Летит с небес и тут же тает,
И времени земного бег
Огромный город обгоняет.

* * *

Я живу и теряю, теряю
То мечты, то надежды, то сон
И с годами их все заменяю
На один неизбывный закон:
Не проси, не надейся, не бойся,
Принимай все, что есть на пути,
Не суди, потерпи, успокойся,
Пожалей этот мир и прости.

АВТОРЫ НОМЕРА

Виталий МЕДВЕДЬ. Повесть «Ангелы Белого Дома».

О себе: «Родился в Красноярске. Последние 32 года живу в Украине, в маленьком городе атомщиков Славутиче. По образованию — психолог. Порядка 17-ти лет тружусь на Чернобыльской АЭС. Более четверти века счастливо женат, вырастил двух замечательных детей. С подросткового возраста пишу стихи, прозу, рисую».

Виталий МЕДВЕДЬ

Виталий МЕДВЕДЬ

АНГЕЛЫ БЕЛОГО ДОМА

Повесть

ГЛАВА 1. НА ДНЕ

Леся принесла из кухни табуретку, поставила в угол, выскользнула из тапок и вознеслась. Прямо к иконе с Мадонной. Этот дурацкий золотистый лубок Сережа подарил маме, когда та внезапно ударилась в религию. На картинке, выполненной в традиционном комниновском стиле, действительно была изображена Мадонна. Мадонна Луиз Чикконе — поп-звезда, известная своими шокирующими, а подчас и похабными выходками. Мама подколки не заметила, попросила закрепить под икону полочку и несколько лет исправно молилась в угол на довольную физиономию разудалой певички.

Девять дней назад мамы не стало. На Лесю, два года назад опустившуюся на дно депрессии и чувствующую себя там вполне уютно, это практически не оказало воздействия. Было серо, стало серее. Существоем дальше. Другие считали, что она стойко держится.

Матери только-только исполнилось шестьдесят, но Леся сама себя уговаривала, что это уже приличный возраст, что мама уже пожила и многие ее ровесники ушли еще раньше.

Несмотря на наличие сводных брата с сестрой, похороны с поминками Леся организовывала сама. Брат еще в конце девяностых уехал сначала в городок Шахты, в Россию, затем перебрался в Ростов-на-Дону. Писал он редко, звонил всегда на киевский стационарный номер, а после аннексии Крыма перестал звонить вовсе. Леся попыталась отыскать в записной книжке матери его адрес, перебрала старые конверты из выдвигаемого ящика, но ростовского местонахождения брата не нашла.

Сестрица же в 2015-м сорвалась в Польшу, как-то очень быстро там закрепилась, став правой рукой владельца клубничной фермы, забрала мужа

с девчонками и оказалась такой занятой, что похороны бывшей мачехи в ее приоритетах очутились далеко не на первом месте.

На девятый день Леся наплевала на блины, кутьи, кисели и прочие церковные каноны и распорядки. Придя утром с Демеевского рынка, она сама себе налила полрюмки водки, выпила, поморщившись, откусила яблоко и пошла убирать с серванта стакан с болезненно выгнувшимся куском бородинского.

Затем, по непонятной логике, вспомнила про икону, пристально и долго смотрела на нее, затем тоскливо и обреченно решила, что хватит.

...На полочке было на удивление мало пыли. Леся потянулась за плоской серебристой свечкой, чуть сдвинула нижнюю часть иконы, та вдруг накренилась, заскользила по полированной поверхности и, крутясь в воздухе, рухнула вниз. Стекланные брызги красиво сыпанули по полу.

С полминуты Леся тупо глядела сверху на результаты салюта, после решила, что не стоит рисковать и совать ноги в тапки, перешагнула на скрипучую кровать, села, обняла колени и неожиданно для себя завывала по-бабьи, длинно и стыдно.

* * *

— Ма-а-ам!

— Да, мой ангелочек?

— Почему они так шумят?

— Потому что...

— Потому что Майдан, Варька!

— Сережа! Выключи его вообще, нечего ребенка пугать!

— Леся, ну ты же видишь?! — Сергей показал рукой на экран ноутбука, словно это что-нибудь объясняло.

— Иди тогда на кухню, смотри свой Майдан...

— Мама, что такое Майдан?

— Это песня такая, солнце. Сейчас я тебе ее спою...

Сережа взял ноутбук с мышкой и встал из-за стола, затем подумал, нагнулся и выдернул шнур из розетки. Похоже, спать он сегодня не собирался.

— Переведи-и-и меня-а-а-а через Майда-а-ан, через родное торжище людско-о-о-ое...

Не перевел... У человека тысячи способов умереть. В эти дни, когда незнакомые люди начали один за другим погибать под пулями «Беркута», Сережу невозможно было вынуть из Сети. Первые дни он дергался, рвался туда «спасать страну».

— Семейку спасай, — жестко сказала Леся. Когда было нужно, она переставала идти на компромиссы и кивать.

— Лесь, ты не понимаешь...

— Нет, Сереж, это ты не понимаешь! У тебя дочери три года. Мама болеет. Семейку спасай. Только так страну спасешь...

Варька задавала жару с самого рождения.

Едва научившись ползать, она лезла во все шкафы и ящики, доставала посуду, тряпки, мешки, все, до чего дотягивалась. Зато с игрушками проблем не было никаких, играть Варя могла с чем угодно: с телефонами, пультами, машинками, Сережиными отвертками, любой ерундой, кроме кукол.

Чтобы отвлечь дочь на полчаса, достаточно было дать ей что-то новое, неизведанное и дальше заниматься своими делами. Правда, в этом случае появлялись другие риски: например, никогда больше не найти этой вещи или найти ее в крайне необычном месте. Из стиральной машинки Леся не раз доставала ручки, книжки, мамины очки и таблетки, а из унитаза вылавливала плоскогубцы и кубики.

Буквально позавчера Варька напихала себе полные уши пластилина и выстригла клочок волос. Но все равно она была удивительным, беззащитным ангелочком, и Леся беспрестанно переживала, что с ней что-нибудь случится. А теперь еще этот Майдан.

Как же Леся в эти дни боялась. Криков, фейерверков, коктейлей Молотова, милиции, людей в шарфах и балаклавах, — всего, что делало ее любимый, привычный Киев незнакомым, черным и пугающим.

Зря боялась.

В один из вечеров, вернувшись с работы, она обнаружила, что Сережи дома нет. И Варьки тоже. Не найдя на стене в коридоре санок, Леся решила, что семейство ушло кататься в котлован, но вот уже в окна заглядывала тьма, а тревожные голоса из включенного у мамы телевизора нагнетали.

Ушел-таки, зараза, на свой Майдан, решила Леся, еще и дочку с собой по-ташил, зная, что она будет ругаться, если он оставит ребенка на больную мать.

Мобильный не отвечал. Леся, не чувствуя вкуса, слопала вареную картошку, засыпанную обжаренным луком, выпила чай, забыв положить туда сахар, и принялась смотреть в окно.

Когда к девяти часам домочадцы так и не объявились, Леся пришла к маме в комнату, уселась на краешек дивана и уставилась в телевизор, пристально вглядываясь в лица бастующих, среди которых время от времени показывали какие-то окровавленные физиономии. Ну не может же Сережка быть там! Или может? Но ведь не с дочкой...

Около десяти в дверь позвонили. Несколько часов назад Сережу с Варей банально сбил машиной пьяный технолог кондитерской фабрики. Насмерть. В двухстах метрах от дома. Санки остались валяться у бордюра.

После третьей истерики Лесю выключило. Был какой-то суд, в стране менялась власть, людей убивали, на столе ждала неоконченная кандидатская — все это проходило мимо. Мозг заполнили шуршащие шарики пенопласта. Пш-ш-ш. Белый шум. И только мама, настойчиво требующая внимания и помощи, удерживала Лесю от желанного шага из окна третьего этажа их Белого Дома.

ГЛАВА 2. БЕЛЫЙ ДОМ

— Ну вот смотри. В Лыбидьской земле, в Хотовской волости Киевского уезда жило-было небольшое село, которое называлось Демеевка. Ручные мануфактуры, крестьянский труд, позже — конная тяга, первые паровые двигатели, все как у всех. В конце шестидесятых годов XIX века сюда проложили железную дорогу, и местечко сразу стало быстро разрастаться. Появился огромный сахарорафинадный завод, несколько промышленных объектов поменьше...

— А почему Демеевка-то? Тут почти ничего не осталось по твоему профилю!

— Очень просто, Макс! Я положила все столичные объекты, о которых уже писалось, на карту. Вот, видишь? Здесь плотненько, тут вообще все синее, а Демеевка — белое пятно... Есть работы про Барышпольскую синагогу и Свято-Вознесенскую церковь, и все. Больше никто и ничего!

— Хорошо, дальше.

— В 1882 году знаменитый киевский купец-миллионер Андрей Родионов заказал талантливому зодчему Самсону Гершевичу Чиченфельду строительство в Демеевке родовой усадьбы, с каковой задачей старый опытный хитрован блестяще справился. Вот! Смотри, какие чистые и гармоничные пропорции, какая уравновешенность объемов, какие детали! Видишь этот растреллиевский фасад? Во время строительства напротив будущей усадьбы на улице Казацкой располагалось здание доходного дома мадам Толстых, выполненное в стиле барокко. И Чиченфельд не побрезговал плодами другого архитектора и повторил отдельные элементы, создав на улице единый ансамбль. К сожалению, в начале 20-х годов соседний дом был разрушен.

— Ну да, затейливо...

— Здесь на фото не виден очень претенциозный курдонер, но зато, смотри, какие филенчатые двери, эркеры над атлантами, какие кариатиды на лоджии, лепные цветы, просто три этажа сплошного писка!

— Это старое фото или вся эта красота и сейчас еще жива?

— Пока я раскопала, что в 1921 году часть здания отдали на баланс киевского ГУБОНО и там располагался детский сад. Советские детки забрали себе парадный вестибюль, гардеробную, каминную, аванзал, приемную, кабинет самого Родионова, диванную, малую гостиную, бильярдную и парадную столовую — в общем, весь первый этаж. Остатки семьи бедного владельца загнали на третий этаж, и они были вынуждены заходить к себе домой через черный ход.

— Ну, это стандартная ситуация для того времени.

— Но не очень стандартно, что потомки купца 1-й гильдии и старосты церковного прихода Андрея Матвеевича Родионова по-прежнему живут в этом здании.

— Ишь ты!

— Да! И через них я хочу подать всю историю. Историю Белого Дома.

ГЛАВА 3. СТРАННЫЙ СПИСОК

Стеклышки Леся обнаружила даже в коридоре. Непонятно было, как они умудрились при закрытых дверях проскочить на такое расстояние. Пришлось начать мести прямо от коврика.

Добравшись до испорченной иконы, Леся аккуратно приподняла за угол перекосившуюся рамку и встряхнула ее. На пол с легким перестуком высыпалось несколько странных предметов. Небольшая, но тяжелая картинка с цветными фигурками мужчины и женщины упала изображением вверх. Воспоминание резким щелчком ворвалось в мозг: Леся сидит на прикроватной тумбочке, держа в руках дурацкую металлическую заводную жабу, а на самой кровати полулежит мать в ситцевом халате и разворачивает сложенный квадратом черный платок. В платке — полиэтиленовый пакет, внутри которого завернутая в газетку та самая иконка. Муромские чудотворцы, святые Петр и Феврония.

«Это ж надо! — вяло удивилась Леся. — Мать-то была не так плоха! И не поддельной Мадонне она молилась все эти годы, а самым известным покровителям семьи и брака, писанным как минимум век назад».

Может, и деменция ее была притворством?! Как-то, вернувшись домой, Леся обнаружила полную ванну воды, в которой плавали невнятные ошметки.

— Сухарик мочила,— ответила мать на немой вопрос.

В другой раз в период ремиссии Леся попросила мать начистить картошки, пока она сбегает в магазин. Мама почистила всю, что была в доме. Ведро с горкой.

А сколько раз Леся ловила ее по городу, не помнящую, как ее звать и где живет. Благо, какое-то шестое чувство каждый раз приводило мать на автовокзал, где она усаживалась в автобус Киев — Черкассы и ждала, пока ее во время проверки билетов в очередной раз не выведет водитель. Случалось даже, что вокзальный инспектор патрульной службы Евгений Антонян, безответно положивший на Лесю глаз, зная время ее возвращения с работы, самостоятельно привозил мать домой. Да нет, такого количества дурацких ситуаций не придумаешь и не сыграешь...

Леся присела на табурет и вынула из кучки стекла остальное.

Сложенный вчетверо тетрадный листок в клеточку содержал странный список, накорябанный несколькими почерками. Похоже, это были члены их семьи, но отобранные каким-то непонятным образом.

Родионов Андрей Матвеевич
 Родионов Михаил Сергеевич
 Родионова Валентина Матвеевна
 Родионов Владимир Михайлович
 Родионов Кирилл Владимирович
 Родионова Зинаида Павловна
 Родионова Варвара Сергеевна

Логика писавших не поддавалась объяснению. Прежде всего, Леся пожалала плечами на Варвару Сергеевну. Ее имя было написано явно маминым почерком. Варечка, ее ангелочек, по всем документам была Сушко, как и Сережа, как и она сама. Либо у мамы все перепуталось, либо в их родне была еще одна Варвара Сергеевна, о которой Леся ничего не знает. Пожалуй, с этим можно было бы разобраться, но навалившаяся невероятная усталость заставила Лесю отложить веник, забраться с ногами на кровать и закрыть глаза...

ГЛАВА 4. УМАНСКИЕ КОРНИ

— Какого рожна вы разлеглись?!

Мужики моментально повскакивали с мест и принялись заправляться, стряхивать с рубах сено и тушить папиросы. Племянник Аркашка, который в силу родственных связей позволял себе чуть больше, тем не менее также соскочил с распряженной телеги и вытянулся.

— Дык... Перекур, Андрей Матвеевич...

— У меня перекуров нет. Почему у вас должны быть?

Настроение работников Родионов в принципе понимал: товар разгружен, последнее летнее солнышко разливает уютное тепло, в воздухе плывет медовый запах люцерны, лениво. Однако сенная мука сама собой не помелется, а значит, нужно работать.

Голос Андрей Матвеевич повышал крайне редко, обычно хватало взгляда. Его властный и твердый характер был отлично известен в округе, но и то, как он умеет трудиться, для многих было примером, а для некоторых — раздражителем. Без работы он сидеть не мог, но и других заставлял ломить по полной, «на всю длину». Тот же Аркашка как-то под вечер сказал ему в сердцах, утирая пот со лба:

— Тиран ты, дядь Андрей! Я бы послал тебя куда подальше, если бы не видел, что сам ты за троих в плуг впрягаешься!

Трижды в родной Умани Андрея Матвеевича избирали представителем уездного земства, кроме того был он и старостой церковного прихода.

Ходили слухи, что его дед выиграл в карты часть состояния у самого Ежи Потоцкого, но подтверждений этому не было. Сколько он помнил, у отца была всего лишь лавка, пусть и большая. Торговали бакалейными и колониальными товарами: сахаром, чаем, кофе, всевозможными сладостями, заморским вином, разлитым по бутылкам, американскими спичками, табаком, инструментами, консервами, свечами, платьем и тканями, водкой, оружием и порохом. Круг покупателей был достаточно обширен и довольно-таки постоянен: уманская знать, чиновники, желающие подпустить пыли в глаза, просители, ищущие достойную взятку, рестораторы, которые не могли себе позволить закупиться оптом на ярмарке на большую сумму сразу.

Папаша — Матвей Родионов был вспыльчив, несдержан и до жестокости суров, за малейшую провинность мог вынуть из портков ремень, а то и достать батог, особенно, когда выпьет, свидетельством чего остался длинный шрам на черепе, частично скрытый черными, непослушными волосами. Кроме того, по малейшему поводу родитель мог на целый день запереть сына в чулане. Чтобы избавиться от скуки, Андрей научился заранее припрятывать на полках пару-тройку книг. Самая толстая из них — Библия — стала ему неинтересна после третьего прочтения, но выбор был небогат, и молодой человек чуть не наизусть выучил карманную книгу рецептов, до дыр затер сочинение Даля под названием «Безчестье», запомнил сборник стихов «Declamatorium», пытался даже читать сборник Шиллера на немецком языке, но слишком многие слова оставались загадками.

Научение через боль продолжалось ровно до того момента, пока однажды Андрей Матвеевич в подростковой несдержанности не выдернул из рук родителя дрын и не переломил его пополам. С этой минуты папаша посчитал потомка взрослым, сообщив, что дальше его воспитывать бессмысленно, пользы не будет, и стал все чаще оставлять лавку на сына, поднимаясь в пристроенную наверху квартиру.

Встав за конторку, Андрей Родионов принялся наводить свои порядки. Прежде всего он полностью отказался от меновой торговли, назначив каждому товару свою цену.

Затем разнес по сторонам различные типы товаров, упорядочив и рассортировав главенствующую ранее мешанину: москательные товары — в один угол,

муку, крупы и пряности — в другой, фрукты и овощи — в третий. Кроме того, приобрел амбарную книгу Дитятковского товарищества писчебумажных фабрик на 140 листов с мраморными обрезами, куда начал скрупулезно вписывать все дебет и кредиты. Если торговля ведется не за наличные, а в долг, то пусть под низкие, но проценты. Теперь никто не мог обвинить его, как отца, в том, что он пропил все мозги и помнит долги, которых никогда не было. Деньги — грязь, но счет любят. Посчитали, записали.

Отец поначалу ругался, что в новом порядке ничего не может найти, но после привык и успокоился, так что Андрей даже сумел выпросить у того средства на возведение шкафов от пола до потолка. Новая мебель позволила разгрузить теснину в центре, а также дала возможность посетителям самостоятельно выбирать товар.

Когда в соседском помещении умер владелец, а его супруга решила вернуться к родственникам в село, Андрей уговорил отца по дешевке выкупить зал и обособить там мясницкий магазин со сквозным проходом в их заведение.

После пары-тройки экспериментов Андрей превратил лавку не просто в точку, где можно приобрести товар, а в место получения полезных знаний. Заученное когда-то «Введение» в книге рецептов сыграло отличную роль, и теперь в лавку приходили даже просто за советом, покупательницы частенько собирались в группы и подолгу толпились у витрины, обмениваясь новостями и сплетнями, из которых юноша умудрялся выцеплять много полезного. Вскоре колокольчик на дверях стал звякать так часто, что пришлось заводить приказчика и нанимать мальчонку, разносящего покупки.

Но и этого предприимчивому молодому человеку показалось мало. Через пару лет Андрей Родионов получил еще десяток промысловых свидетельств и принялся торговать всем, чем придется, с греками, армянами, евреями, превратив лавку в торговый дом с собственной фамилией на вывеске, приобрел оптовый склад. Потом он выкупил все здание, отдав верхние этажи под доходный дом, а не очень пригодные для жизни первые — определив под торговые заведения. Одновременное открытие на Чиканке магазина с уникальными товарами монопольного характера позволило привлечь покупателей из соседних населенных пунктов, а совмещение бизнеса с щедрой благотворительной деятельностью дало возможность обойти конкурентов.

Еще через три года Андрей Матвеевич нанял нескольких управляющих, а сам создал кредитное сообщество, а позже и первый частный торговый банк.

Из множества занудных нравоучений отца Андрей Матвеевич четко усвоил парочку самых важных наставлений: преysкурант товаров должен быть широк, а яйца должны лежать в разных корзинах.

Фамилия Родионов стала известна далеко за пределами уезда. К тридцати годам владелец галантерейной мануфактуры, небольшой винодельни, маслодельного и кирпичного заводов, процветающего банка с низкими ставками, Андрей Матвеевич по влиятельности и респектабельности переплюнул многих знатных уманских евреев. Но и этого ему казалось недостаточно, останавливаться он не собирался.

...Однажды, в июле 1881 года, промышленник, фабрикант и свежий миллионер Родионов приехал в Киев разведать насчет торговых площадей на недавно сооруженном крытом рынке на Бессарабской площади, да и по прочим делам и в один из вечеров встретил в доме у старого знакомого графа Аксенова

остановившуюся там проездом пятнадцатилетнюю Екатерину Уразову, дальнюю родственницу графа,— и... забыл, как делается вдох и создаются звуки.

Человек, взглядом усмирявший любые протесты наемных рабочих и шумную толпу чернявых цыган вместе с их лошадьми, стоял, игнорируя правила вежливости, только что не открыв рот.

Тонюсенская, воздушная Екатерина с русой гулькой на голове, какой-то невероятной, незащитной шеей и опущенными ресницами показалась приземленному, рациональному и прагматичному Родионову лесной феей, неуловимой спиритической фантазией...

После нескольких дней размышлений промышленник пришел к графу и напрямую выразил свои намерения сделать Екатерину своей невестой.

— Андрей Матвеевич, голубчик, что же вы без свахи?! — удивился граф.

— Вы же знаете, Павел Юрьевич, я, почитай, три года в Польше провел, а там устроительницы браков не в обычае.

— Ну... Я вас очень ценю и с удовольствием приму как родственника, но все же я бы на вашем месте годик погодил. Мы же с вами не крестьяне — до срока жениться, а прежний император зря указы не издавал! Подождите, голубчик, до шестнадцатилетия! Хотите, я пока ее папеньке в Харьков отпишу?! Или в августе сами съездите посвататься, когда она домой вернется...

Родионов прошелся по зале, сложив руки за спиной, в задумчивости посмотрел в высокое окно, крупными шагами пересек комнату, провел пальцем по стеклу каминных часов, повторяя направление стрелки, о чем-то размышляя.

— Она вам здесь в тягость? — спросил не очень вежливо.

— Ну что вы! Киев Катеньке нравится, место в усадьбе есть...

— Не сочтете за обиду, если я вам оплачу ее содержание в этот год?! Чтобы она не уезжала...

— Андрей Матвеевич... — граф на мгновение замялся, — денег я у вас, конечно же, не возьму... А вот от легкой повозки в подарок не откажусь. Чтобы Катеньке не приходилось ваньками пользоваться... И письмо Алеше все-таки напишу.

ГЛАВА 5. ОСНОВАТЕЛЬ

На следующее утро Андрей Матвеевич встал в прекрасном настроении, посетил двухэтажное здание с высоким крыльцом и деревянным балконом, опирающимся на столбы — киевскую почтовую станцию, отбил в Умань телеграмму, а затем отправился на Бибиковский бульвар еще по одному делу. Несколько лет назад по этому адресу уехал жить его бывший мастер Тимофей Болотников, когда-то помогавший Родионову отладить технологию производства кирпича. Столичный Эйсмановский завод привлек Тимофея заработками, каких не было в провинциальной Умани.

Теперь промышленник хотел спросить у мастера совета по истощившемуся глиняному карьеру. Порода там пошла средней пластичности, а где и вовсе тощая, для кирпича не годная.

Двери в мастерскую были распахнуты, но самого Тимохи не было. В углу молодой парень ритмично бросал об пол ком шамотной глины.

— Как звать? — с места спросил фабрикант.

— Михайлом, — через плечо ответил юноша, но не развернулся. Гордый.

Андрей Матвеевич подошел ближе и увидел на верстаке цветок. Нежнейшую озерную лилию, вылепленную с удивительным мастерством. Он смотрел на нее так долго, что Михайло приостановил свои шлепки.

— Что?!

— Дом!

— Не понял?!

— Это будет имение! — Андрей Матвеевич прозрел.

Он не потратит год ожидания сватовства впустую! Он заложит городскую усадьбу. И возведет дом. В три этажа. Ей нравится Киев? Значит, дом будет в Киеве! И все этажи будут в таких цветах!

— А скульптуру сваять сможешь?

— Смотря какую!

— Девушку на доме. Я портрет достану.

— Кариатиду?!

— Екатерину!

Хлопец засмеялся:

— Смогу!

* * *

Ехать свататься в Харьков у Андрея Матвеевича времени, конечно же, не было. Да и в Киев, откровенно говоря, слишком часто наезжать часу не хватало тоже, но тут неожиданно повезло. Все тот же Тимофей Болотников посоветовал какого-то невероятно древнего иудейского зодчего, который, казалось, вот-вот треснет и рассыплется. Однако внешняя немощь не помешала архитектору с таким же ветхозаветным именем Самсон Чиченфельд моментально ухватить суть родионовской затеи.

В Киеве уже начиналась строительная горячка, и упрямый, своенравный старик чуть ли не силком заставил Родионова возводить усадьбу за «Новым строением» — в Демеевке. Места там было не слишком много, никаких парков, прудов и оранжерей не поместилось бы, но Андрею Матвеевичу они и не были нужны.

Позже оказалось, что у матери Самсона Гершевича в этом селе домик, и он логично рассчитывал, что миллионер озаботится устройством канализации и водопроводной сети для своей усадьбы, а значит, почти бесплатно часть удобств достанется и ему. Андрей Матвеевич гораздо более, чем этой невинной хитростью, был поражен фактом, что у древнего старика еще жива мать.

Самсон Гершевич сам нашел строителей, самостоятельно приобрел материалы, причем умудрился сбить цену настолько, что спустя месяц Родионов прекратил его контролировать. И только на кандидатуре скульптора пришлось настоять. Им стал тимохинский Михайло. Впрочем, когда Родионов пересказал архитектору услышанное от Тимохи, что Михайло — недоучившийся студент нежинской гимназии, пару лет пробродивший по Украине мандрованным дьяком, способный поставить вертепную драму, знающий вирши и канты, а также латынь и мастерство рисунка, Самсон Гершевич и сам загорелся знакомством.

В один из приездов старик Чиченфельд принялся длинно и утомительно посвящать заказчика в архитектурные особенности будущей усадьбы, подробно расписывая расположение помещений, рисуя немощными руками в воздухе некие пучки, колонны и пилястры. Когда у Родионова осталось совсем мало времени и еще меньше терпения, Самсон Гершевич взялся объяснять правила расположения цветовой гаммы в зависимости от назначения помещений. Основное здание, по словам старика, необходимо было покрасить в желтый цвет, символизирующий золото и богатство владельца, флигели — выцветить серым, намекая на удаленность от деятельной жизни, а хозяйственные постройки — разукрасить красным, чтобы показать, что в домашних делах жизнь как раз кипит.

Промышленник некоторое время нетерпеливо слушал разъяснения, а затем спросил.

— Какого цвета должны быть поддерживающие кровлю колонны и Михайлова лепнина?

— Конечно же, белого, символизирующего свет,— последовал ответ.

— Вот и отлично! Значит и все остальное сделайте белым!

— Как белым?! — возмущение излилось из архитектора, как мякоть из раздавленного абрикоса.

— Очень просто. Все белым!

— Вообще все?!

— Целиком и полностью!

Чиченфельд открыл было рот, чтобы выдать гневную тираду, но вдруг оцепенел с поднятым к небу лицом, потом повращал зрачками и неожиданно выдал уже совсем другим тоном:

— А в этом что-то есть! Я тогда немного поменяю концепцию...

За время строительства Андрей Матвеевич наезжал в Киев пару десятков раз, с трудом вырываясь из густого потока забот. И это заставило его всерьез задуматься о надежных заместителях и приказчиках в Умани. Ведь когда появятся дети, то времени станет еще меньше. Дети?.. Он подумал о детях?!

Екатерина Алексеевна по домашним пересудам знала о его далеко идущих планах, но при встречах в усадьбе графа этого знания никак не выказывала.

Однажды Родионов предложил всему семейству Аксеновых прогуляться на пикник на Труханов остров. Когда-то там находилась резиденция супруги киевского князя Святополка, а нынче размещался кашефантан и прочие увеселительные заведения. Андрей Матвеевич надеялся, что жареные цыплята и лесные тропинки поспособствуют менее официальным беседам, чем обычно получались за обедами у графа. Однако оказалось, что воды Екатерина боится, а добраться на Трухашку можно лишь на лодках Адама Гинтовта. Прогулки не получилось. Кроме того, это означало, что и запланированное им на перспективу маленькое путешествие на пароходе «Ратмер» с любованием зеленым Подолом и Старокиевской горой также отменялось.

Чуть позже, на дне рождения Аксенова, Родионов внезапно осмелился на прямое обращение к Екатерине. Передав внизу графскому кучеру поводья от обещанной повозки, которую подарком он решил не считать, Андрей Матвеевич взбежал по лестнице, поприветствовал графа и раскрыл подарочную коробку,

достав оттуда набор из четырех серебряных подсвечников с отражателями в виде листа розы, цветка, имеющегося на фамильном гербе графа, а также колпачками-гасителями в виде розовых же бутонов. Увидев улыбку на лице девушки, Родионов поставил презент на ломберный столик, дождался окончания потока благодарностей от именинника и решился.

— Екатерина Алексеевна, а вы бы какой подарок хотели?

— Что вы имеете в виду, Андрей Матвеевич?!

Родионов отчего-то смутился.

— Ну вот, к примеру, цветы... Как бы вы предпочли: один огромный букет из сотни роз или каждый день по розе в течение ста дней?!

Екатерина долго молчала, опустив веки, и лишь когда пауза стала невежливой, подняла глаза.

— Андрей Матвеевич! Я не Клеопатра, розы — это слишком... И вообще, цветы — это не подарок, это оправа к подарку. Что же касательно количества, то один цветок — это приятный знак внимания, а букет из ста — это уже требование...

Родионов обдумал ее слова, но душевную тему развивать не стал, вновь вернувшись к ботанике:

— А какие цветы вы любите?

— Полевые, Андрей Матвеевич. Васильки, колокольчики, ромашки, маргаритки, дикие гвоздики, незабудки...

— А озерные лилии любите?

— Люблю. Но лилии долго не стоят.

— Андрей Матвеевич, дорогой,— неожиданно включился в разговор граф,— что-то вы рано о презентях. У Катеньки именины еще только в июне. Ну и... кто же не любит получать подарки?

— Это сильно зависит от того, кто дарит, дядя,— строптиво заметила юная Уразова.

— А если бы я дарил?! — Родионов напрягся, ожидая ответа.

— Думаю, вы способны на приятные сюрпризы, Андрей Матвеевич.

Ну и все. Промышленнику этого было достаточно. Не противен, значит слюбится. Плохо было только, что времени до июня оставалось все меньше. Из-за зимы многие работы пришлось в буквальном смысле заморозить, и фасад дома еще сиял пустыми стенами.

* * *

В Петров пост, шестого числа Андрей Матвеевич подкатил к усадьбе графа, лично управляя бричкой. Бросив ее возле левого крыла, он метнулся на звук веселья и очень удачно наткнулся во флигеле на будущую невесту.

— Екатерина Алексеевна, у меня к вам дело!

— Ох,— только и выдохнула девица.

— Пойдемте!

На дне двуколки стояла коробка, набитая соломой.

— Мне очень любопытно, понравится ли вам!

— Что это?!

— Посмотрите!

Катерина принялась разгребать солому, пока не наткнулась на ту самую лилию, что купец когда-то увидел на столе у Михайла.

— Это чудесно! — совершенно по-детски восторженно воскликнула она, и сама засмушалась от своей реакции. — Правда! Восхитительно!

— Вам действительно нравится?!

— Очень!

— Тогда поехали! Сейчас же!

Как раз в этот момент, заслышав шум, на балкончик с балюстрадой вышел граф.

— Андрей Матвеевич! Как вы вовремя! Там Алеша приехал!

— Дайте руку! — промышленник мягко, но сильно потянул девицу на бричку, кинув в сторону хозяина дома короткое «Позже!», лихо щелкнул поводьями. И лишь когда Екатерина, растерянно оглянувшись, воскликнула «Папенька!», он понял, о каком Алеше шла речь. Называется, посватался.

Немного успокоившись, Родинов пустил лошадь рысью и, как обычно с ним случалось при девушке, нырнул в немоту. Катерина тоже молча смотрела в его спину.

— Простите, что я вас так украл, — полуобернулся он. — У меня для вас подарок, Екатерина Алексеевна.

Заметив, что она бросила взгляд на ящик, добавил:

— Нет-нет, не этот. Это только часть. Потерпите немного.

Отчего-то он вдруг испугался. Запал и кураж внезапно схлопнулись до размера пуговицы. Он жалел, что не захватил в бричку кого-то еще, чтобы не компрометировать юную девицу. Начал мучиться, что не нравится ей. А Катерина глядела спокойно и понимающе, словно это ей четвертый десяток, а шестнадцать — ему. Поездка получилась довольно молчаливой. Вдоль дороги тянулись деревянные домишки в обрамлении зелени.

Наконец бричку затрясло на брусчатке. Значит, уже близко.

— Перебирайтесь сюда! — он похлопал по сиденью рядом с собой. На какое-то мгновение девица засомневалась, затем решила и перебралась вперед.

Родионов указующе поднял руку.

— Вот!

Девушка непонимающе взглянула на вырастающее впереди здание, своей белизной ярко контрастирующее с местным колоритом, затем на него, но не произнесла ни слова. Андрей Матвеевич немного придержал поводья, позволяя Екатерине неспешно разглядывать все разворачивающиеся детали парадного фасада.

Черные кованые ворота, огромные фонари над пилонами ворот и узорная металлическая ограда эффектно оттеняли белоснежность здания.

Клумбы и деревья были сажены лишь этой весной и пока что выглядели не слишком впечатляюще, но зато и не закрывали вида.

Выступающий немного вперед тамбур входа, стрельчатые аркады, сложные карнизы, стройные колонны, выдвинутые за фасад ризалиты, вычурный фронтон, фланкированные скульптурами боковые эркер-балконы... Дом действительно притягивал взгляд. Казалось, он стремится вверх, вот-вот оторвется и медленно поднимется в воздух.

Екатерина смотрела внимательно и напряженно, пока не увидела кариагид. Девушка пробежала взглядом по фигуре, остановилась на лице, вгляделась — и тут в ее глазах промелькнуло узнавание. Громко ахнув, Катерина зажала рот двумя руками и только переводила взгляд с собственного лепного изображения на купца и обратно.

— Тебе нравится? — от волнения Родионов перешел на «ты».

— Очень! — восторженно отозвалась девушка.

— Тпру!!! Тогда, вот, держи! — перегнувшись, Андрей Матвеевич достал из ящика лилию. — Это последняя деталь.

Он помог Екатерине спуститься с брички.

— Михайло! — громко и радостно закричал промышленник, забыв былую растерянность. — Шликер готов?!

— Конечно!

— Тогда крепите!

Дождавшись, когда мастер принял из рук у Екатерины цветок, намазал на него раствор, поднялся на стремянке наверх, где лилия плотно встала на предназначенное ей место, Андрей Матвеевич внимательно взглянул Екатерине в лицо.

— Ну что, войдем?!

Уразова на купца не смотрела, всецело погрузившись в созерцание архитектуры.

— А можно?! Это ваш дом, Андрей Матвеевич?

— Нет! Я надеюсь, что это наш дом. И твой подарок... Принимай!

Вот тут уже Екатерина перевела взгляд и испытующе взглянула Родионову в глаза. Помолчала. Дважды порывалась что-то сказать, но в итоге опустила ресницы вниз и шагнула внутрь.

Мраморная лестница и перила с коваными цветами были первым, что она увидела на входе. Справа в стене пряталось венецианское зеркало, слева симметрично располагался витраж в стиле модерн. Покрашенные светло-голубым стены создавали ощущение воздушной нежности.

— В парадной анфиладе размещается большой зал, диванная, бильярдная, гостиные, мой рабочий кабинет, парадная, аванзал...

— Что же тогда на втором этаже?

— Э-э-э, спальни... — тут Андрей Матвеевич немного смутился, словно сказал что-то неприличное, заморгал и сделал приглашающий жест рукой.

— Правое крыло — это хозяйственные комнаты. Здесь у нас особая печь, на которой нам будут готовить...

Екатерина подняла глаза к потолку, покрытому сложной орнаментальной лепниной. Сначала казалось, что всего слишком много, но контраст гладких стен уравновешивал впечатление. Екатерина провела рукой по обивке стоявшего у стены стула с гнутыми ножками.

— В каждом зале три окна и камин для освещения и обогрева, — продолжал экскурсию Родионов, — к сожалению, полностью мебель пока завезена только в кабинет, с ним мне все понятно. Там кафельная печь и дубовая обшивка стен. С остальным, — тут Родионов сделал паузу и почесал лоб, — я очень надеюсь, Екатерина Алексеевна, что вы мне поможете. В качестве хозяйки.

Он снова перешел на «вы».

Екатерина Алексеевна чуть заметно кивнула.

ГЛАВА 6. ПИСЬМО

Зима билась до последнего. Леся вышла на улицу и подняла лицо вверх, недовольно сморщив нос. Небо было тяжелым и грязно-серым. Голые ветви деревьев раскачивало ветром. Картина Репина «Свинец и макароны».

Раньше на рынок всегда ходил Сережа, поясняя, что женщина — не лошадь, грузы таскать не должна. Теперь же рюкзак за плечами стал ее привычным атрибутом. Предстояло еще научиться набирать продуктов меньше, чем раньше, и перестать покупать карамельки, которые так обожала мама. Леся сладкого не любила.

Столица заглатывала Демеевку, как питон хомячка. Высотки, наползающие со всех сторон, должны были бы радовать прогрессом и развитием. Город разрастался вширь и вверх, но Лесе было жалко домиков исчезающего частного сектора, где она выросла.

На обратном пути, войдя в полутемный подъезд Белого Дома, Леся привычным жестом сунула пальцы в почтовый ящик, не ожидая там что-то найти, но рука наткнулась на жесткий конверт. Пришлось выискивать в связке ключей самый крохотный — от почты — и открывать замок.

Письмо было адресовано матери.

«Уважаемая Зинаида Павловна!

Меня зовут Александра Поликарпова, я журналист и историк. В рамках проекта, который я в настоящее время готовлю, в круг моих интересов попала история семейства Родионовых.

Я сумела в некоторой степени проследить жизненный путь четверых ваших родственников (или, возможно, однофамильцев). С удовольствием поделюсь с вами этими сведениями и буду очень рада, если вы расскажете мне какие-либо дополнительные подробности о них или о других членах вашей семьи.

Понимаю, что в вашем возрасте ходить уже не просто, готова приехать к вам сама в удобное для вас время и место.

С уважением,

Саша».

Ниже был указан киевстаровский телефон.

«Сволочи», — равнодушно подумала Леся, заподозрив в авторе письма очередного мошенника из тех, кто жаждет в лучшем случае втюхать старикам пылесос, а в худшем — переписать на себя их квартиру в готовящемся под снос доме.

ГЛАВА 7. В ПРЕДДВЕРИИ

Мишка забрался на столб на Думской площади и громко свистел. Это был лучший способ выразить переполнявшие его эмоции.

Столько народу он не видел даже во время крестного хода, причем, если церковный приход был весь смурной, хоть и нарядный, то эти люди задорно ругались, смеялись, что-то кричали — в общем, на площади царила чудесная суета! Внизу качались волны картузов с редкими вкраплениями женских платков. Тёмка сказал: «Манифестация!»

Артемка Лопухин с Пятигорки, который с марта 1916-го заделался его закадычным приятелем, все время находил какое-то веселье и таскал его с собой. За этот год Мишка узнал Киев лучше, чем за прежние шесть лет своей жизни. Третьего дня, например, они добрались до Подола, ходили смотреть на реку, потом Мишка хотел подняться по тропке к Андреевской церкви, но Тёмке сделалось лень тащиться в горку.

До этого они ездили к Золотым воротам, которые оказались вовсе не золотыми, и даже никаких ворот там не было, а была какая-то груда камней за резным заборчиком, но зато рядом обнаружилась покрытая красивой лепной вязью караимская кенаса.

Еще раньше через дыру в заборе они забрались в платный парк отдыха «Шато де Флер», правда никакого особого зрелища там не застали, лишь послушали выступающий на открытой сцене военный оркестр да полюбовались цветниками.

А вчера они мотались в парк «Владимирская горка», смотрели, как стреляют в тире усатые дядьки в шляпах, потом кидали камни на пыльном пустыре.

Еще Мишка слышал, как дед однажды упоминал красивый трамвайный маршрут с влекущим названием «Киевская Швейцария». Они с Тёмкой уже вторую неделю тайком замысливали дальний поход, чтобы прокатиться на вагончике от Кирилловской площади вдоль Репяхова Яра и ручьев вверх до Лукьяновки. А там рядом красивый Покровский монастырь и настоящая тюрьма. Но пока что самой сложной задачей было добраться из Демеевки до Кирилловского гая.

В общем, в городском мире было множество интересного.

Мама, конечно, частенько ругалась, что его не дозваться даже с третьего этажа, но давеча, третьего дня, Мишка слышал, как дед за завтраком веско уронил:

— Нет лучшего способа научить ребенка самостоятельности, чем выпустить его на улицу. Главное, чтобы он не впускал улицу в себя.

А как тут не впускать?! Здорово же!

На какое-то время Мишка отвлекся на босоногую, длинноносую, конопающую разносчицу молока. Она подошла под самый его столб, положила поперек урны посох, на который до этого опиралась, и уселась сверху. Затем повесила на конец палки прикрытую платком корзинку и принялась копать в своих бездонных юбках. Мишка был заинтригован. Но когда девица достала банальное яблоко, потеряла его и, некрасиво открыв рот, с хрустом откусила, разочаровался и полез еще немного выше.

— Михаил Сергеевич?! — среди гвалта Миша не сразу понял, что зовут его, а затем удивился, откуда молочница знает его имя.

Но длинноносой внизу уже не было, а вместо нее стояла гувернантка Клеопатра Францевна и всплескивала руками. Между собой дети ее звали просто Каля, потому что «она сама еще ребенок, хоть и с цыцками». Так Остап Васильевич успокаивал их камер-фрау, когда та возмущалась, что он засматривается на юную девицу.

— Михаил Сергеевич, слезайте немедленно! Это небезопасно! Что вы вообще здесь делаете?!

Мишка, пару раз перехватившись по-обезьяньи, спрыгнул на брусчатку.

— А вы что, Клеопатра Францевна?! — он поглубже натянул боярку на уши.

— Я здесь с...— Каля на мгновение замялась,— с женихом!

Мишке очень хотелось посмотреть на жениха, но внезапно откуда-то выскочил Тёмка.

— Драсьте, — он смешно втянул голову в плечи, приветствуя Калю, но шапки не снял. — Все, Мишка, помчали!

Пробежав два квартала, мальчишки кое-как умостились вдвоем на колбасу электрического трамвая, и запыхавшийся Тёмка пояснил:

— Мне батя сказал в три пополудни у скобяного ждать, а еще за тележкой заскочить надо!

— А что там, в скобяном?

— Да много чего! Батя прируб снес, новый делать будем, а дядько коня не дает, говорит, до Благовещения самому нужен. Так что теперь я — лошадь, — и Тёмка заливисто расхохотался...

* * *

Судя по рессорной бричке, стоявшей у входа в усадьбу, к деду снова кто-то приехал. Деда — Андрея Матвеевича Родионова — в Демеевке знали все. Гласный в составе Городской управы и член совета Городского общества взаимного кредита, дед вместе с Рудольфом Федоровичем Раузером оплатил возведение Вознесенской церкви, а потом, с Симеоном Травкиным, ее перестраивал, помогая демеевскому батюшке бороться с окаянной штундой. Из-за этих, как говорила баба, «дедовских фантазий» подросший Тёмка теперь ходил в церковно-приходскую школу, где изучал грамоту. А Мишка учился прямо в усадьбе. Дед так сказал. Его все слушали и боялись. Говорят, что даже папа боялся, пока не уехал. А Мишка не боялся!

* * *

Дед сидел и чаевничал в малой гостиной с дядей Ефремом. Точнее, чай уже пил только дядька, а дед, пересев в кресло, взял в руки свою любимую «носогрейку» — короткую люльку и, пытаясь ее разжечь, ругался.

Мишке очень нравился запах только-только разоженной махорки, когда клубы дыма еще округлы и загадочны.

— Да потому что деревня заполонила Киев! — бухтел дед. — Шулявские села — это теперь Киев, Байковая гора — тоже Киев! Ты посмотри на криминальную колонку за последние лет пять, что не преступление, то крестьянин. Управа понастроила домов на окраинах, да на пять этажей, и все — в наем! Эти же живут в доходных домах или вообще угол снимают с койкой и тумбочкой...

Дядя Ефрем открыл было рот, пытаясь вклиниться в дедову тираду, но не успел.

— Они же ватерклозетом пользоваться не умеют. Раньше у них хоть избенки собственные были, как люди, землю работали, а теперь же ничего своего, ни утюга, ни чашки. Они же вывеску прочесть не могут! Да и зачем им читать, если книга рубль стоит, а бутылка водки — пятнадцать копеек. А кружка пива — вообще пять!

— Тем не менее, это шанс! — наконец негромко вставил Ефрем Андреевич.

— Шанс на что?!

— На национальное самоопределение, папа. Село — это этнические украинцы. И их возросшие притязания — единственное, что способно избавить нас от империи. Именно сейчас нужно действовать.

— Да-да... Иди вон, лозунг на трамвайное депо повесь! Или за Ефимовскую фабрику прогуляйся, памятник Александру III с пьедестала скинь, а в Университетском сквере — Николаю I... Все варвары с этого начинают. Бронзового Столыпина ж вам мало было повесить?! Устроили балаган...

— Папа, это памятники узурпаторам!

— А кто нет? Кого вы планируете туда поставить?!

— Я не знаю... Тараса Шевченко! Он был за народное движение...

— Какое народное движение, Охримка, если там половина людей безо всякого прошлого? Или с прошлым, мягко скажем, очень неуверенным.

— Папа, ну это при чем здесь?! Ответственность за страну...

— За страну? — дед внезапно рыкнул так, что Мишка замер на входе. — Расскажи про ответственность, вон, его папаше! — старик ткнул загубником в Мишкину сторону. — Страну они спасти собрались! Ответственность с семьи начинается, Охримушка. С семьи! Дети сыты, жена любима, в доме тепло? Отлично, шагай шире! У соседа все в порядке? Лошади не дохнут, телега не скрипит? Дальше смотри! В селище храм есть? Школяры — твоих соседей детки — грамоту знают?! Предводитель дворянства — честный, местный голова — не ворует? Вокруг себя порядок наведи, за окружение возьми ответственность! Так страну спасешь! — дед махнул широкой ладонью, пару раз пыхнул трубкой и снова кивнул на Мишку: — А то сбегут в Петербурги «великие дела» творить, а нам тут с маленькими разбирайся...

Мишке очень хотелось сказать, что он не маленький, но он не был уверен, что речь идет о нем. Отца он видел три раза и не успел понять, добрый он или сердитый, веселый или серьезный. То, что он слышал о родителе от деда, в основном было не очень приятно.

Мамка умерла с его — Мишки — родами, и отец, побродив какое-то время по Белому Дому, неожиданно уехал в Санкт-Петербург, где сдал экзамен по программе для вольноопределяющихся второго разряда и вскоре стал субалтерн-офицером фельдъегерского корпуса. Теперь он служил императору и изредка писал письма с Фонтанки.

Вернее, видимо, уже не служил...

Неожиданно, пыхнув несколько раз дымом, дед снова вскинулся.

— Тоже мне, спаситель! Вещи-то упаковал уже? Или теперь, когда царь отрекся, не поедешь?

Дядя Ефрем с супругой и дочкой Софьей уже несколько месяцев собирались навсегда уезжать к дядю Ефремову тестю — загадочному Лехославу Ковальчику на реку Сан, в качающийся между государствами город Перемышль. Ефрем Андреевич отчего-то считал, что в Киеве у него «не складывается», хотя карьера шла вверх и все было ладно. Вероятнее всего, движителем этих потенциальных изменений была теть Катаржина, которая с первых дней не захотела жить в Белом Доме и заставляла дядю Ефрема искать съемное жилье.

Сам дед никогда и никуда уезжать не собирался.

— Пустил грибницу, — говорил он. — До Байкова кладбища тут буду.

Бабушка рассказывала, что первые годы после женитьбы они часто мотались между Уманью и Киевом, и Мишка даже смутно помнил, что и его самого как-то давным-давно — пару лет назад — возили в этот город. Был там осенний парк, множество хасидов и щипучие, злые гуси во дворе.

— Это мой дом! — емко говорил дед. И добавлял, чуть погодя: — А я — его!

* * *

Мишка висел над пропастью. Вернее, конечно, ему казалось, что над пропастью. На самом деле Мишка знал, что до земли не больше двух саженей, и ровно под ним — газон с бабушкиной любимой сиренью. Повернуть голову, чтобы посмотреть вниз, он не мог, но даже при взгляде вбок у него перехватывало дыхание и сердце трепыхалось, как птичий хвост.

За год после первой манифестации в Киеве Мишка насмотрелся всякого, видел и немцев в смешных касках, и совсем уже грязных и вонючих мужиков, и раненых в кровавых повязках.

Сначала говорили о создании Центральной Рады во главе с Грушевским, потом прошел слух, что власть взяли большевики, затем — что в городе встали лагерем военные от временного правительства.

Когда начали стрелять, Мишка оказался под домашним арестом, но все равно иногда сбегал. Впрочем, чаще к нему приходил Тёмка и пересказывал новости. Однажды даже принес настоящий патрон и несколько гильз.

Вторую половину мая восемнадцатого года Мишка проболел. Поперву он сидел у окна и смотрел, как над балконом между балкой и пилястрой ластивка складывает гнездо, потом интерес пропал. Лишь изредка приоткрывал балконную дверь и слушал, не раздастся ли тонкий писк, возвещающий, что уже появились птенцы.

Сегодня мелкий черный воронок выпал из гнезда и поскребся по балконному полу за балясины балюстрады. Тут уже Мишке пришлось перелезть через перила и становиться спасателем. Он еще даже толком не наклонился, чтобы подцепить мелкого дурачка, как вот уже болтается, успев только обнять круглый столбик, и холодеет, ощущая, как кончаются силы.

Сквозь гул в ушах Мишка услышал звуки, а потом, скосив глаза, увидел внизу дедову удаляющуюся спину.

— Де-е-еда,— он хотел закричать, а в итоге глухо прошептал.

Но дед услышал. Обернулся, поднял голову и тут же рванулся на газон, протягивая руки.

— Набор костей и прокуренный коготь! — когда дед сердился на Мишку, он всегда его так называл.— Стрыбай!

И Мишка разжал руки.

Судя по тому, что лоб у деда оказался в земле, они все-таки упали. Правую руку дед не поднимал, после Мишкиного полета что-то в ней явно не заладилось, но сквозь вечный прищур было непонятно, больно ему или нет.левой рукой дед подхватил Мишку под зад, приподнял и понес. Мишка хотел было расплакаться, но Андрей Матвеевич это почуял и остановил слезы скупым «Ну-ка!».

Поры на лице у деда были крупными, брови лохматились во все стороны, а в носу росли волосы.

— Катюша,— дед увидел бабушку,— давай-ка, возьми его! — И тут же, громче: — Петро, дерни-ка мне руку, плечо выбил!

Раздавать указания он любил и умел.

Через минуту, когда бабушка отряхивала Мишке штаны и рубаху, дед крупными шагами пересекал аванзал. Для него инцидент был исчерпан.

— Как произошло? — спытал, уже почти пройдя мимо.

— Птенца спасал.

Дед резко остановился.

— Спас?!

Мишка не ответил, лишь помотал головой, глядя большими глазами снизу-вверх.

— Тогда почему ты здесь?

Дед расстегнул ремень, и Мишка на мгновение даже испугался. Его никогда не пороли, но Тёмка частенько приходил с лиловыми разводами на спине и мягком месте.

— На, сначала пристегнись, потом лезь. Я покажу как.

Через десять минут, когда подсаженный дедом Мишка кое-как запихнул птенца назад в гнездышко, они сидели в гостинной и пили чай.

— Никогда, никогда, — внушал дед, — не останавливайся после первого раза. Не получилось — пробуй еще раз. Упал — вставай!

Дед нечасто находил время для того, чтобы поговорить с внуком. Мишка готов был спрашивать и слушать что угодно, лишь бы продлить эти шершавые теплые мгновения общения.

— А ты падал?

— Ясно, лошадь, раз рога! Тысячу раз! И вставал. Поднимает тебя не упрямство, не злость и не мозги. Поднимает воля! А волю можно тренировать! Через «не могу». Пока есть голова, можешь встать. Ты ведь не курица. Помнишь курицу?!

Мишка недоуменно посмотрел на деда, а затем вспомнил. Вспомнил и вздрогнул.

Это было в одну из поездок в Умань. Они только что вернулись с речки Чиканки, где дед учил Мишку насаживать червя на крючок. Процесс Мишка усвоил легко, без брезгливости. Ну червяк, ну извивается, так для дела же.

А вот снимать розовое тельце с крючка, когда наживку не съели, Мишке не понравилось. И червя загубил и пользы это не принесло. И сама шкурка уже не розовая, а какая-то серая и немножко дохлая. Противно и неприятно.

Совсем рядом с Чиканкой была мазанка бородатого дедова знакомого, они ловили чуть ли не со двора. Поэтому когда их позвали на обед, Мишка выдернул из воды перо поплавка, взял садок со своим смешным уловом, дочапал до хаты и прислонил удилище к стене, малодушно «позабыв» стянуть полуживого червя с гачка. Мишке он был уже не интересен, а вот бегающей по двору курице, оказалось, вполне.

Мишка не знал, как там куры заглатывают пищу, но через секунду у птицы из горла торчала сплетенная из конского волоса леска, а сама курица истерично кудахтала, дергалась и трепыхалась, пытаясь избавиться от болезненной гадости, поймавшей ее изнутри за глотку. Длинное удилище рухнуло, всполошило остальных пернатых, и во дворе начался бедлам.

Тетушка, хозяйка курицы, всплеснула руками, моментально оценила обстановку, ловко поймала несчастную, потянула за леску, заглянула дурной птице в глотку, покачала головой, взяла топор и на колоде одним махом отрубила ей башку.

Мишка той весной только начал учить латынь, ему такие происшествия были непривычны и для истерики хватило бы и этого. Однако обиженное безголовое куриное тельце как-то умудрилось вырваться и понестись через двор, поливая

землю красной юшкой. Буквально, мстительная курица без головы и мозгов бежала в Мишкину сторону, а тот боялся пошевелиться. Благо, туловище промчалось мимо, воткнулось в стену сарая, упало и в судорогах затихло. Такое вряд ли забудешь.

Мишка ревел, тетка хлопала себя по бокам, а дед хохотал как безумный.

От воспоминаний Мишка набычился, а дед поерзал на месте, достал из-под себя чайную ложечку, недоуменно посмотрел на нее и положил на стол.

— Победителями, Михаил, выходят не самые умные и не самые сильные. А самые упертые! Волевые! Те, кто поднимается снова и снова. До тех пор, пока есть голова.

Деда взглянул на часы и, по мнению Мишки, совсем нелогично завершил разговор:

— Так что давай! Иди учи немецкий! Вон уже Клеопатра Францевна шрайбенбухом машет...

* * *

«Падать и вставать. Падать и вставать», — Мишка все думал и думал эту мысль, пока однажды не оказался с Тёмкой на столичном турнире по французской борьбе, которую дед отчего-то назвал греко-римской. Удивительно, сколько географии было в простом спорте...

С первых же бросков Мишка понял: вот то, что ему нужно!

* * *

Сколько раз за пару лет в Киеве менялась власть, Мишка сбился со счета. Точно больше десяти. Дядя Ефрем все-таки уехал в свою Польшу, а письма от отца приходиться перестали вовсе.

21 февраля 1920 года в филленчатую дверь что есть силы забарабанили. Дед с дядей Аркадием катали шары в бильярдной, а Мишка был рядом и открыл, ничуть не испугавшись грохота. Шума в последнее время было много.

За дверью стояла толпа. Мужики. Некоторых Мишка видел по улице, других не знал вовсе. Во втором ряду, насупившись, стоял Тёмкин батя.

— Деда зови, — буркнули из тулугов.

Дед вышел в хорошем настроении, но сразу все понял.

— И что вам?!

— Мы... комитет бедноты.

— Да вижу, что не фребелевских бонн воспитанники...

Мужики помялись, пока в задних рядах кто-то не набрался смелости.

— А ты куркуль!

— Я те зубы шас выбью, — негромко, но очень емко промолвил дед. — А ну, выйди сюда!

— Матвеевич, — Тёмкин батя выдвинулся вперед, — мы тебя за твои дела уважаем, но мы ведь не от себя говорить пришли...

— А от кого, Кузьма?! У тебя-то хоть дело есть, а кто эти рожи? Куркуля нашли! Не я ли вам всю улицу замостил, босота?! В грязи по колено сто лет елозили, дерьмом сморкались!

Мишке казалось, что таким тоном мужиков не успокоить. Впрочем, те пока бычились, но молчали.

— Пацанва ваша буквы узнала отчего, рожи?! Не оттого ли, что Родионов пристройку к церкви сделал?! Комитет бедноты! Я, думаешь, не знаю, чего они ждут, Кузьма? Когда меня выведут, а они в дом ворвутся и зеркала по хатам потащат!

По лестнице мягко и неслышно спустилась бабушка и встала рядом с дедом. Дядя Аркадий еще раньше вышел из правого крыла с топором в руке и стоял, опершись на кресло.

— Мы за идею, Андрей Матвеевич! — не очень уверенно пояснил Кузьма.

— Какую идею?! — дед аж взвился петухом. — Хоть бы у одного была позиция, я бы руку пожал и сказал: входи! У вас, у демеевских, только одна идея — чтобы вас не трогали! Чхать вам на Универсалы, большевиков, царя. Лишь бы от вас отстали! Чтобы вы и дальше могли ничего не делать.

Внезапно дед увидел в толпе движение и метнулся туда.

— Во! Я вижу, вы даже маузер прихватили! Молодцы! Ну, к кулаку ж пришли! Так я чего вам скажу, комбедовцы. Я! Только я буду решать, что с моим домом делать! И я решил! Завтра флигели и первый этаж под лазарет отдам! Или нет, в Наркомпрос пойду! Студенты — вот что нужно вашему сброду...

Мужики сгруппировались поплотнее, и Мишка уже ощутил страшное, но тут...

— Дядя Андре-е-е-ей! — Тёмка верещал, как на пожаре. Через мгновение он влетел в гостиную и увидел отца. — Батя! Там церковь горит!

Оказалось, и правда пожар.

Мужики ломанулись из дома, а дед закричал:

— Стой, Кузьма! Коня бери! У Одиницы бадьи пятиведерные! Свяжешь по две! Тёмкин тятя часто закивал.

— А я сейчас Арапа запрягу! Аркадий, будешь нужен! Петро, выкатывай бочки!

ГЛАВА 8. ЧЕРДАК

Второе письмо Леся получила в пятницу. Конверт был плотным и пухлым. В тетрадный листок была вложена пачка ксерокопий, а сам текст написан от руки. Высказывают таким образом уважение старому человеку? Леся уже и забыла, когда сама писала ручкой.

«Здравствуйте, Зинаида Павловна!

Отправляю вам ксерокопию своего паспорта и некоторую информацию по вашим родственникам, которую мне удалось достать. Очень надеюсь на вашу помощь!

С уважением,

Саша».

И снова телефон.

Первой копией была потрепанная красноармейская книжка с печатью и звездочкой с серпом и молотом в центре. Откуда, интересно, эта Саша ее взяла?

На лицевой стороне с большим трудом читалась размытая чернильная надпись: «В настоящей книге вложено (*неразборчиво*) на 6-ти (шести) листах. Начштаба 100 (*неразборчиво*) ОБС гв. капитан Киселев».

Имени красноармейца Леся не нашла. В месте рождения и постоянного жительства был мелким почерком вписан их нынешний адрес.

Кроме этого, Леся узнала, что боец присягу принял 28.06.1941, а также, что он был привит от оспы и еще чего-то невразумительного, что вещевое имущество его состояло из ремня поясного, ремня брючного и ранца (вещмешка), а военное имущество составляли карабин за таким-то номером и противогаз.

Очередная страничка сообщила ей, что рост у солдата был 4, шинель 4, шапка, фуражка и пилотка — 56, сапоги, ботинки — 43, рубаха летняя, шаровары летние, шаровары суконные и белье — 4.

Разбираться во множестве закорючек между печатями она не стала, отложила на потом. И только на последнем листке обнаружила имя и год рождения: Родионов Михаил Сергеевич, 1910.

«Интересно,— подумала Леся,— если книжка красноармейца лежит не дома, а в каких-нибудь архивах, означает ли это, что домой он не вернулся?»

* * *

— Алло! Здравствуйте! Это Родионова.

— Ой, добрый день,— на том конце трубки замялись, скорее всего искали в записях имя собеседника,— Зинаида Павловна. Спасибо, что позвонили! Если хотите, я вас перенабе...

— Это не Зинаида Павловна.

Трубка замолчала.

— И... чисто технически, я уже и не Родионова.

— Простите, я не совсем поняла, можете погромче повторить?

— Я Леся Сушко. В девичестве Родионова. Зинаида Павловна была моей матерью...

— Была...

— Мама умерла две недели назад.

— Простите... В паспортном столе мне не сказали. Ну да, я же была там в позапрошлом месяце.

— Почему они вообще вам информацию дали?

— Коробка «Вечернего Киева».

— Ясно. Что вы хотите?

Леся говорила устало и немного раздраженно. С той стороны это явно понимали.

— Может быть, вам неудобно говорить?!

— Если бы неудобно, я б не звонила.

— Ах, ну да! Это ж вы...

— Так что?

— Может, у вас есть письма, какие-то документы. Нужна любая фактура...

Девушка внезапно замолчала, похоже смутившись, что использовала такое равнодушное, профессиональное слово. Как будто политик, назвавший собеседника электоратом.

— Я не уверена, что...— тут Леся вспомнила,— у вас Вайбер есть?

— Конечно!

— Я вам сейчас пришлю список фамилий. Достался от матери. Я там не всех знаю, а у некоторых фамилии уже поменялись, но, может, он вам поможет. Письма? Мне надо кое-что проверить. Я вас наберу...

* * *

Озарение, пришедшее к Лесе в этом разговоре, высветило в ее памяти, как дед, Владимир Михайлович Родионов, время от времени собирал и стаскивал ненужные вещи «на чердак». Случалось это крайне редко, при ней, пожалуй, не больше пары раз, но Леся вспомнила приставную лестницу, притаскиваемую откуда-то с улицы, тяжеленную западню, плотно прикрывавшую выход под крышу, и даже запах прогретого металла.

Все потолки после свадьбы Сережа заштукатурил и покрыл водоэмульсионкой, поэтому люк, ведущий на чердак, еще предстояло найти. Но Леся примерно помнила, где искать, и радовалась, что это не спальня, где они установили натяжные потолки.

Конечно же, лестницы она никакой не найдет, но голь на выдумку хитра. Леся хорошенько смочила пол и протиснулась между стенкой и черным шифоньером на гнутых ножках. Уперлась, напряглась, и чудовищный шкаф поддался, сдвинулся. Дальше стало легче, можно было включить ноги, мышцы которых, это Леся где-то читала, самые сильные.

Порывшись в Сережиных инструментах, она выудила огромную отвертку, молоток и какую-то полезную штуку, которой выбивают дырки в деревяшках — Леся никак не могла запомнить, стамеска это или зубило. Притащив из зала кожаное кресло, Леся использовала его спинку, как последнюю ступеньку, поставила на крышку шифоньера голубой тазик с водой, тщательно вытерла влажной тряпкой толстый слой пыли, и забралась наверх. С детства этого не делала. А тогда мама хранила здесь елочные игрушки в коробках и фанерные фигурки для домашнего кукольного театра.

При простукивании потолка легко обнаружилось место, которое звучало по-другому. Через 10 минут Леся знала размеры и контуры люка. Через 20 минут, глянув вниз, она уже пожалела, что вообще затеяла всю эту возню — пол и мебель напоминали комнату из Булгаковского музея — все в белой муке и кусках штукатурки, к тому же глаза и нос были забиты мерзкой пылью.

Мама часто повторяла стишок «орешек знаний тверд, но все же мы не призывкли отступать», и в детстве он даже был Лесиным девизом. Вот и сейчас она снова смахнула с шифоньера мусор, легла на спину и попыталась упереться в западню ногами. Расстояние оказалось слишком велико. Пришлось побегать туда-сюда, сооружая «подушку» из толстых желтых энциклопедий. С третьей попытки люк сдвинулся.

Интересно, что за столько лет никто из других жильцов дома не искал выход на чердак. Видимо, сверху никого не топило, нигде ничего не подтекало, либо же был еще один выход, из флигеля. Умели все-таки раньше строить качественно! Леся знала, что зданию больше века, но, возможно, крышу перекрывали когда-нибудь после войны.

Засунув голову внутрь, Леся поняла, что света от полукруглого слухового оконца мало, нужно спускаться за фонариком, а внизу сообразила, что у нее есть десятиметровый удлинитель и настольная лампа, и это будет куда удобнее.

Мохнатые балки, паутина, укутанное в толстый слой пыли прошлое. Некоторые вещи, как, например, трехколесный велосипедик, Леся узнала, но прислоненные к балке резные карнизы она никогда не видела в их квартире. Гармонь, упакованная в кофр... У них никто не играл на гармонии.

Швейная машинка. Лесю внезапно накрыло воспоминанием, как покрывалом. В нерабочем состоянии древняя машинка выглядела как обычная кухонная тумба с плоскими сторонами и вязаной салфеткой на столешнице. Но если открыть дверцу, можно было обнаружить гладкие обводы прикрепленного к верхней плите перевернутого черного корпуса, расписанного золотистыми узорами, сбоку — огромное металлическое колесо с жестким кожаным ремнем, а внизу — огромную подвижную педаль для двух ног.

Покрывающую платформу можно было вынуть и перевернуть, тогда машинка оказывалась сверху, готовой к шитью, а внутри освобождалось место, и это — у-у-у-у-у!

Благодаря этой машинке в детстве Леся узнала, что иногда для того, чтобы увеличить мир, необходимо мир уменьшить. Когда она лежала с книжкой в комнате, вселенная постепенно пыталась выбраться из страниц, но все время рвалась, лопалась, расплзалась. словно ей было слишком просторно. Но стоило залезть с книжкой внутрь короба швейной машинки и прикрыть дверь так, чтобы свет из щели падал только на открытые страницы, книжный мир мгновенно выскакивал из строчек и расширялся до невероятных размеров, а Леся оказывалась в его эпицентре.

Читать внутри волшебного шкафа можно было часами, так, что мама начинала ее по всей квартире искать, а Леся сидела и не отзывалась. Во-первых, потому что ее здесь не было, а во-вторых, потому что еще три страницы до конца главы...

Леся провела по столешнице, взглянула на пыльный палец и увидела в стороне под лыжами картонный ящик с альбомами и письмами. Это было как раз то, что ей сейчас нужно.

Всю субботу Леся читала.

* * *

Здравствуйте, Михаил!

Рада, что вы написали. Мне было очень интересно с вами поговорить в Университетском саду. Я сожалела, что вам пришлось так скоро уехать.

В вашем письме вы просите побольше рассказать обо мне и моей семье. Даже не знаю, с чего начать.

У моих бабушки Арины Федоровны и дедушки Петра Уваровича, проживающих в с. Гонтов Яр, было четыре сына — Евграф, Владимир, Гермоген, Миней и дочь Анна. Минейя они отдали на воспитание сестре бабушки — Руслане, проживающей в с. Котельва.

Когда Евграфу исполнилось 18 лет (23 декабря 1912 г. по новому стилю), родители стали подыскивать ему невесту. Тетка Руслана познакомила их с Траскиными, у которых на выданье была дочь Мария, почти на год старше Евграфа. Мария понравилась Арине и Петру: красивая, работящая, хозяйственная. Одним препятствием для женитьбы было старообрядческое крещение Евграфа. Траскины попросили заново окрестить его по новому православию, что и было исполнено. Евграфа и Марию поженили в 1913 г. Они в будущем и стали моими родителями.

Траскины были состоятельными крестьянами, занимались хлебопашеством, имели несколько коров, лошадей, два дома (рядом). В первое время мама с папой также занимались крестьянскими делами, но в начале 1914 г. папе поручили работу

на почте. Он был грамотным, закончил 4 класса приходской школы, красиво писал, хорошо разбирался в арифметике. В 1915 г. родился у них сын, мой брат, который умер в младенчестве.

Во время Первой мировой войны папа попал на фронт. В 1916 г. его ранили. После госпиталя он на фронт уже не вернулся, а стал снова работать на почте, будучи начальником и кассиром.

15 марта 1918 г. родилась я.

Я, наверное, слишком подробно рассказываю, вам так густо не интересно?

В 1922 г. папа перешел на работу в бухгалтерию Заготзерно. Мы завели свою корову, держали уток, кур. Правда, я это не особо помню, знаю, скорее, по рассказам. Жили дружно. Папа в свободное время занимался извозом на лошади. Мама была большая рукодельница. Она ткала на станке льняное полотно, на этом же станке делала коврики с различными узорами из цветных шерстяных ниток, вязала кружева и скатерти, вышивала на разборных пнях, стежила ватные одеяла с рисунками и вышивками для своей семьи и на заказ; шила на машинке всю одежду себе и нам. Несмотря на огромную занятость, мама в период всеобщей ликвидации неграмотности в стране ходила на курсы ликбеза и научилась немного читать и писать. Нередко, правда, не разделяла интервалами слова, но тексты были вполне читаемы.

В 1925 г. родители в пристройку стали пускать квартирантов. Это я уже помню, во время НЭПа постояльцами в нашем большом дворе были крестьяне, приезжающие на базар. В 9–10 лет я уже самостоятельно ездила верхом на лошади, сопровождая ее на выпас, делала все работы по дому.

В школу ходила с радостью. Учились в ней не только гонтовские, но и дети из соседних сел.

Зимой в школе мы ставили спектакли. Особенно запомнился спектакль «Жизина дяди Тома». Зрители плакали. Учитель пения организовал кружки — хоровой и струнных инструментов. Я плохой певец, но в хоре пела. Научилась играть на гитаре и балалайке. Пианино в селе не было.

Однажды наша жизнь была омрачена кратковременным арестом папы. Было это так. Папа написал заметку в стенгазету о начальнике базы, который брал со склада зерно. Заметку поместили с карикатурой, как этот начальник тащит на горбу большой мешок. Конечно, это не понравилось, и папу посадили в баню под арест. Просидел он в бане три дня, после чего выпустили. Работать-то надо было.

В 1932 г. наше село, которое не очень хорошо выполняло план хлебозаготовок, собирались поставить на «черную доску». Инженер, забыла его фамилию, который у нас тогда долго квартировал, посоветовал не ждать, а уезжать. Что мы и сделали. К Новому году мы уже жили в столице — в Харькове.

В 1933 г. меня приняли в комсомол, и еще я была редактором стенгазеты и агитатором.

В позапрошлом году я закончила школу, впрочем, про это мы немножко говорили.

Еще я член нескольких добровольных обществ: Красного креста и Красного полумесяца; МОПР; ОСОАВИАХИМ. По линии ОСОАВИАХИМа я решила освоить авиацию. Занимаюсь вечерами в клубе, мы изучаем устройство самолета У-2. На той неделе нам объявили, что в первые зимние каникулы будут практические полеты.

Что-то я уже слишком много всего написала.

Михаил, расскажите теперь вы о себе. Чем вы занимаетесь и увлекаетесь, кроме борьбы — про нее вы уже много рассказывали? Планируете ли снова оказаться в Харькове?

*С уважением и комсомольским приветом,
Валентина,
12.X.1938.*

ГЛАВА 9. БОРЕЦ

Михаил спрыгнул с подножки на Большой Васильковской возле бывшего снарядного завода, нынче ставшего казенным винным складом, и мимо штабеля церковных кирпичей направился в сторону Троицких бань.

Он только что получил диплом кафедры физической культуры и спорта и большими шагами топал в понятное и красивое будущее.

В 1924 году, во время проведения в Киеве первого чемпионата СССР по классической борьбе, Михаила, как подающего большие надежды юношу, познакомили с Александром Сиротиним. С тех пор жить стало как-то очень легко. Учеба была не особо интересной, время для схваток оставалось всегда. Михаил падал и поднимался. И снова падал и поднимался. И вскоре взял первенство Киева. А затем и республики.

И вот в руках — диплом, которым через десять минут он похвастается деду. А вечером Александр Калистратович обещал привезти кинохронику с Олимпийских игр, начавшихся в нидерландском Амстердаме. А еще через пару месяцев тренер обещал взять его с собой в столицу страны — в Москву, на очередной чемпионат Союза по классической борьбе.

* * *

Однажды в Белом Доме появился представительный и усатый товарищ в папахе. Сначала дед долго в него вглядывался — стали подводить глаза, а потом назвал Маркушей и крепко обнял. Это был сын уманской учительницы, которой Андрей Матвеевич частенько помогал по ее бедности, — Марк Семенович Каганович.

— Я, Маркуша, понимаю, что Ребекке Яковлевне сейчас было бы уже за сто и вряд ли она еще в этом мире, — говорил за чаем дед, — но вдруг?

— Андрей Матвеевич, она еще до конца века преставилась.

— А ты как?

— А я по военной стезе пошел. Что мне еще было делать? В восемнадцатом году вступил в РКП(б), записался в Красную армию. Подрывником в Первый украинский червонный бронедивизион. Воевал с Петлюрой, командовал броневиком. В конце лета зашел в Киев и попался денкинцам. В общем, покрутило...

— Я в ваших этих различиях не понимаю, — дед потыкал пальцами на форму. — Теперь ты кто?

— По должности — заместитель начальника Первой отдельной бригады Киевского военного округа.

Дед пожал плечами, задумчиво уставился в пол, а затем спросил негромко.

— Убивал?

Марк Семенович пристально посмотрел деду в глаза.

— Убивал. Война ведь,— и после паузы решил пояснить: — И своих приходилось — мародеров и дезертиров. И врагов, конечно!

— А кто враги-то, Маркушка? Мы разве не из одной земли вышли? И в нее же все ляжем?

— Белые — враги! Кулаки! Буржуи.

— Ну, ясно — лошадь, раз рога. А я ведь тоже буржуй, Маркушка! И, по-вашему, кулак.

— Коммерсанты же тоже идейные бывают, Андрей Матвеевич! Вы же всегда за простой народ были, я помню...

— Да-да. И почти весь уманский бизнес мой советская власть забрала. И вот этот дом я весь построил,— дед словно перестал слышать собеседника,— для семьи своей. На свои деньги! Которые не украл, а честно заработал! А теперь, видишь, один этаж оставили. И тот отобрать грозятся. Уплотнение у них! Ну, детки на первом — ладно! Но второй этаж — это что за конторы? Не названия, а абракадабра из согласных...

— Андрей Матвеевич, за этаж я переговорю, не волнуйтесь.

Но дед лишь сердито мотнул головой и принялся разворачивать карамельку узловатыми пальцами. И по тому, как долго он это делал, да еще по небритым щекам, Михаил вдруг понял, как дед сдал. До смерти бабушки он себе щетины никогда не позволял. Из-под рубахи могла выглядывать волосатая грудь, но щеки всегда были гладко выбриты.

Марк Семенович стал периодически заходить, чаще уже по темноте, и они с дедом подолгу сидели, вспоминая жизнь в Умани, называя улицы, здания и каких-то общих знакомых.

Последний этаж Белого Дома остался у Родионовых.

* * *

Михаилу казалось, что за несколько лет, когда первыми двумя этажами Белого Дома стала распоряжаться советская власть, ни одна контора не продержалась там дольше полугода. Мастер, меняющий вывески, мог больше нигде не работать, только прикручивать и откручивать таблички с нерасшифровываемыми аббревиатурами — каждую за рубль. Михаил, возможно под влиянием деда, терпеть не мог аббревиатуры, считая эти сокращения нелепой попыткой выиграть время, жить быстрее, чем дает судьба...

Встреча нового 1933 года прошла безрадостно. В соседних селах и городах начался голод, или, как лукаво называл его Марк Семенович, продзатруднение. В январе пришла весть из Умани, что умерли две дедовские кузины и племянница. Дед стал торопливо собираться.

— Поеду со всеми прощаться,— говорил он.— А может, и сам на Машанском кладовище останусь. Устал я от этого одинокого дома.

И не вернулся. Михаил узнал о похоронах, когда приехал с очередных соревнований. Вынул из щели между дверью и косяком засунутую туда почтальоном телеграмму, повернул ключ, шагнул внутрь, не разуваясь прочел, а потом так и стоял, облокотившись о проем, с медалью в одной руке и телеграммой в другой. Прощаться было уже не с кем. Присыпали.

Бросив взгляд в зеркало, Михаил пристально всмотрелся в дедовы черты, а затем развернулся и вышел во двор. Поднял лицо к небу под мелкий снежок и неожиданно для себя пошагал к Вознесенской церкви. Аккуратно открыл дверь и встал в притворе.

Какой-то мужичонка в начищенных кирзовых сапогах, в которых отражалось пламя свечей, обернулся, несмело улыбнулся и зашептал через плечо:

— Тоже любопытствуете? В этой церкви Вертинский пел. И Леся Украинка венчалась. Знали-с?

— Эту церковь мой дед построил... Знали?!

— Паузер?

— Родионов!

— Тоже капиталист?

— Ясно — лошадь, раз рога! — огрызнулся Михаил и вышел.

Ночью, словно дым от люльки, Михаилу в душу заполз какой-то иррациональный страх, что теперь-то точно у него отберут последний этаж, не глянув на все его спортивные регалии и Доску почета. Утром он собрался и последовал дедову примеру: пошел в жилконтору и сам предложил оставить ему всего две комнаты, уборную и кухню.

Весной ему пришлось мыть всего семь окон. Тоже хлеб.

* * *

На очередном чемпионате СССР по классической борьбе Михаил занял лишь четвертое место, однако по возвращении в Киев, недавно вновь ставший столицей республики, его и других спортсменов пригласили в здание Совнаркома на вручение дополнительной республиканской награды. Вручал сам председатель Совета народных комиссаров Панас Петрович Любченко. Процедура была долгой, и никто, кроме Мишиного тренера, не знал, что парень с трудом стоит, а его рука плотно примотана к туловищу.

В последней схватке при падении в завершающей части броска он неудачно ударился о ковер, плечо резко сместилось вниз, и связка не выдержала.

— Разрыв ключично-акромиального сочленения, — сообщил врач чемпионата Александру Калистратовичу, подняв голову от снимков, затем почиркал на бумажке что-то еще и почему-то с радостной улыбкой добавил: — А также повреждение плечевого сустава и разрыв суставной сумки с подвывихом последней. Сначала операция, а после месяца на три о тренировках можете забыть.

Столица разрасталась. Столица строилась.

На крыльце здания Совнаркома какой-то оптимистичный дядя рассказывал двум дамочкам в ситцевых платях:

— Такое же грандиозное правительственное здание, как это, — мужчинка широким жестом показал на колонны, — будет на той стороне.

— А как же Софиевский собор?

— Софию мы снесем. Присутственные места — на свалку. Хмельницкого — прочь! В центре будет установлен величественный монумент Ленина. Вот такой!

— Пошли, — толкнул в бок Михаила тренер.

Церквей Михаилу было жалко. Ленин, конечно, хорошо, но других мест разве мало? Михайловский монастырь и Трехсвятительскую церковь уже разрушили, Златоверхий собор, и так пострадавший во время гражданских боев, собирались взорвать.

— Не можешь тренироваться, будешь тренировать! — тем временем говорил Сиротин. — Или нет. Сначала мы тебя в круиз отправим. Агитатором!

Тренер считал, что даже самому плохому инструменту можно найти применение. Эффективность — главное в спорте.

И Михаил поехал в «круиз». По спортивным учреждениям молодой украинской республики.

В Харькове он встретил Валю.

* * *

Женщин Михаил опасался. Он не понимал, как устроены их мозги, и не видел логики в их поступках. А когда он не видел логики, он злился. А если он злился, его тело начинало жить самостоятельно. Ноги пинали столбы и урны, кулаки врезались в стены и витрины, так что один раз его даже чуть не забрали в отделение за нарушение порядка.

Ему было четырнадцать, когда в раздевалку после тренировки зашла жена директора клуба. Вероятно, мускулистые разгоряченные юноши были ее страстью. Михаил стоял к выходу спиной, запихивая в сумку мокрое трико с борцовками. Дама провела по его потной трапецевидной спине двумя пальцами и сообщила: «Ты, как жеребец, от тебя аж пар идет». Михаил замер на мгновение, а затем банально сбежал. На следующий день сбежал опять. И снова. И чем дольше он бегал, тем настойчивее становилась дама. Когда Михаил сказал, что сломает ей руку, она, похоже, лишь обрадовалась. Пришлось пожаловаться тренеру.

В шестнадцать Михаил пытался ухаживать за девушками. Сразу за двумя. Просто потому, что остальные ребята рассказывали истории, от которых хотелось переплыть океаны. Обе девушки отвергли его ухаживания, каждая объяснив отказ по-своему. Для одной он был слишком грубый и жесткий. Для другой — слишком болтливый и несерьезный. Хотя с обеими он просто был самим собой. Вот как их понять?

В общем, через какое-то время отношения с женщинами у него стали быстрыми и понятными. Михаил предпочитал их, как и противников, укладывать на лопатки за несколько минут, чтобы потом разойтись, пожав друг другу руки. Не нужно делать больно, нужно победить! Падать и вставать...

А тут Валентина.

В Харькове Михаил отобрал трех замечательных ребят: одного — десяти и двух — двенадцати лет. Назавтра можно было переезжать в соседние Ворошиловградскую и Сталинскую области, а потом через Запорожье возвращаться домой. В последний вечер он вышел после лекции о французской борьбе на дощатое крыльцо здания харьковской «Потребкооперации» и на секунду ослеп от закатного солнца. Когда глаза немного привыкли, из света, словно образ на фотобумаге, стал проявляться девичий силуэт. Волосы сияли, пропуская сквозь себя лучи светила, и в лицо взглянуть было невозможно. Тогда Михаил опустил взор чуть ниже и задохнулся от просвечивающего сквозь легкий сарафан контура ее тела — стройного, тоненького, невесомого. Тут он совсем потупился и увидел загорелые девичьи ножки с узкими ступнями. Пальцев было девять. Мизинца не хватало.

Это было так неправильно, так дико, что Михаил аж задохнулся от возмущения. Не может у ангела быть девять пальцев!

— Что случилось?! — потерянно спросил он. И наконец увидел ее лицо. Блондинка с черными бровями и длиннющими ресницами.

— Вы загородили проход! — девушка топталась на месте.

Михаил непонимающе заморгал.

— С пальцем что случилось?

Девушка изучающе заглянула Михаилу в глаза, не издевается ли, потом улыбнулась.

— Мотоцикл.

— Сбил?

— Нет, — девушка заливисто рассмеялась. — Мы с подругой угнали у ее отца мотоцикл. И на резком повороте перевернулись.

Михаил стоял, молчал и смотрел ей в глаза. Дурак дураком. Она ждала, пока он отступит и даст войти. Он всегда был такой. Отдавался тому, что делал, весь. Если боролся, то только боролся. Если отдыхал, то просто лежал на кровати, ничего не делал, даже не думал. Теперь выяснилось, что если влюбился, то влюбился целиком.

— Вы зачем туда идете? — он кивнул головой в сторону входа.

— Нужно.

— Очень?

— А что?

— Хотите мороженого?

Девушка снова расхохоталась. А затем протянула руку.

— Валя. Я через две минуты вернусь.

Так они и познакомились. Борец с порванным плечом и ангел с девятью пальцами.

В конце 1938 года Михаил окончательно перевез Валентину в Киев. Поскольку идеология «пролетарского брака» себя не оправдала, и молодая советская страна практически вернулась к дореволюционному институту семьи, было решено отметить свадьбу. Правда, невеста праздновала в нарядном, но не новом файдешининовом платье в цветочек и темном пальто, а Михаил взял у Дмитрия Корчака — они с ним были одних габаритов — купленный еще в Торгсине твидовый пиджак и модные брюки-гольф с манжетами под коленями. Пальто и, понятное дело, кепка у него были свои. Вот и весь праздник.

Квартирка в Белом Доме хорошо приняла новую хозяйку. Через месяц Валентина навела в жилье свои порядки, заставила Михаила передвинуть в одной комнате стену, объяснив это тем, что спальня может быть и поменьше, а в зале детям нужно будет играть!

В 1939 году третий этаж услышал крик Владимира, а в 1940-м — Натальи. Кричать Михайловичи любили — страх!

ГЛАВА 10. СТАРОЕ ФОТО

Сначала Леся подумала, что в старый конверт зачем-то положили кусок фанеры, настолько плотным был материал, однако выяснилось, что это прессованная бумага, на которой наклеено черно-белое фото. Вернее было бы сказать,

черно-желтое, поскольку белых тонов от времени на карточке не осталось. Впечатление желтизны усиливала двойная рамочка, бывшая когда-то золотой. Вроде, такие зовут виньетки.

На фото были жених и невеста. Или муж и жена сразу после свадьбы.

Невеста — в белом шелке с кружевными блондами на груди и кисейной фатой на голове — сидела в глубоком кресле, сложив руки в ажурных перчатках на коленях. К пояску, завязанному под самой грудью, крепился не то флердоранж, не то просто затейливый бант.

Мужчина имел шикарные подкрученные усы и зачесанные наверх волосы. Из-под воротничка-стоечки рубашки был виден крупный узел светлого галстука с мелким узором. Темный фракный пиджак почти достигал колен. Белые манжеты, выглядывающие из рукавов пиджака, придавали жениху очень опрятный вид, который еще больше подчеркивался парой белых же перчаток, зажатых в руке.

Возможно, все это было не белое, а, например, цвета слоновой кости. По фото отгадать это было уже невозможно.

Леся еще немного поразглядывала детали и перешла с recto на verso, перевернув фото.

На реверсе располагался нежно-голубой рисунок, изображавший солнце в облаках, веточку какого-то цветущего растения и изысканный узор, ограждающий рекламную надпись: «*Почтамтский перд. франкфуртъ рядомъ съ художеств. театромъ*», а ниже совсем мелко «*увелич. портретовъ до натур. величины*».

Неожиданные яти и необъяснимые сокращения слов позабавили.

В верхнем левом углу разместилось изображение не то монеты, не то медали, на лицевой стороне которой отпечатали чье-то лицо в профиль, а на задней — стандартные листочки.

И по всей этой красоте размашистым почерком с милыми закорючками выстроился написанный перьевой ручкой текст, который Леся из-за ятей не сразу сумела разобрать:

«На добрую память дорогой сестрицѣ Нюрѣ от Екатерины и Андр. Родионовыхъ».

Дата в правом углу тоже была необычной: после цифры 18 дробью было написано 10//VII, с двумя поперечными, после чего следовало 82. Если бы не маленькая буковка «г», Леся вероятно и не догадалась бы, что это — дата 10 июля 1882 года.

Родионовы. Надо же, какая древность... Прадед? Пра-прадед? Наверное, даже пра-пра-прадед.

Леся еще раз взглянула в неулыбчивые, но спокойные лица и засунула карточку обратно в конверт.

* * *

- Алло, добрый день, Олеся! Это Александра.
- Леся!
- Что?
- Меня зовут Леся.
- Простите, я думала, это одно и то же.
- Для меня — не одно.

— Еще раз извините. Вы не перезвонили в выходные.

Леся промолчала. Она отколупывала коросту на костяшке указательного пальца, прижав телефон ухом к плечу.

— В любом случае, спасибо вам за список! С первым выпавшим звеном он не помог, но зато дал несколько зацепок по другим вашим предкам. Скажите, Леся, вы что-нибудь знаете об Андрее Матвеевиче Родионове?

— Ну-у-у-у, может, какой-нибудь троюродный дядька... Ой, минуточку.

Леся прошаркала тапками к письменному столу и взяла конверт.

— Я здесь...

— Леся, он не может быть вашим дядей.

— Я уже поняла. Он из позапрошлого века, да?!

— Да. Это тот человек, кто построил Белый Дом!

— Что? — Леся внимательно всмотрелась в лицо жениха. — Он не похож на строителя.

На том конце рассмеялись.

— Он не строитель. Он меценат и, возможно, дворянин. Я по нему еще не все нашла. Но точно в Киеве все началось с него. Потому что когда-то этот дом принадлежал вашей семье.

— Что, весь?

— Весь. Кроме того, у этого Родионова было несколько крупных предприятий в городе Умани, я нашла документы об их экспроприации Советами.

— Чума!

— Стоп! Вы сказали — не похож! У вас что, есть фото?!

— Как оказалось, есть.

— Это же здорово! А сможете перефотографировать? Или я пришлю к вам Макса, он сфотографирует.

— Лучше я сама.

— Хорошо. С вашим списком не совсем все понятно. Он... очень избирательный. Где-то пропущены поколения, где-то из поколения упоминается только один родственник, хотя точно было несколько. Я проследила некоторые церковные метрики, кое-какие записи ОЗАГСов. Люди просто пропадают. Вы можете мне рассказать, кого из предков вы помните лично; может, кого-то упоминали родственники.

Леся уселась на стул и принялась рассказывать.

ГЛАВА 11. ВОЙНА

Несмотря на разорвавшиеся на «Большевики» бомбы, Киев в войну поверил не сразу. 22 июня в газетах о бомбардировке не было ни слова. Михаил вместе с Корчаком и еще парой ребят собирался вечером идти на первый матч на крупнейшем во всем Союзе Центральном республиканском стадионе, болеть за киевское «Динамо», однако матч отменили.

Что все серьезно, Михаил понял, когда на следующий день ему вручили повестку. До этого лиц эксплуататорских классов (детей бывших дворян, купцов, офицеров старой армии, священников, фабрикантов, казаков и кулаков) в армию призывать запрещалось.

В документе предписывалось получить на предприятии деньги на две недели вперед, а также требовали от призывника обречься наголо, взять с собой документы и продукты.

Далеко не все демеевские заспешили на мобилизацию, и Михаил их даже понимал — во время своего республиканского «турне» он наслушался от простых мужиков и про коллективизацию, и про конфискацию имущества, а истощенных и умирающих от голода людей видел своими глазами. О советской власти, в отличие от восторженной Валентины, верящей в комсомольские идеалы, он понимал больше, чем ему хотелось.

Валентина же, увидев повестку, принялась накручивать на палец пояс от халата и тихонько скулить, прижимая к груди Наталку. Вовка стоял, уцепившись за ее ногу.

Тренер, не задумываясь, предложил Мише как чемпиону и многократному призеру бронь.

Семья — это важно, и государство может ошибаться в методах наведения порядка, но война есть война... Михаил отказался. Получил в кассе положенную за две недели сумму, плюс 250 рублей на трех иждивенцев за июль, и отправился в школу на призывной пункт, где старшина отвел его на склад, выдал военную форму и личное оружие...

Впрочем, пока решалось, куда отправлять их часть — в тыл или на фронт, Михаил успел насмотреться на спекулянтов, дерущих втридорога за мыло, соль и спички, на мародеров, грабящих магазины, и решил, что, возможно, Валентина права, и советской власти стоило быть жестче, чтобы добить всю эту мелкооптовую шуштуру.

Первое время Михаил впитывал в себя все слухи, приходящие из Киева, но их было катастрофически мало. И лишь в сентябре, когда основные силы советских войск начали отступление из столицы республики на левый берег Днепра, сплетни хлынули потоком. Половину Киева разбомбили самолетами. Киев охвачен пожарами. Киев оккупирован немцами. Над Лаврой установили флаг вермахта. Взорван «Детский мир». Немцы уничтожили Крещатик. Город взорвали наши. Мины во все административные здания, мосты и электростанции заложили советские спецы по инженерным диверсиям из подразделений ОМСБОН НКВД. Полмиллиона мин под всеми киевскими домами ждали войны еще с 1939 года, их собирались активировать дистанционно, с помощью радиофугасов Ф-10, но сработали не все взрыватели. Сплетни, байки, ложь...

Михаил многому верил. Он видел, как советским руководством осуществлялась тактика выжженной земли. Как перепаживали тракторами пшеницу на полях. Как голосящие бабы не давали пахать. Видел первые расстрелы по закону военного времени. Ясно было одно: Валентине с детьми сейчас там страшнее, чем ему здесь.

* * *

В 1943 году, после очередного госпиталя, Михаил оказался в дивизии, которая еще в июне 1940 года в составе 9-й армии Южного фронта участвовала в советско-румынской войне за Бессарабию. Бойцы были опытные, битые и злые. У самого Михаила на груди тоже уже красовалась парочка золотых и один темно-красный галун.

Фашистов понемногу гнали. Почему-то красноармейцы верили, что как только выбьют гадов из Новороссийска, станет гораздо легче. Гансов ближе к вечеру оттеснили в лесок, а сами заняли оставленные теми при отступлении добротные дощатые окопы. Впереди ждал Темрюк.

По темноте поволокли раненых красноармейцев Китариогло и Мелешко в медицинский блиндаж. Одному бойцу прострелили грудь, он был без сознания и хрипел, другому разможило голову, на ноги он встать не мог. Сначала хохотал, затем всхлипывал, сейчас перестал. Воняло гарью. Когда стихал ветер, вдалеке можно было услышать немецкую речь.

Перед блиндажом на ящике сидел доктор. Личность узнаваемая и известная. Узнаваемая из-за рыжих волос, а известная из-за страшного мата на каждой операции. Матерился, шил и резал, вынимал, запихивал и опять матерился. Такой вот секрет исцелений.

— Можете тащить назад,— как-то недобро и хрипло начал беседу доктор, когда Михаил тяжело спрыгнул в окоп.

— Какого?! — ползущий за Михаилом сержант Мамедов юмора не любил и шуток не понимал. Было подозрение, что на подмогу он вызвался, потому что надеялся разжиться спиртом — очень уж любил это дело. Но мужик был хороший. Выручал.

— Такого! — доктор поднял обе руки. Вернее, то, что от них осталось. Две замотанные бинтами культы. Белесые ресницы часто захлопали.— Да... Оторвало пальцы-то... Большой вот, видишь, остался! А Сафронова убило. Я теперь без помощника. Да и сам я... больше не доктор...

Одна культя у доктора кровила. Рыжий перехватил взгляд Михаила и просто сказал:

— Зубами заматывал...

— Куда назад-то?! — в полный голос огрызнулся Мамедов и потянул Мелешко за подмышки.

Выстрел был какой-то нестрашный, привычный. Оба бойца рухнули на Михаила, и он удивился, чего они так нервничают? Потом что-то горячее начало заливать ему спину, и Михаил задергался.

— Товарищ сержант! Таир!

Выбраться из-под тел и перевернуть сержанта на спину было делом мгновения. Мамедов не дышал. Михаил, словно в замедленной съемке, обернулся к доктору.

— Что?! — возмутился врач. И снова поднял обрубки.— Сердце... пульс проверь!

Михаил приставил пальцы к горлу.

— Не-а.

— Клиническая смерть. Качай!

— Что?

— Руки на грудь. Правша? Сначала левую, потом правую. Прямо руки, не сгибай! Дави, отпускай! Чаше. Еще чаще! Да чаще же!!!

Михаил давил и отпускал. Давил и отпускал. Ему казалось, что сломал сержанту все ребра, но он не останавливался. И не сразу понял, что доктор окликал его уже несколько раз.

— Да прекрати ты! За ящиком фонарь. Бери! Теперь накройся шинелью. Свети ему в глаз!

Пальцы у Михаила были в земле, но он растянул Мамедову веки и заглянул внутрь.

- Что видишь?
- Глаз! — злой ответ выскочил сам собой.
- Угу. Сожми ему глазное яблоко. Зрачок как у кота? Узкий?
- Да!
- Все. Вылезай. Кончился твой сержант.

* * *

В 1945 году Михаил неожиданно для себя оказался членом партии и Победу встретил за Кенигсбергом командиром отделения в звании старшего сержанта. Однако родина решила, что он отдал свой долг еще не сполна и отправила его участвовать в прорыве Маньчжуро-Чжэлайнурского и Холун-Аршанского укрепленных районов японцев. Так что Михаилу пришлось форсировать горный хребет Большой Хинган, преодолевать безводные степи Монголии и освобождать Маньчжурию. Долгожданная демобилизация пришла лишь 9 сентября 1946 года, а домой он попал к концу месяца с медалями за победу над Германией, за победу над Японией, за взятие Кенигсберга и пятком благодарностей от Верховного Главнокомандующего. Как пошел в школу старший сын Вовка, Михаил пропустил, как и самое интересное время обоих детей.

В 1943 году, как только от немцев освободили Киев, советская власть начала восстановление важных объектов и расчистку завалов. Для приведения в первоначальный вид главной улицы даже создали отдельную организацию Крещатикстрой. К работам привлекалось по десять тысяч человек в день. Двести пятьдесят тысяч оставшихся в столице УССР жителей снова превратились в полмиллиона киевлян. Когда Михаил вернулся домой, на Крещатике уже лежал асфальт и росли деревья.

Неприятное выяснилось, когда Михаил пришел на тренировку. Обнаружилось, что он перестал понимать, что такое спорт. Еще до команды рефери, не сделав ни одного броска, просто стоя напротив противника, Михаил начинал потеть, голова принималась дергаться в тиках, а после поединка он долго не мог расцепить зубы или начинал заикаться.

— Как Куба Богу, так и Бог Кубе, — после очередной изматывающей и раздражающей тренировки непонятно сказал Михаил товарищам, собрал сумку и больше в клуб не возвращался.

Михаил никогда не спрашивал, кто помог Валентине и детям выжить в эту войну. Он не рассказывал о войне, она — как пережила оккупацию. Лишь однажды вспомнила историю о немецких порядках, свидетельницей которых оказалась. В трамвае в карман к тетке залез карманный вор, шустрый мужичонка лет сорока. Глазастый, хромой дедок это заметил и поднял шум. Воришку схватили за шиворот. На шум с передней площадки протиснулся немецкий офицер, задал вопрос, остановил трамвай, вывел мужичка, достал пистолет и застрелил того на глазах у всех. Затем вернулся в трамвай, и все поехали дальше.

Михаил на историю никак не отреагировал, пожал плечами.

Не считая того, что год назад Вовка, играя на недалеких развалинах, сломал руку, и теперь она до конца не разгибалась, все были живы и здоровы, да и ладно.

Когда возле Дома культуры автотранспортников имени Фрунзе расширяли дорогу и спилили несколько старых лип, Михаил по частям перетаскал стволы в их квартиру в Белом Доме, заволок чурбаны на чердак и замазал торцы воском.

Пока дерево сохло, Михаил бродил по рынкам, подбирая себе нужный инструмент, а затем принялся резать, строгать и пилить, мастера простые и нужные приспособы: ложки, миски, ковши, даже бочонки — еще на войне подсмотрел за сослуживцем, который таким образом развлекал себя в окопах и на привалах, а потом распрощал из любопытства.

Чуть позже сюда же добавились разделочные доски для хлеба, круглые — для мяса, хлебницы. Несколько раз вместе с Вовкой и Наткой, Михаил собирал скворечники.

С чердака он почти не слезал, да и из дома выходил редко.

«Насмотрелся я на людей», — говорил. Да так и мастерил своих «буратин», как называла его поделки Валентина, пока внезапно не преставился в 1953 году, через пару недель после смерти Сталина. Непонятно, от горя или от радости...

И Валентина снова осталась наедине с проблемами и двумя подростками в их самом непростом возрасте.

* * *

Как-то наводя порядок в полированном шифоньере, Валентина достала коробку из толстого картона. В коробке хранились вещи Михаила: военный билет, несколько армейских фотографий, медали...

Володя, скучно бродивший по комнате, принялся молчаливо перебирать документы и обнаружил в той же коробке удивительную вещицу, завернутую в тряпку: блестящую музыкальную заводную бензиновую зажигалку с какими-то расчудесными металлическими барельефами по бокам. У зажигалки сбоку был вентилек завода. Если его покрутить, механизм играл Моцарта...

На вопрос, «что это?», Валентина ответила скупко «трофей с войны» и аккуратно зажигалку у Володи из рук вынула.

Зажигалки всегда были дефицитом, вещью статусной, непростой. Все обычные люди пользовались спичками в деревянных коробках.

— Трофей?! Тогда почему ты его прячешь?

Мама не ответила.

— Можно пацанам похвастать?

Валентина мотнула головой и принялась заматывать зажигалку в тряпицу. Больше Володя ее никогда не видел, но еще некоторое время пытался понять, почему у какого-то там фашистского солдата была невероятная музыкальная зажигалка, которой он мог открыто пользоваться, а отец — победитель — должен был прятать ее в шкафу... Понял лишь много позже.

ГЛАВА 12. ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО

— Алло, Олеся, м-м-м, простите, Леся, добрый вечер! Мы все посмотрели. Жалко, не очень хорошее качество снимка. И жаль, что не сохранилось конверта, мы бы могли выяснить, откуда отправлено письмо. Я могу предположить,

что написано оно на листке, выданном из журнала учета трудодней. Похожие были в советских колхозах. Если вы посмотрите, там красные поля справа и повторяющаяся дважды разлиновка по семь малых и одной большой клетке.

Леся залезла с ногами в кресло и сдвинула настольную лампу, которой было прижато письмо.

Здравствуй, дорогая Валя!

Шлю свой сердечный привет и наилучшие пожелания в твоей жизни.

Валя, вчера я получил от тебя письмо, которое надеялся получить уже давно, и вот спешу с ответом.

Хотя мне уже особо писать нечего, я уже отписал тебе два дня тому, в ответ на твою открытку, которую ты отправляла еще в Новый год.

Очень надеюсь, что больше не повторится подобного длительного молчания, и ты аккуратно будешь писать, ведь осталось недолго. Не за горами тот день, когда мы вместе отпразднуем Победу и наметим дальнейшие вехи нашей жизни.

Валя, ты пишешь, что тебя сейчас не узнать, напиши, почему. Или ты потолстела, или выросла в своих знаниях, или просто сильно устала?

Верно, время прошло порядочно, меня тоже ты не узнаешь, я постарел и стал весь грязный и морщинистый.

Еще ты написала, что мои письма читаешь не одна. Кто-то из твоих приехал из Харькова? Или ты читаешь вслух детям? Ты ничего не написала про детей! Как они там? Понимаю, что уже совсем не такие маленькие, как я их запомнил, но другими их не представляю.

Ну, вот на этом пока заканчиваю и жду твоих писем, Валечка, пиши, что нового в городе, и о вашей жизни.

Передавай привет Николаю Иосифовичу, если вы видите. Как он освоился без ноги?

Как здоровье Вовки с Наткой, не болят ли? И вообще, пиши обо всех, кого я знаю.

Тут все пока по-прежнему, без изменений, погода стоит не плохая и не хорошая, грязно. Сегодня опять пошел небольшой снег.

Все. Жду писем, пиши чаще.

Пока до свидания.

Много раз целую. Твой Михаил.

6/IV 44 г.

Как же Лесе нравились эти палочки над буквой «т» и под буквой «ш», что-то было в них такое милое, показывающее, что автор уважает корреспондента и находит время, чтобы расставить все закорючки, как надо.

— Я про прадеда до вас ничего не знала. Да и про прабабку тоже. Вы не нашли ее девичью фамилию? Бабушкину-то я знаю.

— Пока еще нет. Леся, скажите, у вас не сохранились удостоверения к медалям или, может быть, сами медали? Они бы помогли уточнить некоторые моменты.

— Мне кажется, что-то такое было... Я поищу.

Леся взяла со стола мамины очки с толстыми линзами и дурацкой пластиковой оправой. Зачем они до сих пор здесь... Выкинуть!

- Спасибо! Вы не созрели на Макса?
- Что? На кого?
- Сфотографировать на профессиональную камеру. Или отсканировать...
- А... Простите... Я пока никого не хотела бы пускать в свой дом.
- Я поняла. А в ЖК вы ходили? По поводу выселения?
- Мне нужно время. Еще раз извините. Я собиралась ложиться спать...
- Ладно. Я пока изучаю дальше. Перезвоните, если что-то найдете, хорошо?
- Да, спокойной ночи!

Спать... Уснуть никак не получалось. И Леся вспомнила, как мама в детстве прогоняла ее от телевизора в кровать. Леся приходила, снимала покрывало, садилась на краешек и замирала. Потому что бр-р-р-р... Сейчас ей придется залезть под одеяло! А там... холодно! Леся вздыхала. Потом еще раз вздыхала. А потом быстро-быстро снимала платье, носки и ныряла под белое, хрустящее. Прямо с головой... И кожа немедленно покрывалась пупырышками...

Вот елки! Свет-то выключить забыла. И Леся кричала, не высовывая головы из «домика»:

— Ма-а-а-ам!

А мама уже знала, что к чему, не в первый же раз. Она приоткрывала дверь, просовывала руку, щелкала выключателем и желала Лесе спокойной ночи.

— Приятного сна, — отвечала Леся глухо изнутри.

Это еще с самого маленького детства было как пароль и отзыв. Леся даже долго была уверена, что никак иначе на «спокойной ночи» отвечать нельзя, только «приятного сна».

...Леся лежала, сжавшись как можно плотнее в комочек, и «надыхивала» под одеяло теплого воздуха.

Потом дышать становилось нечем, и она высовывала наружу нос. Только нос. В ма-а-а-аленькую щелку. И это было даже здорово. Всему телу тепло, а носу — свежо...

Постепенно Леся согревала своим теплом всю постель, да и скрюченной лежать уставала, и она вытягивалась в струнку, подпихивая под себя со всех сторон одеяло. Плотно-плотно, как у мумии. Чтоб ни граммочки холодного воздуха не пролезло...

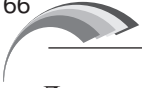
И становилось хорошо... И она засыпала...

Вот и сейчас...

ГЛАВА 13. ФОТОГРАФ

- А можно мне?
- Нет!
- Тогда я маме расска...

Волея посмотрел так, что Натка оборвала сама себя и смущенно опустила глаза. Сколько себя помнила, она всегда и всюду таскалась за братом. Вместе с ним она стреляла из самодельных луков, лазила по деревьям, кидалась камнями и взрывала патроны в костре. Его друзья были ее друзьями, его правила — ее правилами. Она отлично усвоила все пацанские принципы про предательство и стукачей.

Детьми они катались на хлебозавод, чтобы прямо с машины «покупать» у грузчиков еще горячие кирпичи серого хлеба. На самом деле, действительно покупал лишь один из них, еще парочка в это время успевала стянуть батон-другой. Воровать еду было не стыдно, даже престижно, а сдавать своих — позор. Возможно, потому что еще совсем недавно из сладостей у большинства были лишь черные ягодки паслена да цветки акации, фрукты многие видели лишь на картинках, но все помнили вкус лепешек, испеченных из каштанов.

Сегодня они, тайком от матери, с толпой приятелей приехали смотреть на первый в мире цельносварной мост имени Патона, проголодались и заскочили в универмаг.

В магазине справа от продавщицы на коричневом подносе стоял огромный черный полупрозрачный куб мармелада. Тетка в белом чепчике здоровенным ножом отрезала от сладкого кирпича тонкие пласты, заворачивала их в коричневый картон и взвешивала. За теткой висела и медленно крутилась липкая бумага — ловушка для мух. Слева от продавщицы стояли два стеклянных тубуса с соками, в одном был яблочный, а в другом — томатный. Тут же стояла плошка с солью и стаканчик с водой, где ложечку можно было ополоснуть.

— Пачку вафель, — заказал Пашка Порошин.

Конечно, можно было купить булку черного за рубль, хватило бы на всех, но Пашка не то решил сэкономить, не то хотел сладкого.

— Ты неправильно вафлю ешь. Смотри, как надо! — Пашка поддел и аккуратно снял верхний сухой слой вафли. Затем с нижнего слоя зубами соскреб крем с отпечатавшимися на нем квадратиками. После с хрустом слопал заранее снятый вафельный листок. И, только закончив, уже без особых церемоний срубал все, что осталось.

Все по-обезьяньи принялись повторять.

На выходе из универмага Пашка достал из глубокого кармана явно стибренные где-то папиросы, и теперь ребята затягивались и кашляли, а Натка морщилась от дыма.

— Слышал, что Губарь чешет? Говорит, в Сырецкой роще детскую железную дорогу запустили. Там все, как настоящее, только уменьшенное под шпану.

— Да брехня! Никто не будет на такое деньги тратить! Трамвай на левый берег — это да, это полезно, а то — игрушки.

— Точно говорит, он с отчимом ездил. Тот его все задабривает.

— Губарь — дурак, что злится. Лучше такой батя, чем никакого. Скажи, Вовка?!

Из всей пацанвы живой отец был только у Вовки с Наткой.

— Ясно — лошадь, раз рога! Отец любой хорош...

— А у Губаря — он вообще майор.

Несмотря на то, что лет после войны уже прошло прилично, культ военных у дворовой шпаны был очень крепок. Хотя сам Володя не был уверен, что майор — это хорошо. Отец говорил очень редко, поэтому все произнесенное приобретало тройную цену. Как-то за ужином мама постаралась заохотить Вовку к учебе:

— Плох тот солдат, что не хочет стать генералом!

На что отец неожиданно перестал хлебать борщ и длинно посмотрел на мать. Затем опустил глаза.

— Все, кто старше майора, — суки! — выдавил, отломил себе хлеба и продолжил махать ложкой.

Володя навсегда запомнил.

Интересный он был, отец. Никогда не показывал, нравится ему что-то в поведении сына или нет. Никогда не лез ни с нотациями, ни с нравоучениями. О его любви Вовка догадывался лишь по тому, что чем бы отец не был занят, стоило Вовке задать вопрос, батя откладывал все дела и принимался объяснять. Объяснял всегда неспешно, вдумчиво и подробно.

Володя помнил лишь три раза, когда отец взялся учить его чему-то самостоятельно. Два раза, когда Вовка стоял с наполненным углем утюгом: сначала учил гладить рубаху — сперва воротник, затем рукава с манжетами, после передние полочки и последней — спину. В другой раз показывал, как нужно делать стрелки на брюках: сначала сложить брючины между собой, выстроив все швы на гачах в единую линию, потом смочить тряпку — кусок бывшей простыни — в кастрюле с уксусной водой, положить ее сверху штанины и прошипеть во всю длину утюгом. Сперва обе штанины вместе, затем по отдельности, а после — перевернуть и еще раз, с обратной стороны.

Как-то Вовка видел, как свои брюки папка с внутренней стороны по стрелке еще натирал мылом. Непонятно, для чего. А еще подправлял стрелки расческой, когда было лень растапливать буржуйку.

Обычно батя правил ножи на кожаном ремне, а тут откуда-то приволок точильный брусок и принялся делиться умением: одну сторону лезвия нужно вести по камню под небольшим углом вперед и влево, словно собираешься воткнуть острое в кого-то, кто стоит сбоку, а обратной стороной необходимо тянуть к себе и вправо, словно вытираешь кровь.

Вовка попробовал несколько раз, отец положил поверх его руки свою огромную ладонь, немножко подкорректировал угол и плотнее прижал лезвие к правилу. Сам он всю заточку делал, словно бесконечно повторяя единое безостановочное движение, красиво и завораживающе.

Какие отношения были у отца с Наткой, Вовка не сильно понимал. Точно, еще более молчаливые, чем с ним. Порой ему казалось даже, что батя сеструху боится. Но это же было невозможно?..

В любом случае, теперь Володя очень скучал по отцу. И злился. Не потому, что в 13 лет ему пришлось брать ответственность за всю семью на себя. Просто очень не хватало ощущения молчаливой, так сказать фоновой поддержки. Батя никогда не вмешивался, но всегда внимательно наблюдал и был готов подхватить, если что. Теперь приходилось подхватывать себя самому. А заодно — Натку. Да и маму, поскольку что-то сильно она устаёт на своих вечеровках.

* * *

Год назад два соседних помещения третьего этажа — кассы заводоуправления и «Стройгидромеханизацию» — куда-то выселили, комнаты объединили и выбили проем на лестничную площадку. Никакой вывески на новенькую дверь так и не повесили, но теперь по черной лестнице стали подниматься не только Родионовы, но еще и невзрачный толстячок с одесским акцентом. Гости к нему не ходили, чем он занимался было не ясно, все общение ограничивалось

коротким «здрaсте». Впрочем, как-то раз толстячок к ним заявился, приподнял помятую шляпу, представился как Либерзон и попросил нитку с иглой, хихикая пояснив, что «бруки пошли по шву».

Пару месяцев назад, во время ужина, толстячок объявился снова. Дверь открыла мать, но так как она долго не возвращалась, к ней, стоявшей в чуть приоткрытой двери, присоединился и Володя. Толстячок как раз закончил длинную вводную и перешел к просьбе поливать диффенбахию, поскольку он на некоторое время уезжает, а больше в Киеве он никому не верит. Врал, как дышал, но мать повелась и согласилась. Выслушала еще вводные о ядовитости растения, особом уходе за ним, приняла ключ и распрощалась.

Толстячок больше не вернулся.

В августе обнаружилось, что школы снова стали совместными. Мать сначала обрадовалась: Натка теперь могла больше не мотаться к снарядному заводу, а ходить с Володей в одну школу или, если получится, даже в один класс. Декабрьский Володя и сентябрьская Наталка только по метрикам имели год разницы, а на самом деле были вполне ровесники. Да и училась Натка не в пример лучше. Например, если Володе приходилось заучивать стихи, бродя по комнате и наговаривая вслух, то Натка, после пары прослушиваний Вовкиного бубнежа, готова была прочесть все строки наизусть.

Однако после начала учебы мать заперевживала и даже как-то озвучила свои страхи вслух — что сейчас в школах так начнут дружить, что им придется подавать на размен, потому что дети Вовки и Натки в этой квартире не поместятся.

Володя какое-то время подумал, а потом в одиночку за день кувалдой пробил дыру в помещение Либерзона, а его внешнюю дверь вынул и замуровал. И всю подъездную стену выкрасил в зеленый.

В помещении одессита, кроме желтоватой полированной мебели: шкафов с пустыми папками, трехстворчатого трюмо да огромного пятнистого цветка, ничего не было. Да на стене еще висели два портрета: Сталина и Берии, хотя один уже умер, а другого расстреляли в прошлом году за измену Родине.

В ответ на материны крики, что он идиот и теперь у них отберут все, что есть, Володя сказал коротко: «Наше!», проследовал с маленькой лейкой в половину Либерзона, поднял руку до уровня головы и с этой высоты полил цветок, разбрызгивая капли с комочками земли на пол.

Мать махнула рукой и принялась отмывать обе квартиры от белого налета да ждать гостей в форме. На всякий случай, всем семейством договорились, чтобы в звонок нажимать трижды, хотя это вряд ли бы от чего спасло. Но так потом и повелось на много лет: «333-333-333» — значит «свои».

Никто из чужих так никогда и не пришел.

Так весь третий этаж Белого Дома снова стал родионовским.

* * *

— Володя, опусти ногу вниз! Ты за столом!

— Мама, ну так удобней!

— Опустит! Ты пережимаешь себе желудок. И спина кривая. Вон, посмотри, как Наталья сидит.

— Ну и что!

— И лоб рукой не подпирай. Сядь ровно!

Мама поставила перед братом с сестрой по тарелке жареной картошки с хрустящими боками, положила тяжелые вилки. Володя встал, шагнул к пузатому холодильнику, внутри которого стояла открытая трехлитровая банка соленых огурцов с красиво плавающими листьями хрена и укропа. Достал стеклянный аквариум с летним огуречным приветом и аккуратно через горлышко отлил рассол в блюдо с картошкой. Затем взял вилку и принялся разминать одно в другом, чтобы получить теплую солоноватую кашичу.

Наталка скривилась и фыркнула, а мама обернулась от плиты.

— Володя! Опять намесил что попало!!!

— Ну вкусно же!

— Опусть ногу!

— Ай!

После обеда Володя заявил, что в восьмой класс не пойдет. Мать вскинулась, приволокла газету, принялась доказывать, что учиться обязательно надо, ведь вон столько новых академических институтов открылось.

— Смотри, Вовка, металлофизика, металлокерамика и спецсплавы, автоматика, геронтология, химия полимеров и мономеров, литейное производство, геофизика, полупроводники...

— Ма-а-ам...

— Что? Ну на любой вкус же! А за пару последних лет в школе еще пооткрывается!

— Мам... За старшую школу платить двести рублей в год, институт четыреста... Тебе сколько работать?

— Ну и что! Вытяну!

— И по ночам работать будешь? Пусть Натка учится! Девчонкам надо. А я на ФЗО пойду или в ремеслуху. Там питание, обмундирование, учебники...

— Там казарма, Володя! Миша... был бы против...

— Папы больше нет...

Мать знала, когда Вовка говорит таким тоном,— все, уперся, не переубедишь.

— Пожалуйста, подумай еще...

— Или на завод...

Натка только хлопала глазами и переводила взгляд с одного на другого.

* * *

За месяц до прихода немцев, в августе 1941 года, когда Вовке было всего три, все оборудование завода «Арсенал» на 36-ти эшелонах эвакуировали в Саратовскую область, а с ним почти всех рабочих и служащих. И как-то так случилось, что после Победы ни станочный парк, ни остальное оборудование назад не вернулось. Вместо этого на завод из Германии привезли приборы немецкой фирмы «Карл Цейсс», и все перепрофилировали на выпуск оптико-механической продукции.

Знакомый матери Степан Васильевич Головцын, или попросту дядя Степа, оказался целым заместителем начальника в фотоцехе № 10 этого завода. Туда Вовка после ремесленного училища по блату и устроился, и буквально за месяц приучился заваривать чай, бросая черную мешанину прямо

в пол-литровую банку сразу после того, как вынимал из нее кипятыльник. С тех пор по-другому пить этот крепкий напиток не мог, чай из заварника называл просто: «Псяки».

Руководить Вовкой поставили интернированного немца Карла Шульца — двухметрового детину в смешных круглых очочках, который в Германии ходил в инженерах, а здесь, за столько лет, поднялся всего лишь до мастера, да и то неофициально. Официально он так и числился на рабочей специальности. Говорить без акцента Шульц не научился, по-прежнему был чрезмерно вежлив, спокоен, но как-то раз Володя слышал, как тот матерился. Это было очень красиво!

Несмотря на то, что в своем кругу Карла называли фрицем, относились к нему вполне неплохо, как к своему. И только Степан Васильевич каждый раз презрительно цыкал через зуб.

— Дядь Степан, почему ты его так не любишь? — как-то осмелился спросить Вовка.

Степан Васильевич неспешно поднял голову, внимательно посмотрел на него поверх очков, словно на дикаря, не понимающего элементарнейших вещей. Затем пригладил пятерней торчащий на затылке седой хохолок, выключил лампу, вздохнул и сказал:

— Ну, пойдем покурим.

Уже во дворе он продолжил:

— Думаешь, потому что фриц? Нет! Потому что интеллигент! А ни одному интеллигенту доверять нельзя! — голос у Головцына был с той хрипотцой, которая часто завораживает женщин. Он отодвинул с угла стола нарды, постучал папироской по столешнице, дунул в гильзу и прикурил.

— Почему?! — Вовка внезапно понял, что ему немного обидно. Он еще не определился, к кому себя относить, к работягам или интеллигентам...

— Потому что с интеллигентом никогда нельзя быть уверенным, что он доведет дело до конца. Понимаешь?! Они все, с..., сомневаются! Диалектика у них! Философия! Вот возьми Шубина. Когда говорит — красавец! Шикарно говорит! Правильные вещи! Верит в них! А народ — в него. Проходит пара месяцев и что?!

— Что?!

— Книжечку новую почитал, подумал, и, с..., в новую идею поверил! Тоже в правильную. А с этой куда?! Ты же сейчас опять убеждать начнешь! У мужиков же мозги с ушей повылезут! Простые у нас мужики-то!

— Дядь Степан, но ты ж тоже интеллигенция! У тебя же два высших! Ты же в технаре преподавал!

— Ты, Володя, не путай! Интеллигента знаешь, что отличает? Он прямо не думает! У него мысль всегда идет через... не поймешь, как. Не кратчайшим путем — от точки до точки, а какими-то курвами, кривыми то есть! Мужик — ведь что? Он если во что-то поверил, то до конца пойдет, его чтобы с пути сбить — переломать надо. А этим очкарикам? Мыслью новую подкинул, и все! Все! Они сами себя собьют! А что если?! А вдруг! А может, и правда? Тьфу, одним словом... — Головцын щелчком сбил со штанины пепел и принялся неспешно потягивать папироску, периодически сплевывая.

Володя уже собирался в задумчивости уходить, когда Степан Васильевич вновь ожил.

— Мне как-то тетя Нюра — уборщица наша — говорит: «Нет хуже, убирать за интеллигентами...» Я удивился, пытаю, почему. А она объясняет: «Работяга покурил, бычок бросил на пол и ушел. Я его подмела, и все дела. А интеллигент что? Он окурочок норовит в какую-нибудь щель засунуть, за батарею, под подоконник, будто ему за что-то стыдно. А мне потом выколупывай». Я долго потом думал. И понял, что и с мозгами все так же. У рабочих, мастеровых все проблемы — вот они, на виду. Их и копать не надо. Показал, где кочка, так он сам же ее и скovyрнет. А интеллигент свои переживания, размышления, беды в такие глубины запикивает, что выколупать их оттуда невозможно. Он ходит потом сам не свой, неясно, что ему надо.

* * *

Первым фотоаппаратом, который оказался в руках Володи, был «Киев-III» — точная копия немецкого «Contax». Карл Шульц пытался что-то рассказать ему о встроенном несопряженном экспонометре на основе селенового фотоэлемента, но Володя думал лишь о том, где достать фотопленку формата 120, чтобы попробовать поснимать.

Нужные пленки нашлись в лаборатории. Первый кадр был потрачен на Пашку Порошина, которого Володя не так давно перетянул на завод на смешную должность «помощник лаборанта».

После работы Вовка с Пашкой спустились к Днепру, удивленно наблюдая, как на асфальт наносят непонятную разметку — «зебру». Тут Володя принялся снимать набережную, а затем, по пути пешком к Сталинке, исшелкал всю остальную пленку.

После этого Володя фотографировал и не мог остановиться. Открытие метро, рабочих фотоцеха, Белый Дом, Музей Ленина, площадь Калинина, — ему было без разницы: снимать людей, цветы или здания. Одним нажатием кнопки переносить реальность на ленту черно-белой пленки — в этом было какое-то чудо...

* * *

— Вовка, Митя говорит, в «Коммунаре» «Алешкина любовь» идет. Поехали с нами? — закричала Наталья из своей комнаты.

После короткой паузы Володя услышал несколько обиженный шепот Шагалова.

— Наталья, я вообще-то приглашал только тебя.

— Ого! — весело расхохоталась Натка, — Так это свидание?

— Ну, давай считать так...

Шагалов появился в их дома внезапно. Холеный блондин, сын первого секретаря Дарницкого райкома, он абсолютно не имел чувства юмора, чем беспрестанно заставлял Наталью хохотать. Дмитрий не понимал полунамеков, которыми беспрестанно перебрасывались брат с сестрой, плохо реагировал на шутки и, похоже, очень сильно завидовал той душевной близости, которая порой позволяла Володе с Наткой чувствовать себя единым существом. Их прежние детские драки и ругань переплавились в понимание друг друга с полуслова. Митю отчего-то это крайне злило, что было лишним поводом для шуток между братом и сестрой.

В марте 1961 года, вскоре после того, как закрыли Киево-Печерскую лавру, в Киеве произошел жуткий потоп. Из-за замыва Бабьего Яра прорвало дамбу, и разжиженный грунт затопил огромную территорию. По слухам, погибло две тысячи человек.

15 марта, благодаря отцовским связям, Шагалова назначили вторым лицом администрации в разрастающийся городок Желтые Воды. Дмитрий, который старался игнорировать Володю, но всеми силами пытался понравиться матери, наплевал на то, что Киев погружен в траур, отвез Наталью и Валентину Матвеевну в новый ресторан на проспекте 40-летия Октября, где за ужином сделал Наталье предложение.

Через неделю, после какой-то скомканной и сумбурной свадьбы, от которой у Володи осталось буквально несколько фотографий, Шагалов увез Наталью из Белого Дома. И, судя по всему, делал все возможное, чтобы в нем она появлялась как можно реже. Лишняя площадь, предназначенная матерью для внуков, оказалась действительно лишней.

Володя решил, что справится с этой задачей самостоятельно.

* * *

- Ты у меня гений!
- Нет, мам, просто талант!
- Это одно и то же!
- Лидия Эмильевна говорит, что нет.
- В чем же разница? — мама усмехнулась.

Полгода назад Володя привел в Белый Дом чету Шульцев — Карла Рудольфовича и его молодую жену, тоже немку, но во втором поколении — Лидию Эмильевну, школьную преподавательницу.

— Лидия Эмильевна считает, что талантливый человек — он многое делает лучше других, лучше большинства. Этим изменяет свое окружение, помогает ему стремиться к большему, ставить высокие, но достижимые цели...

— А гений?

— А гений — он делает что-то одно настолько превосходно, что кажется недостижимым. Он заставляет меняться весь мир. Он воздействует на все человечество! Как Пушкин, как Рождественский, как Ленин!

— На самом деле, сынок, это неважно. Важно, что я тебя люблю любим. А про фотографирование я тебе скажу так: любящая женщина, неважно, мама или жена, смотрит на мир твоими глазами. Постарайся наполнять свой взор приятными и красивыми вещами. От этого зависит, какие кирпичи станет подавать тебе любимая, когда ты будешь строить Мир.

Володины фотографии, развешанные в сентябре в холле завода, недавно увидела приезжавшая к ним комиссия, все остановились и долго разглядывали черно-белый Киев, лица рабочих, природу. Вскоре после этого все работы собрали и куда-то спешно увезли, Володя об этом даже не знал.

А два дня назад, в понедельник, Шульц сообщил, что экспозиция Володиных фотографий размещена на Владимирской — в музее Ленина, чем поверг Володю сначала в восторженный шок, а затем в меланхолию. Володя боялся, что излишнее внимание власти не даст ему возможности и дальше заниматься свободным творчеством.

Примерно так и получилось.

* * *

Народная мудрость, что сын выбирает невесту, похожую на мать, промазала. Во всяком случае, Инга была невысокой, пухленькой и темноволосой в отличие от высокой худощавой блондинки — Володиной мамы. И с ямочками на щеках.

Инга в семью вошла очень легко, мягко и светло. Две хозяйки на кухне, во всяком случае при Володе, не заспорили ни разу.

Было у Инги невероятное качество: моментально в любом пространстве, где она пребывает, создавать уют и комфорт, окружать всех, кто рядом, заботой. Это касалось любого существа поблизости: будь то муж, свекровь, подобранный котенок, случайный гость или даже почтальонша.

Обычно такого умения достигают, прожив более полувека, а здесь оно оказалось врожденным или очень качественно возвращенным.

Как-то на несколько ревнивое бурчание Володи, что Инга готова оберегать весь мир, та ответила очень просто и неожиданно:

— Моя забота — те, кто рядом. Кого вижу, тому помогаю, о том и забочусь. Если ушло из глаз, значит, в состоянии само о себе подумать. Уже не мое дело.

И действительно, если Инга находилась в комнате, она обихаживала тех, кто внутри, если выходила на балкончик, ее заботой становился весь двор: соседские дети, пьяненький дворник, копающийся в движке конторского ЯАЗа дядя Миша Голиков. Поэтому на стадион Володя старался ее не брать. Мало ли...

ГЛАВА 14. ПЕТРО

— Алло, Александра, добрый вечер! Я хотела рассказать... У нас в прихожей много-много лет, пожалуй, сколько я себя помню, висит фотография моего дома под стеклом. Желтая уже вся. На ней за колоннами еще виден парк и соседская деревянная хата справа, вместо нынешних высоток. Да, в рамке, ну-у-у-у, не знаю, — Леся выглянула в коридор, — А 4, наверное. Глаз к ней настолько привык, что я ее давно не замечаю. А тут затеяла небольшую перестановку, и когда вешалку отодвигала, зацепила. Подумала, наверное, есть не очень много изображений моего дома, вдруг вам пригодится...

По подоконнику снова забарабанил дождь. Четвертый день серости и мокроты...

— Что?.. Да! Наверное... Сейчас посмотрю. Представляете, есть. Тут написано «В. М. Родинов, 1962». Шестьдесят второй, это значит мой дед — Владимир Михайлович. Он умер в 2000, мне лет четырнадцать было. Я помню, мама говорила подойти с ним попрощаться. А как прощаться? Ну, я за ноги потрогала — холодные. Так и попрощалась.

Леся посмотрела на кровать, где еще так недавно лежала сама мама, и закрыла глаза.

— Что? Альбомы... А вы знаете, были, много! Я в детстве их часто листала подолгу, там людей почти не было, виды в основном, мне нравилось. Я и забыла уже... Я поищу, хорошо... Он умер, ему шестьдесят два, по-моему, было, значит в тридцать восьмом... День рождения?.. Помню. 24 декабря, на католическое рождество. Поможет?.. Да, я поняла, поищу...

ГЛАВА 15. ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ

— Я тебе как немножко гешафтсман скажу. Тебе нужно открывать в этом доме фотоателье, делать коммерческое фото. На первом этаже, где три заколоченных окна.

Шульц был уже трошечки пьяненький и, как всегда, начал подменять отдельные слова немецкими. Инга с Лидией и мамой о чем-то негромко переговаривались в соседней комнате под бубнящий телевизор, а Володя с Карлом доедали рыбный пирог. Ну, как доедали... Шульц заявил, что на тарелке такое оставлять нельзя, и резво принялся, однако теперь откусывать забывал, а подливать — нет.

Володя уже год, как ушел с «Арсенала». Теперь он снимал репортажи про успехи производства, масштабные строительства и героику труда, параллельно успевал делать портреты для журнала «Новини кіноекрана» и даже создал два киевских фотоочерка для столичного журнала «Огонек». Командированный московский редактор, который отбирал фото, долго нудел что-то про фотожурналистику как компонент политической структуры общества, а потом неожиданно спросил, в какой ресторан в Киеве лучше сходить...

— Карл, ну какое коммерческое фото? Мы же не буржуи!

— Я сейчас говорю серьезно! Тебе нужно вспомнить... Хрущев говорил, что трудиться и жить по-коммунистически — это неуклонно повышать благосостояние советских людей. А кто его повысит, если не ты сам?! Ты самый советский человек.

Карл икнул и посмотрел на Володю неожиданно трезвым взглядом.

— Ты, Владимир, художник. Тебе нужно реализовывать сам себя. Тебе нужно оставлять след. Человек, он, знаешь, он как созревший... *der Riesenbovist...* э-э-э... гриб-дождевик. Топнешь ногой, и все! — гриба нет, осталось только облачко. Но это облачко — это самое важное! Это споры! Вот! — Карл назидательно поднял палец. — После людей, от их действий, тоже остаются только споры. Эти споры оседают на окружающих и прорастают в них. Это могут быть свет... свет... золотистые споры, а могут быть черные. Черные — плохо. Но свою роль сыграют и те, и другие... Твои работы — они очень светлые. Ты видишь, как художник!

Володя еле заметно покачал головой, понимая, что посиделки пора заканчивать.

— Вот мне нравится снимать на приближении. Только так удается запечатлеть, что редко попадает в поле зрения. Проявляется красота и необычность привычных вещей. Но каждый раз, когда я делаю виды города, мне немножко стыдно... Потому что мой пейзаж — закат, осенние деревья, городской парк — его видят все. Увидел и я. Но у меня был фотоаппарат, — Шульц очень забавно выговаривал «р», — поэтому я сделал, как это, стоп реальности. Я просто арбайтен алс айн верзуг, поработал как инструмент, нажиматель пальцем для камеры. В этом нет никакой заслуги. Я не творец, я — функция. А вот ты — художник. Где тысячи, не глядя, проходят мимо, ты замечаешь новое, ты видишь так, как другие не обнаруживают... Новые смыслы у привычного — это отличает мастера.

В этот момент Володя отчего-то вспомнил, как сильно отличается его восприятие мира, когда он выходит из дома с фотоаппаратом и без него. Стоит

на плече повиснуть жетскому кожанному кофру, как взгляд превращался в прицел и все время выискивал ракурсы, перспективы, объекты, повороты голов. Может быть, Шульц был и прав...

— Ты когда-то вел тагебух? Дневник. Ну, банальные повествовательные жизнеописания. Я сегодня шел, я увидел, он заплакал... Вот я! Я пишу плоский дневник! А ты — многослойную, интересную книгу!

Карл снова налил, выпил, помотал головой и вдруг аж подскочил. Резко схватил Володю за руку и зашептал:

— А хочешь, хочешь, я буду отправлять твои работы в дойче цайтшрифт... журнал! Я когда-то знал издатель «Штерн», тебе будут платить маркой... марками. Я знаю, как это все можно организовывать...

Карл не на шутку завелся и так двинул рукой, что нечаянно опрокинул пустую рюмку и смахнул на пол вилку.

— Лида! — позвал Володя, — Лидия Эмильевна! Мне кажется... — и он показал одними глазами на безуспешно пытающегося поднять с пола столовый прибор Карла...

— О да! Нам пора!

— Боюсь, вы сами уже не справитесь. Я доведу вас до остановки...

Володя нежно погладил появившуюся в дверях Ингу по заметно выросшему животу и пошел за обувью Шульца...

* * *

Через день на выходе из издательства Володю окликнули.

— Владимир Михайлович?

— Да?

— Родионов?!

— Верно.

Протягивающий руку мужчина был среднего роста в сером пиджачке, рубашке с расстегнутой верхней пуговицей, выбритый. Обычный. Даже слишком обычный. Делать портрет такого Володя бы не стал.

— Меня зовут Рустам. Я коллега Семена Перервы. Еще помните такого?

Семен Перерва был человеком из Первого отдела на заводе «Арсенал». Госбезопасность в штатском. В принципе неплохой, но слишком прилипчивый парень.

Владимир с улыбкой протянул руку и принялся судорожно отматывать пленку памяти назад, отыскивая причину интереса к нему фискалов. Шульц! Ну конечно!

— Рустам... э-э-э... — Владимир сделал паузу, дожидаясь подсказки про отчество. Не дождался. — Понимаете, он был пьян!

— Вы о Шульце?

— Да! Он любит прихвастнуть, я уверен, что никаких связей в ГДР у него нет...

— Владимир Михайлович, речь не о Карле Рудольфовиче. Речь о вас.

— Обо мне?!

— Угу. Уделите мне десять минуток? У меня кабинетик в паре шагов. И, кстати, связи у него есть. Только в ФРГ. Это наши связи.

...За черной дерматиновой дверью было прохладно.

— Я знаю, что вы не курите, Владимир Михайлович. Вот я и проветрил. Сам-то я смолю, как паровоз.

Рустам давал понять и что к приходу подготовился, и что в согласии Володи прийти в кабинет не сомневался...

— Как там ваша супруга? Я слышал, она беременна?

«Вот сука», — мысленно ругнулся Владимир, внезапно разозлившись.

— Я вас слушаю, товарищ... лейтенант?

— Угадали, — Рустам широко улыбнулся и на мгновение стал симпатичным, затем резко убрал улыбку. — Так вот, Карл не был пьян. И, как я сказал, связи у него есть. Вы талантливый человек. Почему вы не приняли его предложение?

— Какое?

— Считайте, что вашу лояльность и моральность мы уже проверили. Пускай он отправит ваши фотографии в «Шпигель»...

— В «Штерн»...

— А-а-а! Запомнили-таки! — Рустам с прищуром погрозил пальцем.

— Зачем это вам?

— Пока незачем. Но связи, связи. Коммуникация, общение, знакомства. Это все нам очень нужно. А вы, глядите, сможете в Германию съездить. Я, конечно, пока про нашу Германию...

— Нужно что-то подписывать?

— Ну что вы?! Пока совсем даже незачем. Кстати, насчет фотоателье — это была моя идея. Я бы на вашем месте тоже согласился.

— Да у меня времени на это нет. И не очень я люблю портреты.

— Времени нет, а имя — есть! Вам что, пару раз в неделю спуститься вниз вечером, поработать с известными людьми. Приведем вам Женю Рудакова или, вон, Яна Абрамовича Френкеля, кого-нибудь еще из наших известных, вывесите их портреты в витрине, народ и потянется.

— Но я...

— А время... Посадим вам помощника. Сашу Купного. Он будет знать, как с людьми работать. И фотограф, кстати, отменный.

* * *

— Это что за странный супчик? — Володя удивленно заглядывал под открытую крышку кастрюльки.

— Ну Во-о-ов, это отвар из луковой шелухи. Я хочу немного пряди подкрасить.

— Зачем? Ты у меня и так самая красавица.

— Затем, — Инга погладила себя по животу. — Новый брючный костюм — в шкаф, лодочки на шпильках — на полку. Все только вязаное и просторное. Я как-то себя должна чувствовать модной?

— Вязаное сейчас как раз очень модно!

— Так! Вчерашние котлеты — в холодильнике. Помидорки с огурчиками сейчас порежу. Садись!

Володя потянул за длинную ручку «Саратова», открыл триндычащий холодильник и шустро сунул в рот котлету из сковородки.

— Володя, ну куда — холодную-то?! Достань все, я подогрею!

— Ты ме поймаешь! — Володя с полным ртом закатывал глаза от удовольствия...

— Конечно, не понимаю! Давай тогда сюда сметану, я салат заправлю! Или отойди, я сама все...

— Не, потом. Сейчас строители приедут. Хотим окна на огромные витрины заменить. Чтобы почти до пола!

— Ой. Там же лепка под окнами! Жалко!

— Что жалко? Мещанство! Нужно быть современной! Нам нужно молодеть, чтобы с пацаном было о чем говорить!

— Ну, я-то знаю, кто там, — Инга положила на живот обе ладони, — а ты-то с чего решил, что там пацан?

— Карл сказал: если живот торчит огурцом, — Володя взял со стола огурец и с хрустом откусил, — будет мальчик! А если круглый, как помидор, — значит девочка.

Крупный розовый томат перекочевал со стола в его карман.

— Помидор не мытый!

Володя беззаботно махнул рукой и умчал на первый этаж — в ремонт. Ему хотелось закончить шумную работу до того, как мать вернется с работы — у нее часто болела голова.

* * *

В тот день, когда фанаты футбола прорывались на Центральный стадион, чтобы посмотреть на игру киевского «Динамо», борющегося на чемпионате СССР против московского «Торпедо», и шестьдесят тысяч болельщиков единой многоголовой гидрой орала «Го-о-о-ол!!!», в маленьком роддоме кричала парочка родных Володе людей. Сначала Инга, тужась в последних схватках, а затем новый человечек — три-двести — пятьдесят-пять — мальчик, имя которому Кирилл Владимирович Родионов.

* * *

Кирилл Владимирович получился по-родионовски шумным. Таким «оручкой», что папаша время от времени не выдерживал и спускался спать в ателье, благо там недавно появился модный кожаный диванчик. По утрам, мучаясь угрызениями совести, Владимир пытался взять на себя самую противную работу — замену в клеенчатых трусиках обкаканной и описанной ваты, стирку пеленок и свивальника, глажку всего, что накопилось.

Иногда Володе казалось, что Кирюха не спит вообще никогда. Не спит в две смены без перерывов на сон. Крошечный, щекастый стахановец неспанья.

Когда Кирюха не спал, он либо ел, либо орал. Володя, конечно, знал многих приятелей, которые вели себя так же, но от такого маленького человечка подобного не ожидал.

Отчего не затыкается эта маленькая сирена, никто объяснить не мог. Хочешь есть — вот тебе титька. Хочешь спать — вот тебе кровать. Докторица после осмотров пожимала плечами — вроде, все хорошо, ничего болеть не должно... Не обращайтесь внимания, не давайте собой манипулировать.

Беспрестанный ор породил садистскую придумку. Если во время крика дунуть младенцу в лицо, тот захлебывался воздухом — срабатывал рефлекс — и секунд

пять ловил ртом, восстанавливая дыхание. И не орал! О-о-о-о, эти мгновения счастья и блаженства. Тишина — улада для ушей.

Было еще одно спасительное пограничное состояние, которое называлось «дрема». Оно включалось, если тельце находилось в движении: во время укачивания на руках, катания туда-сюда в коляске, кружения и подбрасывания. Володя почти научился танцевать, беспрестанно бродя, крутясь и качая. Дрема — это не сон. Во время дремы хитрый человечек пребывает в постоянной готовности, только прикидываясь спящим, а сам, прищулив глаза, ждет, когда ты на мгновение остановишься. И включается «Уа-а-а-а-у-а-а-а-а».

Как там писал Роберт Рождественский? «Пусть завистникам станет грустно — я сегодня сильнее многих: Стали ноги мои — как брусья, руки стали мои — как ноги!»

Если раньше Володя обожал семейные вечера, то теперь втайне малодушно радовался работе, ведь в дороге удавалось немного выспаться.

Володя засыпал, не успев коснуться попой сиденья, засыпал в любых местах, как только туловище находило опору. В гостях, на летучках, в транспорте. Везде, где не кричал Кирюха.

Переодеваясь и снимая майку, он засыпал, потому что голубая ткань закрывала глаза, становилось темно, и Володя отключался, пробуждаясь от удара лбом о полированную дверцу шифоньера.

Сначала Володя узнал, что можно спать стоя, а затем что можно дремать во время ходьбы. Вставая по ночам и качая сына, Володя бродил по комнате. Пока шел по теплому ковру — спал и видел сны, когда нога ступала на холодный линолеум, организм пробуждался, разворачивал туловище и снова засыпал. И так тысячу кругов.

Частые командировки стали реальным спасением. Как выживала Инга, у которой шансов сбежать на работу не было, казалось вообще непонятным... Героиня!

* * *

Юрский стоял посреди вагончика, подняв руки вверх, абсолютно голый, и мычал. Это было уже серьезно. Даже страшно. Время — десять утра! Фрамуга была открыта, и студень воздух с мелкими снежинками радостно метался по подоконнику. Судя по запаху, Юрский недавно блевал за окно. Шрам от аппендицита ярко выделялся на бледном животе журналиста. Володя поморщился, протопал, оставляя за собой снег, к кровати, откинул одеяло и за подмышки поволок Юрского спать. После третьей неудачной попытки встать тот сдался, отвернулся к стене и захрапел с судорожными всхлипами. Володя вздохнул и вышел из номера.

Храпел Юрский, как стихийное бедствие... Катастрофа. Апокалипсис. Жить с ним в одном номере было мучением.

Во время сна из носоглотки журналиста одновременно исторгались скрипы, крики и скулеж дракона, собаки, медведя, льва, осла и беременной женщины. Там что-то клокотало, хрипело, булькало, чпокало... И все это на полной громкости. Казалось, в горле просыпается вулкан, и из открытого рта сейчас мощным потоком хлынет лава.

Но это еще было не самое страшное. В какой-то момент это шумо-насилие внезапно и ментально прекращалось и наступала полная тишина. Грбовая.

В первую совместную поездку, когда Володя проснулся на громкой стадии, он решил, что коллегу зарезали и он кончается в муках. Кровавые пузыри в горле. Вскочил в темноте, больно стукнувшись пальцем о тумбочку, пытаюсь сообразить, куда бежать и что делать.. И тут Юрский затих. Вообще! И не дышит! Ни шелеста, не дуновения, ни свиста. Ни-че-го!

Испугавшись, что коллега скончался, Володя наконец-то нащупал выключатель и возник свет. Пузатенький Юрский лежал, сложив ручки на груди, и улыбался. Полосатые носочки валялись рядом с кроватью. Володя взял журналиста за руку — теплая... Подумал, не притащить ли из душевой зеркальце, проверить дыхание, но пока озирался в поисках, у Юрского опять началось. Сначала тихонько, где-то в утробе. Бульк. Кхык. Кхр-р-р-р. Бхе. Хыр-р-р-р... А потом по амплитуде до пятидесяти децибел. Пузыри, слюна, огонь из носа... Значит, живой...

* * *

Командировка на БАМ, куда корреспондентов отправили делать материал о бригаде украинцев, участвующих во всесоюзной стройке, складывалась не очень. Сперва, еще в поезде, выяснилось, что в это время года здесь уже крепкие минуса и Володины туфельки могут сойти лишь за домашние тапочки. Часть командировочных на каком-то полустанке пришлось потратить на унты и ушанку. Затем оказалось, что пока они добирались до места, бригаду уже перевели дальше по линии. После началась метель, и корреспондентов закупорило где-то под Усть-Кутом. И теперь — здрасте — Юрский ушел в запой.

Вчера вечером еще практически трезвый (две рюмки водки при таком весе — мелочь) вел занудные разговоры, а точнее, монолог, потому что Володя в политические темы пытался не лезть, а сегодня — вот оно. Животное...

— Парадокс коммунистов, — доказывал Юрский в начале полуночной беседы, — в том, что они декларируют социальность, братство, интернационализм, дружбу и глобальное общение...

— А на самом деле?! — по глупости поддержал диалог Володя.

— А на самом деле, нет более одиноких людей, чем коммунисты. Член КПСС не верит никому. Даже жене, даже себе. Он не умеет смеяться, он боится смеяться. Коммунисты считают, что быть счастливым — непристойно. Но при этом заявляют, что строят счастье для всех.

Поняв, куда клонит напарник, Володя еще минут пять послушал излияния, а затем снял с вешалки тулуп с шапкой и ушел курить.

Володю предупреждали, что Юрский запойный, но до сего момента с подобным сталкиваться не приходилось... Кто бы его знал, что так зацепило прагматика-журналиста, но теперь он был не работоспособен, а номер между тем горел! Статья должна была выйти к 7 ноября, значит ее ждали телетайпом максимум послезавтра. Володя еще раз взглянул на спящего Юрского и принял решение.

ГЛАВА 16. СТАТЬЯ

— Александра, добрый вечер!

— Здравствуйте, Леся!

Судя по голосу, собеседница уже спала, и Леся ее разбудила, но бросать трубку теперь было уже нелепо.

— Вам помогли мои прежние находки?

— Еще бы! Минутку...

Судя по звукам, Александра протопала в ванную и умыла лицо.

— Хотите, расскажу сейчас? Хотя я бы предпочла поделиться потом сразу всей историей.

— Мм-м-м... Хорошо, я подожду! Я в папином дембельском альбоме, кроме фотографий, еще несколько журнальных вырезок нашла, вот послушайте:

«Земля круглая. Это знает любой советский школьник. Но увидеть воочию это могут лишь наши космонавты да моряки. И еще строители Байкало-Амурской магистрали.

Если залезть на самый высокий кедр, возносящийся над тайгой, словно маяк в качающемся океане зеленых волн, можно убедиться не только в том, как велика и необъятна наша Родина, но и как мала наша планета, потому что глазу отчетливо видны не только бескрайние леса, но и сворачивающиеся края горизонта.

И только две тонкие сверкающие полоски убегают в обе стороны, соединяя далекие города и сердца советских людей.

БАМ — это почти три тысячи километров железной дороги, раскрутившейся мощной лентой на три часовых пояса. БАМ — это труд миллионов советских граждан всех национальностей в условиях труднопроходимой тайги, это многие тонны отсыпанного земляного полотна, тысячи построенных мостов, многие километры проложенных линий электропередач и связи...»

И так далее.

— Кем подписаны тексты?

— Неким Юрским.

— Угу, записала. А по имени?

— В том-то и дело, что имени никакого нет. Просто Юрский, и все.

— Возможно, это псевдоним. Вы не смотрели в Интернете?

— Я не подумала.

— Хорошо, я поищу. Леся, на этих вырезках где-нибудь в уголке нет названия журнала, номера?

— Здесь виден только номер страницы — седьмой...

— Это вряд ли поможет. Можете прислать мне снимки? Я попробую поискать по куску текста.

— Снимки всех статей?

— Давайте, пока этой. Боже, я чуть не забыла! А вы не нашли ключ от сейфа, о котором говорили?

— Ой! Саша, я забыла. Я поищу. Честно. Спокойной ночи!

— Не забудьте прислать ста...

Не дожидаясь окончания фразы, Леся положила трубку. По неведомой логике она вспомнила один крайне неприятный случай.

Как-то, когда мама вернулась с работы, девятилетняя Леся встретила ее просто сияющей.

— Мама! Я нам Царство Божие устроила! — сообщила восторженно еще до того, как мама успела сунуть ноги в тапки.

Зинаида Павловна, понимающая, что увидеть царство божие можно только предварительно умерев, на всякий случай напряглась, и как была в куртке, пошла за тянущей ее в зал дочерью.

И умерла. Ибо узрела царство божие. Оно заключалось в тысячах серебристых «дождинок», свисающих с потолка, примерно до пояса. К недавно с таким трудом побеленному потолку царство божие было приклеено кусочками пластилина, жирные пятна от которого уже успели расплзтись по всей поверхности...

— Нет, я не ангел, — сказала мать и сняла с ноги тапок...

Леся до сих пор не простила.

ГЛАВА 17. ЖУРНАЛИСТ

Валерий Николаевич, похоже, был не в духе. Во время длинной остановки поезда Володя выскочил на телеграф и сообщил, что в Киеве они будут лишь к девяти вечера, однако шеф потребовал сразу же ехать в редакцию. Теперь Юрский минут десять находился за дверью главреда, а Володя ждал на стульчике в полутемной приемной — все остальные уже давно ушли.

Вообще, шеф был мужиком неплохим. С чувством юмора. Один раз, правда, чуть за это не поплатился. Как-то, будучи в длительной командировке, в гостинице он положил на батарею сушиться свои носки, а затем был неожиданно вызван в другой город, откуда дал коллегам телеграмму: «Носки высохли, пора снимать». Кому-то пришло в голову, что это шпионский шифр. Доложили в соответствующие органы. Началось расследование, вызов свидетелей. Нервы потрепали изрядно.

Но и распекать шеф умел так, что старые коммунисты бледнели, как кисейные барышни.

Дверь отворилась.

— Заходи, Владимир Михайлович, — бросил шеф. На Юрского он больше не смотрел, точкой внимания стал Родионов.

В Усть-Куте Володя все успел. Пока бурятский шаман Дмитрий приводил Юрского в себя, Володя нафоткал вырубку живописной тайги, крупную художественную спину рабочего в телогрейке, гордый профиль потрясающего перстом лектора-международника общества «Знание» УССР Петра Мазура, улыбающийся портрет командира всесоюзного ударного отряда, только что получившего талон на «жигули», а также шпалы, рельсы, бензопилы, закладку стройгородка и разную другую бытовуху.

— Бухал?!

— Кто? Не-е-е. Мы отсыпались, Валерий Николаевич!

— Угу.

Шеф показал пальцем на стул, налил себе из графина воды, сделал глоток и прищурился.

— Володя, ты у нас год. А Юрского я знаю двадцать лет. Это концентрированный циник с полными жвалами желчи. Он скорее напишет правду о том,

что половина составов со стройтехникой и материалами до Сибири не доезжает, чем позволит себе лирику в тексте. У него десны в кровь сточены о передовицы. Он из любой закрученной гайки разворот сделает. Добротный. Скупой. Социалистический. За это и держим. Его стиль я узнаю с первого абзаца. Писал не он. А не писать он может только по одной причине. Повторяю вопрос. Бухал?

— Ну пил.

— Писал ты?

Володя пошарил глазами по стенам и зацепился за портрет Леонида Ильича Брежнева.

— Ну что ты, как девочка?! Материал вышел. Материал хороший. Вопрос: сам писал или там кого нашел?

— Ну сам.

— Угу. Значит, смотри. Юрского я предупреждал. Это у него третий залет. Теперь он у меня будет писать только для месячника свиновода. Поэтому Юрский теперь — ты!

— Как это?!

— Так это. «Янкель Алонович Каппель» в подписи для лучшего журнала республики — это как-то вызывающе. «Юрский» — это псевдоним, созданный под конкретные рубрики. И он теперь твой. Ты как предпочитаешь — полставки журналиста или фотокорреспондента?

* * *

Несмотря на поздний час, Инга тоже его ждала. Кирька тихонько сопел в кроватке. Володи не было всего две недели, но ему показалось, что сын сильно вырос. Вообще, было очень любопытно наблюдать, как меняется человек. Володя очень любил гармонию и симметрию, но порой ловил себя на том, что уродство бывает тоже красивым. Ребенок не подпадал ни под одну из этих категорий. Сначала он был страшненьким, теперь, во всяком случае пока спал, миленьким. Желтый свет от лампы на столе косым лучом падал на часть его лица, и сочетание синей темноты комнаты и золотистости кожи сына заставили Володю пожалеть, что у него в аппарате черно-белая пленка.

Снимать на цветную он не любил. Ему казалось, что за цветом он перестает понимать, где есть свет. Цвет отбирал у окружающего полутона.

Инга на цыпочках подошла сзади, приобняла его и также взглянула на сына.

— Пойдем, чайник закипел. Расскажешь!

* * *

Весной, впервые после долгого перерыва, из Желтых Вод в гости приехала Наталья с мужем и двумя близняшками. Роды она перенесла тяжело и до сих пор не восстановилась, однако Дмитрий настоял на поездке. Володя пытался понять, чем же тот хотел похвастать — парой крошечных девчушек, носящих фамилию Шагалов, или же только что приобретенным «москвичом-407», на котором они и прикатили.

Несмотря на то, что с правой стороны уличное пространство Белого Дома недавно переделали — добавили несколько детсадовских веранд и высадили

кусты, а с лицевой стороны подъезд был запрещен — там заезжали мамашки с колясками, места для авто во дворе оставалось достаточно. Дмитрий ставил «москвич» поближе к колонке, которой Родионовы частенько пользовались. Хотя в дом еще 20 лет назад завели водопровод, Володе время от времени приходилось бегать с ведрами на третий этаж, тихонько напевая себе под нос песенку из «Волги-Волги»: «Удивительный вопрос: — Почему я водовоз? Потому что без воды и ни туды, и ни сюды».

Купный с Китариогло в фотолабораторию воду таскали самостоятельно. Володя, хотя номинально и оставался директором ателье, появлялся там редко. В принципе, ему нравилось, что в салоне организовали кружок для пацанвы и то, какие портреты получаются у мастеров, но их связь с органами заставляла все время держаться на расстоянии. Он всячески показывал, что фотосалон — это не его детище, а всего лишь работа.

* * *

Всю дорогу Кирька капризничал, и Володя под конец уже начал злиться, но сумел взять себя в руки. Сам виноват. Он только что вернулся из очередной командировки — безвылазно два месяца в ЧССР. Кирилл отца почти не видит, так какой из него теперь авторитет? Инга ребенка слишком баловала. И вместо того, чтобы обернуть по возвращении пацаненка в ласку, как этого хотелось, приходилось для компенсации показывать строгость и силу.

На постоянные и длительные отлучки Инга сначала обиженно молчала, затем начала высказываться. Не помогали и подарки в виде импортных платьев и сапожек. Но что он мог поделаться? Взять с собой жену, тем более с ребенком, тем более за рубеж, шансов не было никаких. Отказаться от поездок — не вариант. Володя злился и хамил в ответ. Вот и сейчас на претензии, что ему на них плевать, Володя схватил сына и загрузился в автомобиль.

В прошлом году ему удалось купить чудесный легкий вездеход Луцкого автомобильного завода — «ЛуАЗ-969В». Правда, пришлось продать небольшую часть семейной библиотеки, но какая в книгах ценность, если в них нет картинок? Зато теперь в локальных командировках он не был привязан к поездкам и расписаниям.

Володе нравилось рулить, ехать в тишине, наполнять глаза закатами, полями с цветущим рапсом, синевой. Даже запах топлива, который Инга терпеть не могла, казался ему родным.

Сначала Володя хотел свозить мальчишку в Парк Вечной Славы, но затем подумал, что тот и так чрезмерно увлекается солдатиками, танчиками и играми в войнушку, поэтому в последний момент передумал и направился на Остров водников.

— Вылазь, Кирек! Пойдем, кое-что тебе покажу, — Володя достал из багажника саперную лопатку и удочку.

— Пап, а ты что, здесь уже был? — Киря с трудом спрыгнул с высокой подножки. Захлопнуть дверь самостоятельно он уже не мог.

— Нет, никогда!

— Тогда как же ты мне кое-что покажешь?

— Кое-что, Кирюш, можно найти повсюду! И мы найдем! Айда по запаху! Вода — там!

ГЛАВА 18. ПЕРСПЕКТИВА

— Я очень хотела бы взглянуть на альбомы, Леся. И на письма. Можно, я пришлю за ними Макса?

— Макса?! Извините, Саша, мне не хотелось бы никаких новых людей. Вообще поменьше людей. Почему вы сами за ними не зайдете? Заодно бы и познакомились.

— Зайдете... Леся... у вас в доме есть пандус?

— Пандус?

— Да, пандус. Рампа... Рельсы для заезда коляски, перила?

— М-м-м-м...

— Леся, я неходячий инвалид. Моя жизнь — это компьютер. На электроколяску денег нет. Поэтому на дальние расстояния меня возит Макс. От физических нагрузок я быстро устаю.

— Простите, я не зна...

— Так есть пандус?

— Конечно, нет. Дом ведь собираются сносить.

— Что вы такое говорите?! Как сносить?! Это же архитектурный шедевр! Его надо оформлять как наследие ЮНЕСКО!

— Не знаю про ЮНЕСКО, но все конторы с нижних этажей уже съехали. Мы с матерью оставались последними. Приходили из ЖКХ, приходил депутат, как его...

— Почему сносить, я не понимаю?

— Потому что ЖК «Комфорт+» не хватает территории для высотной застройки. Как написано у них в рекламке: «Социально-ответственный бизнес, создающий инфраструктуру для достойной жизни».

— Подождите, подождите, Леся! Вы уже дали согласие?

— Мать бы никогда не дала. А я их выгнала, потому что не могла никого видеть.

— И не вздумайте давать! Я все выясню и вам перезвоню!

ГЛАВА 19. СОЛДАТИКИ

После того как Володя похоронил мать, этот чемоданчик он доставал с полки нечасто, предпочитая попросту отдавать пленки Купному. На все не хватало времени. А тут заехал по делам на Крещатик, 16, в магазин «Фотолюбитель», увидел на прилавке расфасованный в пакетики фиксаж с проявителем и внезапно решил, что пора показать Кирюшке, какую магию хранит в себе невзрачный кейс потерто-синего цвета с металлическими застежками и плотно прижимающейся к корпусу гофрированной ручкой.

Магия начиналась, как только чемоданчик открывали. Потому что, ну что можно увидеть в обычном чемодане? Рубашки, штаны, носки, кипятильник... А в этом все было не так! В этом лежала спящая в поролоне блестящая хромированная трубка, черная полусфера с отверстием, загадочная вторая полусфера с прикрепленными к ней деталями и аккуратными вентиляками и прочая мелочовка.

Вечером, запершись с сыном в ванной комнате, Владимир вынул все это по очереди из коробки, вставил, закрутил, насадил, подключил...

— Знаешь, Кирька, что это получилось? У-ве-ли-чи-тель!

Что-то в этом слове показалось Кире странным и пугающим, как сказка про Черную Курицу или непонятная книжка про Алису. Увеличитель...

Впрочем, странности начались еще раньше. С черного бочонка, заходя с которым в ванную комнату, папа несколько раз громко, на всю квартиру, крикнул: «Свет не включать!» и переспросил: «Инга, слышали?! Свет не вклю-чать!»

— Мама, почему свет не включать? Там же темно?

— Папа будет проявлять пленку.

— В темноте?

— Да!

Ничего не понятно.

* * *

— Кирюх, иди сюда!

Из-под ванной Володя достал две литровые стеклянные банки, с наклеенными на бока кусочками лейкопластыря с написанными химическим карандашом буквами «П» и «З». Налил в емкости теплую воду, а затем вскрыл пакетики с реактивами. Один назывался «Проявитель сульфатный», а второй — «Фиксаж кислый». В первом пакете было два хрустящих мешочка поменьше. Сначала Володя высыпал в банку порошок из первого мешочка и размешал, а попозже — из второго... Все свои действия он проговаривал вслух, объясняя, что делает. Затем в воде был растворен фиксаж.

Еще когда увеличитель был собран, прямо в чугунную ванную, где обычно все просто моются, Володя поставил две табуретки. Киря недоуменно смотрел на отца. На одну из табуреток взгромоздился увеличитель, а на вторую — четыре ванночки: две больших — для воды, и две поменьше — для гидрохинонового проявителя и закрепителя-фиксажа.

Над увеличителем Владимир повесил абсолютно непонятный предмет — большой красный фонарь.

Когда все приготовления были закончены, папа попросил маму выключить свет, на что Киря немедленно заорал. Темноту он ненавидел и боялся. Родители про это знали.

— Кирюш, ты боишься темноты больше десяти лет. Каждый день. Каждый вечер. Каждую ночь. Это длинный и глупый страх неизвестного. Может быть, стоит один раз испугаться по-настоящему, войти в темноту и сделать неизвестное известным? Страшнее не будет!

И Киря доверился. Мама, оставшаяся снаружи щелкнула выключателем, и Киря зажмурился. Папа дышал над самым ухом.

— Открой глаза. С закрытыми глазами ты смотришь внутрь себя. Себе в голову. А страхи живут именно там. Открой глаза! Посмотри вокруг.

Киря знал, что вокруг смотреть бессмысленно, там тьма, но приоткрыл один глаз, а затем второй.

— Просто смотри!

Неожиданно Киря обнаружил, что темнота не темная, а серая. В ней видны контуры. А в зеркале он даже может рассмотреть мелькающие белки глаз. Он потрогал что-то темное перед собой и чуть не заорал. Это была папина голова. Тот наклонился, чтобы включить красный фонарь.

— Дышишь?

Кирия кивнул. Тогда папа взял старое полотенце, бросил его на пол и законопатил все щели под дверь. Затем вставил пленку в держатель так, что с одной стороны остался большой рулик, а с другой — торчал лишь хвостик, после чего распечатал пакетик с фотобумагой. Один листок папа уложил на рамку под фотоувеличителем и на пару секунд открыл красную шторку окошка, давая возможность свету проникнуть через пленку на фотобумагу.

— Смотри, Кирюш, там, где пленка темнее, света проходит меньше, значит и на фотобумагу в нужном месте его попадет меньше. Это ведет к тому, что там, где на пленке темно, на фотобумаге будет светло и наоборот. Чудо, да?!

Кирия вжал голову в плечи и выпятил губу.

Когда закрылась красная шторка, на белом бумажном квадратике ничего не поменялось. Папа взял квадратик пинцетом и погрузил его в проявитель. Постепенно, буквально за несколько секунд, на белой пустоте стало проступать изображение — их семья за столом...

— Тут важно не упустить момент и вовремя вынуть бумагу из проявителя, потому что даже в воздухе картинка продолжает проявляться. Пока мы ее с тобой не промоем в ванночке с водой.

Папа доставал фотографии, высунув кончик языка, как маленький. Ему явно все это нравилось. А Кирию немножко пугало.

— Держи второй пинцет, вот так вот, промывай. Все, хватит. Теперь переключай в закрепитель. Да, вот в эту ванночку. Знаешь, почему закрепитель? Потому что, если сейчас включить свет, то вся картинка почернеет. А закрепитель оставит изображение, как оно есть, зафиксирует его.

— Поэтому фиксаж?

— Ну да...

Когда все было закончено, мама включила свет, папа открыл дверь, и в ванную ворвался холодный и упругий ком свежего воздуха. Кирия облегченно выдохнул.

Затем, уже при дневном свете, папа прополоскал все фотографии под струей холодной воды, отмыл с содой кафельную плитку, прилепил на нее мокрые листочки изображениями к стене и через полотенце прокатал их валиком, убирая лишнюю воду.

Чуть позже, по мере высыхания, карточки с негромким чпоком отскакивали от стены и ссыпались в ванную.

— Конец магии, — сказал папа.

Вечером за ужином мама неожиданно спросила:

— Кем ты хочешь быть, котенок?

Кирия посмотрел на нее, потом на папу и честно ответил:

— Военным!

* * *

Из всех детских воспоминаний об отце ярче всего отчего-то Кириллу запомнилось, как он учился кататься на велосипеде.

Утро началось с того, что папа притащил откуда-то передаренный львовский велосипед, подкачал шины и сказал:

— Пошли! Будем учиться кататься!

А ведь страшно! У Кирилла на коленке еще толстая короста после падения со ступеньки не зажила. Правда, и зажить ей было очень непросто, когда он все время ее откорябывал.

— Ничего сложного,— сказал папа,— чувствуешь, что начинаешь заваливаться вправо, чуть-чуть поворачиваешь руль вправо. Видишь, что падаешь влево, крутишь руль в эту сторону. Теперь... Ставь одну педаль вверх, чтобы на нее со всей силы нажать и придать себе скорости. Тормозить на этом велосипеде — ногами. Других правил нет. Все понятно?!

Кирилл кивнул.

— Если что, я страхую сзади!

Кирилл нажал на педаль, а папа за его спиной взялся за сиденье и добавил разгону.

Держать равновесие оказалось и правда несложно. Когда скорость стала прямо-таки запредельной, Кирилл понял, что сможет рулить самостоятельно, и закричал:

— Отпуска-а-ай!

— Давно уже! — раздался папин голос откуда-то очень издалека.

Вот тут Кире стало страшно. Он прекратил крутить педали и расставил ноги в стороны, дожидаясь, пока скорость упадет до такой, при которой можно опустить вниз сандалии, не боясь протереть об асфальт подошву.

Остановившись и развернув велосипед, он обнаружил папу у веранд. Значит, все это время он ехал сам. Чего уж теперь бояться?! Один же раз смог! Выставив педаль вверх, Кирилл снова оттолкнулся и покатил.

* * *

Теперь Кире нравилось называть родителя — «отец». Это было так сурово, по-взрослому. Правда, в глаза он по-прежнему говорил «папа», боясь обидеть, но с приятелями всегда только «отец».

Мама в отсутствие супруга приводила домой по очереди двух мужчин — торговца Петра Николаевича Борового, которого Киря прозвал просто Боровом, и инженера Сергея Константиновича, который по фамилии не представился. Этот был бледный и молчаливый, при появлении Кири стремился побыстрее уйти, поэтому стал Сыроегой.

Маму Кирилл не осуждал, потому что никто ведь не знал, как там живет отец, когда в командировке. А в командировке он, похоже, всегда...

Казалось, отец теперь проводит за границей больше времени, чем дома, но если раньше Кирию это расстраивало, то теперь скорее устраивало — никто на сажает напротив себя в кресло и не втирает по полчаса о плохой учебе. Впрочем, больше и этого не будет. Киря принял решение поступать в Суворовское училище.

Они уже сходили с приятелем туда на день открытых дверей, прошли мимо памятника указывающему куда-то саблей Суворову, погуляли по огромному многоэтажному корпусу буквой «Ш», по стадиону с конюшней и спорткомплексами, заглянули в воняющий хлоркой и сыростью бассейн, посмотрели в окно на огромный сад, и теперь собирали документы.

Утром отец, узнав о Кирином решении, очень долго ему рассказывал о творчестве, воображении, фантазиях, убиваемых армейской дисциплиной и казарменным

положением. Но Кире не нужны были творчество и фантазии. Ему нужно было, чтобы понятно. Когда. Куда. И что дальше.

Отец и так болтал слишком много и кружевно — словно тюль на карнизах. То рассказывал матери про рассветного соловья за их окном, который во время песни вдыхает в себя ночь, согревает ее в своем крохотном тельце и затем выпускает наружу в виде утра. Мать просто млела. А Киря злился. То объяснял старенькому дяде Карлу, что любопытство — это главное качество, нужное для долгой жизни. Якобы, если хочешь оставаться молодым, надо ежедневно ставить себе новые задачи. Мозгу интересно задачи решать и смотреть, что из этого получается, поэтому он заставляет организм держаться... Что, как только пропадает любопытство, наступает старость. Или учил Кириного приятеля, что не врать гораздо эффективнее: «Если сказал правду, то она осталась лежать трупиком твоих фраз где-то в прошлом, а если соврал, то твои слова становятся неизвестностью и змеей уползают в будущее. Кто знает, когда они тебя ужалят!»

Как-то Киря пожаловался на учителя, придирающегося по пустякам. Отец на это выдал: «Когда дерьмо подсохнет и перестанет вонять, его вполне можно будет применить с пользой...» Вот что он имел в виду?

Он про самые обычные вещи рассказывал, как про величайшее счастье: про то, как здорово есть еще теплый хлеб, откусывая хрустящую корочку. Или про то, как замечательно проснуться, понять, что выходной, и снова заснуть. Про радость слушать, как за окном барабанит дождь. О том, какое удовольствие после ванной лечь на свежее, наутюженное постельное белье. Про запах мандаринов под Новый год, про небо, усеянное миллиардами звезд, про шуршание листьев в осеннем парке... Про теплые носки, надетые на сильно озябшие ноги. Про автобус, который подъезжает, как только ты пришел на остановку...

Это было слишком романтично, выпренно, сложно и ненужно. Киря хотел простоты. Киря хотел Киевское суворовское военное училище, затем, например, Харьковское высшее танковое. Лейтенант. Майор. Генерал. Все конкретно и без нелепых словесных нагромождений.

* * *

В принципе, Кире нравилось драться. Это заставляло чувствовать себя живым. Разбитая губа, отколотый зуб или расквашенный нос потом несколько дней заставляли прикасаться к себе и переживать все заново.

В свой первый раз в спешке Киря дрался из страха. Перед уроком, когда он вытирал доску, второй драчун класса Толик Микула сделал ему замечание, Киря негромко огрызнулся в ответ. Толик набычено подошел и без всяких «четы? атыче?» вlepил Кириллу несильную затрещину. Киря не успел включить мозги, как его рука уже вмазала обидчику в ответ. Вот тут моментально родился страх, что сейчас его будут бить. Больно. И Киря начал колошматить. Руками, ногами, всем и по всему. Наверное, со стороны это выглядело смешно или глупо, но речь шла не о красоте, а об эффективности. Через пару мгновений зажатый в угол Толик сполз по стене вниз, закрыв лицо руками, а Киря отправился дотирать доску, спиной ощущая десяток различных эмоций всех курсантов. После занятий первый драчун курса Толик Ткаченко хлопнул его по спине и сказал: «Молоток!»

С Толиком ему пришлось драться через год. Дружить они не дружили, даже не прительствовали, но относились друг к другу приязненно, с удовольствием здоровались за руку, перекидывались новостями.

Кирия сидел на лавке у казармы, выжигая через лупу свое имя на одной из планок, когда услышал донесшееся от корпуса «Вон он!».

Толик подошел вместе с Хмырем — долговязым, бритым, ушастым парнем из села, и встал напротив Кири.

— Ты у Хмыря отцовские часы из тумбочки вынул?

Своими командирскими часами со светящимися в темноте стрелками Хмырь хвастал всем, кому не лень.

— Че-го-о?! — удивился Кирия.

— Он, он, больше в казарме никого не было.

Больше Ткаченко вопросов не задавал, а для того, видимо, чтобы завести себя, выбил из Кириной руки линзу, и та шлепнулась в песок.

Дальше Кирия ждать не стал — бросился на обидчика. Он не чувствовал, достигают ли цели его кулаки, но Толины, судя по всему, достигали, потому что в глазах у Кири стало темно, и ему пришлось на какое-то время остановиться, чтобы прояснилась картинка и появились цели.

— Курсанты! — окрик начальника учебного отдела был каким-то ленивым. Их практически никогда не наказывали за драки. — Брейк, и в казарму...

На следующий день Ткаченко подошел к нему первым.

— Ну ты Корчагин!

— Что? — не понял Кирия, прикоснувшись к распухшей скуле.

— Корчагин. Павка. Мне вчера на минуту даже страшно стало. Я тебя бью, все удары прилетают в цель, а ты не падаешь и машешь. И я вижу, что сколько тебя не бей, ты будешь махать и махать. Как какой-нибудь пионер-герой. Марат Казей там, Павлик Морозов...

— Павлик Морозов отца сдал.

— Да?! — Ткаченко коротко взоржал и дружески ткнул Кирию в бок. — А за предьяву извини. Хмырь эти часы мне обещал, а как до дела дошло, сбрыхал, что украли. Мир?

— Мир!

* * *

Мать выглядела чудесно. Платье модного фасона, прическа... Она и в шестидесятые как-то умудрялась одеваться не в ателье индпошива, а у Рабиновича на Большой Подвальной, а сейчас, когда с деньгами стало полегче, несмотря на приближающийся юбилей, затмевала многих своих молодых коллег. Кирия был уверен, что Зине она понравится. У них было что-то общее, какая-то внутренняя уютность и потребность создавать комфорт. Зина была первой девушкой, которую он решил познакомить с матерью.

С утра Кирия помог маме снять с косточек мясистый чернослив и начистить орехи для свекольного салата, но напрочь отказался делать «Зебру», сказав, что торт они купят в магазине. Это в детстве ему нравилось смешивать в чудопечке два вида теста, выдавливать из моркови и свеклы через марлю сок для масляного крема, но детство прошло. Он получил направление из Суворовского

в Киевское инженерное училище. А это было непросто! Зато теперь он поступал вне конкурса, нужно было лишь сдать физкультуру.

Когда Кире было лет семь, брусчатку вокруг их дома застелили горячим асфальтом, и пока каток ровнял его возле ограды, Кирия вдавил в дымящуюся черноту множество мелких камушков, составив из них свое имя. Теперь это «Кирия» навсегда впечаталось в полотно и по субботам встречало его перед подъездом.

Ему нравилось на выходные возвращаться в Белый Дом. В комнате за время его отсутствия ничего не менялось. На стене так же висели вырезанные из «Военного обозрения» иллюстрации с танками, в шкафу стояли гильзы от патронов и даже один целый патрон от автомата, к люстре был подвешен самолет. Это был созданный мамой музей его, Кирия, имени.

Сейчас коллекции солдатиков на полках казались ему детскими и вызывали лишь добрую усмешку.

— А помнишь, как ты пошел выносить мусор, а назад приволок черного котенка, и папа назвал его Пиратом? Зина, вам еще тортика?

Мама отказывалась надолго сесть за стол, лишь присаживалась на кончик табурета, чтобы тут же сорваться и вновь что-нибудь подать, забрать или другим способом охватить всех своим вниманием.

— Нет, спасибо! Я — все!

— Я, мам, помню ужасный запах вареного минтая и рыбин с белыми глазами, которых мне приходилось для Пирата готовить!

— Ну, папа же иногда привозил консервы!

Кирию злило, что мама все время вставляет в разговор отца. Тот, словно призрак, постоянно присутствовал в кухне...

— А еще я помню, как приходилось несколько раз в день рвать в лоток газеты коту. И как отец заставлял меня предварительно вырезать оттуда портреты руководителей, чтобы, не дай бог, я их не разодрал!

— Кирюш, ну времена были такие...

— Мама, времена всегда такие. Мы были у себя дома! А он...

Кирия бросил взгляд на Зину и понял, что нужно остановиться... Зина, видимо тоже почувствовав напряжение, неожиданно оживилась:

— А вы знаете, что коты живут двадцать лет?!

— Наш прожил три и ушел гулять сам по себе. Да, мам?!

— Да, Кирюш,— мама взяла чайник и подлила Зине в кружку,— Кирия с Володицей искали его неделю.

ГЛАВА 20. ВОЕННЫЙ

Ходили слухи, что 120 будущих курсантов разделили на четыре группы по уровню нервно-психической устойчивости. «Психов» к поступлению просто не допустили, а в «Гении» попало всего семь человек на курс. Фамилий, конечно, никто не знал.

Иногородние абитуриенты жили в спортзале, и для них армия началась уже на этапе поступления — наряды по расположению, дежурства. В столовой Кирия слышал, как новички стонут и жалуются друг другу на кирзовые сапоги. Ему

было смешно. Для него армия началась несколько лет назад и полностью его устраивала. И сапоги у него были на лето офицерские, хромовые, а на зиму — яловые, юфтевые, разношенные по ноге.

Была у него и еще одна хитрость. За несколько лет Киря приучил себя вставать за полчаса до подъема, умываться, одеваться в спортивку и кеды и спускаться к турнику. Пока остальные после команды «Подъем» сыпались с кровати, судорожно влезали в сапоги и неслись, задыхаясь, на плац, он неспешно разминался, а затем бегал со всеми по стадиону налегке. Это дозволялось.

Весь курс делился на два потока и состоял из четырех учебных групп. Киря попал в первое отделение первой группы. Начальник курса майор Пелих Кирина фамилию откуда-то уже знал и, как казалось Кире, выделял его из толпы. Впрочем, два курсовых офицера — лейтенант и капитан, как и старшина курса — прапорщик, поблажек не делали никому.

Второго сентября младшего сержанта Родионова назначили командиром отделения, и из Кири он превратился в Комода. Ответственность, конечно, но зато это означало и небольшую надбавку за должность, а значит, и лишние деньги для воскресных походов с Зиной в кино. Не самый плохой вариант. Например, Илью Исхакова, который пришел из Суворовского вместе с ним и попал в его группу, назначили каптерщиком, работы это добавляло, а денег нет. Правда, в качестве компенсации уменьшало количество очередных нарядов, что тоже неплохо.

* * *

Киринов выходной подходил к концу. Сегодня они с ребятами опробовали новый вид развлечения — кегельбан, открывшийся не так давно в гостинице «Русь». Кире не понравилось — как-то неспортивно. Впрочем, нахохотались все равно вдосталь.

Теплый вечер, начало лета, все по гражданке. Киря в модной ветровке. До лейтенантских погон — всего неделя. Красота. Если бы не одно «но».

Вчера Зина сообщила, что теперь им точно необходимо идти в ЗАГС, и Киря не сразу понял, о чем она.

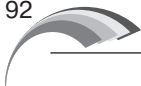
Сегодня он целый день пытался понять, хочет ли ребенка. Готов ли?

Возле Центрального стадиона, который после Олимпиады переименовали в «Республиканский», основная толпа откололась, и Кирилл запрыгнул в 12-й троллейбус.

Жениться — да, жениться, наверное, пора. А вот сын. Или, не дай бог, девочка? Что с этим делать? Таскать по военным городкам? Он никогда не задумывался о семье в этом ракурсе. Сам он готов лететь, ехать, ползти куда угодно, если прикажет Родина. Но Зина, которая так привязывается к месту... Дети?!

Кирилл сошел возле «полуторки» — недавно установленного на постаменте памятника воинам-автомобилистам — и дальше пошел пешком. Дом встретил неожиданностью. На кухне что-то громко и со смехом рассказывал отец. Последний раз его не было всего четыре месяца. Вернулся! Радость-то какая! Кирилл ехидно ухмыльнулся.

Сперва, не желая поднимать личные вопросы при отце, Кирилл хотел отложить разговор. Затем решил, что это трусость, но все равно за ужином никак

не мог подрулить к нужной теме. Сначала рассказывал про кегельбан. Отец поправлял, что на Западе это называется «боулинг». Мать переживала, что Олимпиада прошла, стадионы уже построили, а старинные столичные сооружения продолжают сносить. В какой-то момент Кирилл так на себя разозлился, что выпалил все и сразу, прямо посреди отцовского рассказа о Слыньчевом Бряге.

— Зина беременна, мы поженимся и уедем!

— Что значит уедем?! — пока мать ойкала, всплескивала руками и, не глядя в кружку, наливала себе узвар из графина, отец взял серьезный тон: — Я завтра освобожу комнату под детскую. Вон, на чердак все из кабинета стаскаю, там места... Дату свадьбы уже наметили? Я откажусь от поездки!

— Ничего не надо, отец. Я военный. До золота не дотянул. Поэтому, куда распределят, туда и поеду. Я и сам тут жить не хочу. Ты ж, вон, ездись, не переставая...

Укор был довольно неприкрытым, и отец сразу как-то сдулся, сердито посмотрел на мать, словно это она была в чем-то виновата, и встал мыть посуду спиной ко всем.

Свадьбу назначили на август. И хотя за две недели до события у Зинаиды случился выкидыш, решили ничего не отменять. Дальнейшее служебное назначение Кирилл получил практически по месту жительства — в соседних Броварах. Несмотря на то, что и итоговая аттестация, и служебная характеристика вполне предполагали такое назначение, Кирилл не мог отогнать подозрение, что к этому приложил руку отец.

* * *

На взлете привычно заложило уши, и Кирилл искусственно зевнул с закрытым ртом. Это всегда помогало.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

— Не разрешаю!

Чернявневский рядовой на секунду завис с приоткрытым ртом, затем молча развернулся и вернулся к своим приятелям. Сопровождающий их лейтенант уснул, казалось, в ту же минуту, как опустился в кресло. Кирилл точно знал, о чем его спросят, и предпочел сразу дать отлуп. Их интересовало, куда они летят.

Новобранцы принялись выглядывать в иллюминаторы, в надежде по звездам определить стороны света. Пасмурная погода и ночь лишили их такой возможности.

Живчик взглянул на часы, отметив время взлета, и громко зашептал, что если к двум часам ночи сядут, значит, светит им какая-нибудь ГСВГ или Восточная Европа, если же нет, то скорее всего все-таки он. Афган.

Пункт назначения Кирилл знал точно. Сначала их ждала посадка в Ашхабаде, где ребята сойдут с самолета и поездом поедут в учебку в Теджен, а он с офицерами и несколькими вольнонаемными продолжит путь в Кабул. Через полгода бортом из Мары их догонят и эти солдатики.

Афганистан — это было очень не вовремя. Когда ребенок, к появлению которого Кирилл уже морально подготовился, не родился, стало как-то не по себе, словно это его недостаточное желание или, может даже, явное нежелание помешали малышу появиться на свет.

Как только разрешили врачи, Кирилл принялся эту свою ошибку исправлять, да так, что Зина, которая поначалу просто смеялась и громким шепотом называла его сумасшедшим, позже принялась подолгу возиться на кухне, дожидаясь, пока он уснет.

Спустя три года, когда Кирилл уже успокоился, появилась Леся. Когда Кирилл взял ее на руки в первый раз, он не почувствовал ничего, кроме неудобства и страха что-нибудь в ней поломать или повредить. Но уже через неделю он не понимал, как мог жить раньше без наслаждения прижимать это маленькое теплое тельце к себе.

Отец действительно перетаскал кучу старого барахла на чердак, включая старые громоздкие комоды, которые он разбирал по досочкам и заново собирал наверху, и у Леси появилась детская. Уютная, светлая, желтая — других обоев попросту не нашли. И Кирилл, который несколько раз заводил разговор о переезде в военный городок, затих и успокоился. И тут на тебе...

— Смотри, смотри, там, вроде как, море внизу светится! — молодые все никак не успокаивались...

— Море? Может, в Ливию летим? У меня там дядька служит.

Про Ливию, Сирию, как и про десяток других африканских и восточных стран, салабонам знать было не положено. Дядька — болтун и племянник такой же. Конечно, в Ливии американцы постоянно устраивали воздушные провокации, и там действительно требовалась помощь советских военных специалистов, однако точно не таких зеленых, как эти. Внизу, если что и могло светиться, то только Каспий. Кирилл ухмыльнулся и закрыл глаза.

* * *

Как только открыли дверь, в салон словно бы впихнулся невидимый восточный джин — пахнуло теплом и пылью. Впрочем, было не так жарко, как пугали. Градусов двадцать, двадцать пять... Возможно, потому, что лишь апрель.

На спуске с трапа Кирилла окликнули.

— Товарищ капитан?

— Да?!

Боец был в хэбэ, забавной зеленой панаме и почему-то в кедах.

— Капитан Родионов?

— Так точно, сержант.

— Мы с вами летим дальше. Вон наш борт.

Невдалеке крутил винтами Ан-12. Кирилл бросил взгляд на уходящую в другую сторону толпу и проследовал за сержантом.

— Куда?

— В Джавару. Ну, то есть летим в Кандагар.

После кабульского солнца чрево самолета показалось медвежьей пещерой. Кирилл замер на входе, позволяя зрению адаптироваться, а в это время из пещеры вывалился медведь и принялся его ломать, мять и хлопать по спине.

— Родионов, сучий сын! Земеля!

— Ткаченко?! Бородатый, не узнать! Ты как здесь?

— Да я уже, считай, год здесь! С первого мая восемьдесят пятого. Сержант, ты бы мне фамилию заранее сказал! Я думал, мы ждем борт, а тут такой аборт!

Сорок минут полета Ткаченко безостановочно задавал вопросы о «гражданке» и нырял в курсантские воспоминания. О своем пребывании в Афгане отмалчивался, на вопрос о бороде отмахнулся — «для дела».

...Кириллу показалось, что единственная архитектурная форма, которую знают кандагарцы, это арка. Арочным было все: аэропорт, дома, сараи, прилепившиеся друг к другу хижины. А еще все было каким-то блеклым, будто на выцветшей фотографии.

— Это пыль, — пояснил Ткаченко. — Мы первое время кровати полиэтиленовыми пакетами застилали, вечером пыль в полпальца. Сейчас позамуровывались, ну, сам все увидишь...

...Проспав буквально пару часов, утром Кирилл пожевал собственный язык, отплеывая скрипящий песок. С открытым ртом тут спать было нельзя.

* * *

— Вот на хрена ты спорил с хадовцем, старшина? Какая наша цель?

— Результат, товарищ капитан!

— Мудак ты, старшина! Наша цель — положительный результат! С хадовцами спорить не надо! Хадовцев надо иг-но-ри-ро-вать! Ясно?!

— Так точно!

— Ладно, с этими я разрулю. Все, на сегодня ты поступаешь в распоряжение к зампотеху. Вечером доложишься!

— Есть!

Кирилл смотрел, как Ткаченко распекает бойца, и улыбался. Все-таки, что ни говори, а в армии он чувствовал себя отлично. Все просто и понятно.

— Слушай, Батя вернется не раньше двенадцати, представлять тебя пока некому, хочешь со мной смотаться?

— Куда?

— Километрах в десяти наш наливник расфигачили, нужно забрать бойцов и остатки, а то все растащат.

— Что расфигачили?

— Цистерну с топливом. Вот вроде и контролируем район, и население лояльно, улыбается, кивает, а постоянно нож за спиной. Контра!

— Ну поехали...

— Пошли, жеванем чего-нибудь и двинем!

* * *

У ворот стояли два бронетранспортера. Первый, судя по антенне, БТР-80К, второй — шестидесятка. Чуть дальше подревывал движком ГАЗ-66, шишига, видимо нужный в качестве буксира.

— Наши места в боевом отделении, но пока комбата нет, можно пофорсить. Да и жарко. Хочешь на командирское? Не забыл еще, где что?

Кирилл ухмыльнулся, легко забрался на борт и прыгнул в полукруглый люк, рядом с улыбающимся механиком-водителем.

— Кирилл, — не по-уставному протянул руку Родионов.

Рядовой автоматически отдал честь, а потом уже пожал руку.

— Бахор.

— Что там, Гвоздь, комплект? — Ткаченко кивнул головой на десантный отсек второго БТРа и принялся забираться на место наводчика-радиота.

— Так точно, товарищ капитан, десант на месте.

— Бахор, — Ткаченко хохотнул, — Бахор! Гвоздь — он и в Афгане гвоздь! Рассказать капитану, почему ты стал Гвоздем?

Рядовой замотал головой, а Ткаченко заржал.

— Ладно, потом расскажу! Напомнишь, Кирька?

— Ясно — лошадь, раз рога!

— Ну, двинули!

Машины окутались вонючим дымом.

За воротами Ткаченко нацепил наушники и что-то забубнил в микрофон. Через пару минут он с задумчивым видом закончил беседу. Говорить в салоне было сложно, приходилось кричать. Ткаченко показал пальцем вверх, на люк.

За БТР тянулся желтый столб пыли. Но погода была чудесной.

Из соседнего люка высунулась голова Ткаченко.

— Родионов, ты когда из Киева вылетел?

— Четыре дня назад...

— И что? Все тихо?

— В смысле? Все к празднику готовились.

— Да то понятно. Тут связь передает, что какой-то взрыв и пожар в Чернобыле. На АЭС. Не слышал?

— Да нет. Когда?!

— Говорят, еще неделю назад.

— Странно. Улетал было тихо.

— А твои — в Киеве?

— Да. А что там опасного-то? Потушат.

— Ну да, ну да... — и Ткаченко снова скрылся в чреве БТР.

А Кирилл остался любоваться видами. Зря.

* * *

В Белом Доме Анатолий Ткаченко появился только в феврале 1987-го. Засел с отцом Кирилла на кухне и принялся каяться, а после второго стакана — рыдать. Ни Ингу Андреевну, ни Зину с крохотной Лесей на кухню не звали.

Со слов Ткаченко выходила какая-то нелепость, глупость. По этой дороге бойцы ездили неоднократно каждый день. Никаких обстрелов или других опасностей. Открытое пространство. А тут не повезло. Причем дважды. Сначала потому, что БТР напоролся на самодельную мину, и его хорошенько подбросило, оторвав колесо. Весь экипаж отделался синяками и ушибами. А затем — потому что Кирилл «торчал в люке, как хрен в проруби». Его выбросило на дорогу, а при ударе поломало шею.

— Там даже крови ни капли не было! Гражданская травма! Будто с лестницы упал.

— Подожди! Почему же его тогда привезли в цинке? Мы тут черт-те что понапридумывали! Попрощаться не дали!

Ткаченко изучающе посмотрел на Владимира Михайловича, решил и пояснил коротко:

- Мангусты...
- Что? Не понял,— Владимир решил, что ослышался.
- Это Афган. Пока ждали авиаборт, мангусты обгрызли тело.
- Твою ж мать...

Владимир взял бутылку и налил себе стакан до краев.

На следующий день он снова принялся таскать на чердак какие-то вещи, а через неделю уехал.

ГЛАВА 21. МАКС

Леся лежала на кровати и разглядывала лицо в потолочной розетке... Возможно, лица там никакого и не было, но еще девчонкой она силой воображения создавала из россыпи гипсовых завитков и узоров изображения различных животных и прочие образы. Одним из них была скуластая, бородатая физиономия, которая с детства мнилась ей лицом воина, наблюдающего за ней и оберегающего ее. Вряд ли кто-то поместил бы подобное на розетку, но за многие годы образ лишь укрепился, и теперь лепнина восприниматься по-иному попросту не желала.

С каждым днем Леся все глубже занывривала в детские воспоминания. Там было спокойно, понятно... Замуаренное прошлое обволакивало, усыпляло.

Леся размышляла о том, как с возрастом меняются люди, в одном становятся безжалостными, в другом — жалкими.

Несмотря на накрепко вбитые в детстве посылы «еду на тарелке нужно съесть до дна», к старости привыкают настолько ценить собственное время и вкусы, что моментально отодвигают блюдо с малосъедобной пищей, спокойно выключают фильм через пять минут после просмотра, когда видят фальшь, захлопывают книгу на третьей странице, если она не захватывает, и навсегда прощаются с многолетними приятелями, чье поведение идет вразрез с их нынешними установками. Нет времени на то, что не доставляет радости или раздражает...

В то же время люди разучаются расставаться с воспоминаниями. Не дают выкинуть любимые тапочки, у которых уже нет подошвы, хранят полный ящик памятных глупостей, которые ни для кого, кроме них, ничего не значат, перебирают фотографии из молодости, а затем подолгу смотрят в одну точку, заморозив все мысли и самое время, мысленно доказывают сами себе, как хорошо нам жилось. На это они находят минуты и часы.

Сегодня Лесе отчего-то вспомнилось, как она, недавно научившаяся читать, в безостановочном режиме озвучивала маме попадавшие на пути вывески.

- Га-стро-ном. Гастроном! Да, мама?!
- Да, доча.
- Слава капэсэсэ. Да, мама?!
- Да, доча!
- Решения ХэХэУИИИИ съезда выполним. Да, мама?!
- Да, доча. Выполним. Куда мы денемся...

Дверной звонок заставил Лесю подскочить, и она принялась судорожно шарить ногами тапочки. Уже 16:00. Она и забыла, что договаривалась сегодня в это время отдать все документы для Александры.

Взглянув в глазок, Леся отпрянула. Там, с любопытством разглядывая лепнину над притолокой, плавало бородатое лицо, в точности то самое, что она только что видела на потолке.

Выдохнув, Леся отворила дверь.

— Здравствуйте, я — Макс! Брат Александры.

— Брат?! — по непонятной причине Леся была убеждена, что Александра собирается прислать к ней своего мужа, и даже факт, что та неходячий инвалид, не опрокинул этого убеждения. Леся сделала приглашающий жест рукой: — Заходите!

Макс переступил через порог, свет от коридорной лампочки упал ему на лицо, и Леся увидела его глаза. Они были светло-светло голубыми, с темной окантовкой по кругу роговицы. Какие-то просто невероятные колодцы, которые немедленно начали затягивать Лесю внутрь себя, и она забыла все, что собиралась сказать.

Отшагнув на глубоком вдохе назад, Леся уперлась спиной в стену, заморгала и наконец-то выдохнула.

Через некоторое время Леся обнаружила себя на кухне, наливающей кофе новому знакомцу — «нет-нет, ни молока, ни сахара не нужно, спасибо!» — и рассказывающей ему о своей семье...

— Мама не любила Сережу. Мы познакомились, когда мне было четырнадцать. Я привела его домой, и мама тут же спросила, кем он хочет стать. Ну кто в шестнадцать лет знает, кем он хочет стать? Однако Сережка ответил. Он гордо сказал: «Железнодорожником!» А когда он ушел, мать долго выговаривала мне, что нельзя встречаться с мальчиком с таким уровнем притязаний...

— Варьку Сережа просто обожал. Иногда посреди ночи ее маленькие ножки притопывали из темной детской по коридору в спальню, она быстренько забиралась к нам под одеяло, и вроде надо бы приучать, что есть своя комната, своя кровать, сколько раз с ним это обговаривали, но он просто прижимал ее крохотные холодные ступни к своему горячему животу, подтыкал со всех сторон одеяло, вдыхал ее милый запах детских кудряшек... и засыпал...

Сережа мне рассказывал, как в детстве думал о двухтысячном годе, как о чем-то недостижимом. До этого времени он уже станет октябренок, пионером, комсомольцем, получит паспорт... И вот уже нет ни пионеров, ни комсомольцев. Ни Сережи... Ни Вари... — Леся мощным потоком изливала из себя всю боль, что накопилась, — все, о чем многие дни молчала и даже боялась думать...

Макс был отличным слушателем, он все время держал ее глазами, лишь изредка подкидывая короткое междометие или иную зацепку для продолжения разговора. Впрочем, Леся старалась глаза не поднимать, потому что, как только она выхватывала из пространства его зрачки, кухня и все окружающее немедленно коллапсировало внутрь этих черных дыр, она теряла нить разговора и выпадала в какой-то засасывающий космос тихой, обволакивающей пустоты. Сочетание ее темного страдания и его светлого взгляда создавало ощущение некоей мазохистской сладкой боли, словно освобождения от застарелого фурункула.

В итоге, из всего разговора Леся подробно запомнила лишь финал. Максим, глядя в пустую чашку, очень спокойно сказал:

— Знаете, Леся, я вырос на реке. всю жизнь плавал. И мне всегда казалось, что жизнь — это поток. В который попадает множество всякого разного. В этом потоке можно что-то упустить и потерять, а можно что-то приобрести. Можно

плыть поперек реки — от берега к берегу, можно, что есть силы, грести против течения, можно просто стоять на берегу, тогда все будет мимо тебя. Что бы ты ни делал, поток все равно течет дальше. Ему все едино. Выбор действий всегда за пловцом... Я лично предпочитаю быть в потоке и использовать его силу для своих задач... Я не сильно заумно?

ГЛАВА 22. ВСТРЕЧА С СЕРЕЖЕЙ

Когда Лесе было четыре года, мать снова вышла замуж. Впрочем, правильнее сказать, сошлась с мужчиной, поскольку никакого торжества не было. Ни фаты, ни платья, ни торта. Просто к ней в спальню поселился небритый фрезеровщик в мохнатом свитере и толстых очках, а в комнате, которую Лесья использовала как игровую, обнаружились двое детей, хорошо старше нее: Миша и Лора. Заводчанина звали Степаныч. Он так и представился Лесе. Не папа, не дядя Иван, а Степаныч. Степаныч бродил по квартире в трико со штрипками и громко шлепающих тапках и собирался навести тут порядок. Но так и не собрался. Лишь перевесил шкаф на кухне. Тот мешал Степанычу курить у окна и выдыхать дым в форточку.

Дед, который о появлении в их доме новых жильцов узнал по телефону, по возвращении из очередной поездки привез вновь созданной ячейке общества в подарок чешский ковер «Тигрис» и торшер. И первое, что сделал по приезде, накрепко забил чердак.

«Тигрис» дети много лет дружно ненавидели. Во-первых, он плохо пылесосился, во-вторых, стоило во время выхлопывания во дворе шаркнуть по нему костяшками пальцев, он снимал кожу похлеще наждачки.

Со сводными братом и сестрой у Леси сначала сложился воинствующий нейтралитет, но когда она притащила домой ежика со сломанной лапой, а Миша помог наложить инвалиду импровизированную шину, они более-менее подружились. Во всяком случае, стали находить общие темы для разговора. Там втянулась и Лора.

После развала Союза дед на какое-то время плотно осел в Белом Доме. Будучи главредом умирающей советской газеты, он сумел быстро поставить ее на коммерческие рельсы, последние страницы издания запестрели рекламными объявлениями, благо их было множество. Настал период, когда все продавалось и покупалось. Затем дед стал владельцем модного журнала, потом нескольких. Имя Владимира Михайловича Родионова снова стало известно широкой публике. Но в один из дней дед бросил емкое: «Надоело», за очень хорошие деньги продал все издательство, впрочем, оставшись его акционером, и уехал «нюхать дальнюю границу». Дед любил уезжать и очень любил возвращаться.

Своих детей Степаныч воспитывал матом, оплеухами, а иногда и ремнем. Лесью игнорировал. Впрочем, она никогда не давала поводов.

Во время очередного акта воспитания, Лесе тогда было лет десять, Миша, с первого класса занимающийся в секции бокса, дал Степанычу сдачи. Степаныч, неожиданно обнаруживший себя рядом с табуреткой, а очки — улетевшими на подоконник, Мишу больше не трогал. Воспитывал теперь только Лору. И маму.

Дед, впервые увидевший на матери синяки, имел со Степанычем на кухне короткий, но крайне громкий разговор.

Во второй раз он уже не разговаривал, а кому-то позвонил. Из окна третьего этажа Леся наблюдала, как ближе к вечеру во двор Белого Дома въехала иномарка — она в них, в отличие от Миши, не очень разбиралась, оттуда вышли коротко стриженные ребята в кожаных куртках и принялись прямо на капоте играть в карты. Когда во дворе появился Степаныч, ребята игры не прекратили, просто один из них достал из кармана пистолет и отстрелил отчиму палец на ноге. Затем произнес несколько фраз.

Степаныч заскочил домой, обмотал ступню полотенцем, вызвал такси и умчался в травмпункт. На следующий день к дому приехал грузовик, заводчанин с помощью Миши и Лоры спустил с третьего этажа свои баулы, чемоданы и разные другие вещи, прихватив несколько ридионовских, и навсегда уехал куда-то на Подол.

Леся, конечно, поддерживала связь со сводными братом и сестрой, но, по большей части, телефонную...

* * *

На Михайловской площади Леся оказалась случайно: вышла на Почтовой вместе с одноклассницей — жаль было прерывать интересный разговор о влюбленности последней, — та как раз спешила на Речной вокзал, где ее семнадцатилетний приятель подрабатывал в кафе.

У виадука попрощались, и Лесе стало обидно ехать домой, ведь каникулы дарили свободу. Она решила подняться на фуникулере, чтобы посмотреть наконец, что за голубой собор отстроили возле МИДа. Девчонки все говорили о храме восторженно.

Площадь суетилась и шумела. Плакаты, изображавшие играющего на саксофоне Клинтона, уведомяли, что это последняя гастроль американского президента в Киеве и что сегодня можно будет послушать его живое обращение к украинскому народу.

Леся втерлась в толпу перед сценой, на которой пели что-то развеселое. Но очень скоро стало неинтересно. Клинтон появился, но вдалеке, за толпой. Долго возлагал цветы к памятнику жертвам голода. Затем поднялся на сцену и оказался абсолютно обычным. Что-то говорил про политику, про Ющенко. Лесе это было совсем скучно. Затем президент завел речь про закрытие Чернобыльской АЭС.

— А я там родился!

Леся не сразу поняла, что разговаривают с ней, закрутила головой в попытках понять, к кому обращается высокий светловолосый парень, примостившийся рядом. Все окружающие стояли полубоком, с задранными к сцене лицами.

— Где? В Чернобыле?

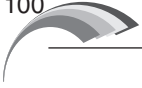
— Не совсем. В Припяти!

— Ну и как там?

Леся тут же обругала себя за дурацкий вопрос; впрочем, молодой человек нелепости не заметил. Он даже немного смутился.

— Я не помню. Мне два года было, когда нас эвакуировали...

Эвакуировали. Это было любопытно. Так и познакомились.

* * *

Железнодорожником Сережа Сушко не стал. Мама зря волновалась. Его социофобный папаша, самостоятельно собравший в начале девяностых слабосильный «Спектурм», сумел научить сына основам BASIC и привить любовь к компьютерам. Никто и не предполагал, что это однажды пригодится.

Сережа, как и многие бывшие припятчане, жил на Троещине. Лесе так далеко ездить не разрешалось. Поэтому историю она знала лишь из рассказов. Серезин приятель, работавший охранником в размещившемся в школе компьютерном клубе, сообщил, что хозяева ищут системщика-железячника, а заодно и админа в расширяющуюся структуру. Сережа рискнул и методом проб и ошибок собрал и настроил свою первую сеть. Пока бесцельно сидел в клубе, наблюдая за стреляющей во все живое шпаной, осваивал верстку сайтов и новые языки программирования.

Клубы достаточно быстро умерли, а некоторые умения и неожиданное реноме компьютерщика остались. Подбор комплектующих, установка Windows, периферия, системник, материнка, клавиатура, html — Леся часто даже не понимала, о чем Сергей разговаривал по телефону, но это однозначно позволяло сначала Сергею, а после свадьбы и им обоим, чувствовать себя не самыми бедными людьми в этой стране.

Сама Леся, выучившаяся на биолога, очень любила свою работу, но денег та приносила — кот наплакал...

* * *

Белый Дом Сереже не слишком нравился, но в его сумасшедшую квартиру на Троещине Леся отказывалась ехать напрочь. Склад компьютерного барахла, полупьяный папаша с волосатой спиной, затюканная жизнью мать, крохотная кухонька...

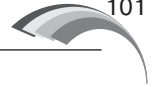
Так и жили. В железе Сережа колупался дома или в офисе, отдыхать приезжал к Лесе. И все бы хорошо, но Сергей совсем не хотел детей. Говорил: «Дети — это потом. Сперва нужно встать на ноги...»

Не дожидаясь двадцати пяти, когда уже, по ее мнению, наступает старость, Леся устроила небольшую провокацию и на свой четвертьвековой день рождения сообщила Сергею новость о ребенке. УЗИ показало девочку, и Леся сразу знала: это будет Варвара!

Сергей пожал плечами: дочь так дочь...

Дед, которому стало не хватать сил мотаться по миру, стал ездить по киевским рынкам. На одном что-то купит, на другом что-то продаст. Домой приезжал лишь к ночи. Сидел целыми днями по базарам, болтал с продавцами, общался с покупателями... Мать ругалась, что средств на жизнь и без этого хватает, а он занимается дурниной. Но дед отвечал: «Там новые люди, новые мозги. Они удивляют и удивляются».

На рынке и помер. Мать, отрыдав после похорон, сказала, что это всегда так: смерть рядом с рождением...

* * *

Летом 2013 года в гости в Белый Дом заехала Сережина родная тетка, Оксана Анатольевна. Также бывшая припятчанка, она теперь жила в маленьком городке Славутич, спутнике Чернобыльской АЭС, в Киев приезжала побродить по магазинам, иногда — в театр и тогда оставалась ночевать.

А тут появилась на пороге демеевской достопримечательности с настойчивым желанием познакомиться с внучатой племянницей. Посидела пару часов, да и уболтала Сережу назавтра отвезти ее в Славутич на машине. Заодно наконец и в гости заехать.

Субботним утром семейство Сушко собралось и поехало. И Сережа пропал. Он влюбился в Славутич с первого взгляда. Зеленый, светлый, чистый, спокойный, уютный городок.

— Смотри, тут даже велодорожки есть! — уговаривал Сергей.

— Да это идеальный город для детей и пенсионеров, — вторила ему Оксана Анатольевна, — Сережиных не уговорить, так хоть вы перебирайтесь. Леся, вашей маме здесь будет очень хорошо. У нас дети гуляют спокойно по всему городу. Безопасно, комфортно...

Город и правда был интересный. Самый молодой город в Украине, хотя и строился еще до развала Союза. Каждый район, здесь их называли кварталами, возводили строители разных республик. Из своих материалов, по своим проектам. Поэтому местечко получилось ожерельем архитектурных бусин, названных на ностальгические воспоминания о сильном СССР.

На обратном пути Леся сидела в задумчивости, рассматривала различные варианты. Но как только увидела Белый Дом с его потрескавшимися кариатидами и завитушками на стенах, все желание уехать пропало. Может быть, жена и должна быть за мужем, но здесь она была дома!

ГЛАВА 23. ЗВОНОК

— Алло, добрый день, Саша!

— Доброе утро, Леся! Доброе воскресное утро... Восемь ча...

— Это вы сделали?

— ...сов утра... Что сделали, Леся?

— В четверг мне звонили из миськрады, предлагали решить вопрос полюбовно. Хотя я с ними уже пару месяцев не общалась. Позавчера звонил журналист из... не запомнила название. Сегодня вот статья...

— Ну да, мы с Максом кое-что предприняли. Не хотела вам говорить раньше времени. Вы Макса так вдохновили, он аж искрит...

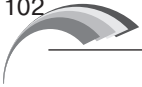
— Я? Вдохновила?!

— Ну... не знаю, что вы там ему нарасказывали, он никогда не делится, но если раньше я просила его помочь, то теперь уже он заставляет меня шевелиться... Даже... Хотя об этом пока, наверное, рано...

— Мм-м-м... Я с ним поговорила и даже не спросила, чем он занимается?

— Он кузнец...

— Кто? Очень... необычно.

— Ну, еще и внештатный собиратель материалов для моих статей и блога. Кстати, альбомы просто невероятные. Я посмотрела в лица членам вашей семьи, и мне многое стало понятнее. Такие типажи!

— А что он кует?

— Вообще? Или сейчас?

— И вообще, и сейчас...

— Сейчас, похоже, себе счастье... Леся, можно я умоюсь, кофе выпью и перезвоню? Я без допинга не соображаю...

— Ой, простите. Конечно!

ГЛАВА 24. АНГЕЛЫ

Леся вышла из подъезда и недовольно посмотрела на небо. Мелкий дождик не давал повода для радости, и тащиться по лужам к библиотеке Вернадского, куда ее просил подъехать Макс, не очень-то хотелось. Тем не менее и отказываться из-за непогоды было глупо. Леся вышла за ограду и взглянула на Белый Дом. Хотя какой он белый?! Серый, обшарпанный, никому, кроме нее, не нужный. Штукатурка висит огромными кусками перхоти, окно на втором этаже разбито.

У забора люди в оранжевых жилетах выгружали из грузовика какое-то оборудование, привычная картина. Инфраструктура частного сектора Демеевки была древней, аварийные бригады бывали здесь чаще, чем почтальоны.

* * *

Максим стоял под просторным козырьком библиотеки в джинсах и футболке и только теперь, взглянув на бугрящиеся мышцы, Леся поверила, что он — кузнец.

— Здравствуйте, Максим! — Леся сложила и потрясла в воздухе своим стареньким зонтиком. Пока она добралась, дождь почти закончился. — Если что, паспорт я взяла!

— Добрый! Паспорт?

— Я не записана в эту библиотеку, — Леся взялась за ручку высокой двери.

— Мы пока не идем в библиотеку...

— Да? Я думала... а куда мы идем?

Макс покрутил головой, выбирая направление.

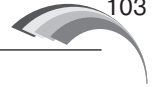
— Туда! — И открыл огромный, просто неохватный, черный зонт. — Давайте под мой!

* * *

Правая половина неба уже частично очистилась от туч и манила взгляд разнообразием оттенков: свинцовые, стальные, фиолетовые, розовые, синие, голубые. Леся смотрела на небо, а думала о том, что иногда приятно попасть под дождь и промочить ноги, потому что становится все равно, есть лужи или нет, ты просто идешь вперед по теплой воде.

— Расскажите о своей работе?

Леся даже вздрогнула от вопроса.

- Работе?
- Вы же ученый? Биолог?
- Да, но...
- Бойтесь, что не пойму?

Именно этого Леся и боялась...

— Нет, ну что вы, Максим... Я занимаюсь биолюминесценцией. Знаете, что это?

— Ну конечно! Зеленый огонек светлячка, мерцающий абажур медузы, бледное свечение гнилушки... Это одна из самых интригующих загадок биологии — как и зачем светятся живые существа...

Леся удивленно взглянула на Макса и развила тему.

— Интерес в том, что свечение живых организмов тесно связано с их внутренней биохимией. Поэтому, если извлечь биолюминесцентную систему — это набор субстратов и ферментов, чье взаимодействие ведет к излучению света, — то можно «прикрепить» ее к биохимии, например, человека, чтобы через изменения параметров свечения отслеживать внутренние процессы. Интересно же, например, как работает мозг. Или, например, физиологические проблемы — можно метить опухоли, по свечению отслеживать аномалии.

Пока Леся рассказывала, она неожиданно поняла, как сильно соскучилась по работе.

— Или можно сделать тесты на бактериальное загрязнение продуктов. Можно по ингибированию...

— По чему?

— По подавлению свечения в пробирке... оценить загрязнение или ядовитость добавленного образца. А можно просто создавать светящуюся красоту, типа биолюминесцентных растений. Или даже деревьев!

— Но ведь, наверное, мало систему выделить, ее надо изменить под цели?

— Что вы имеете в виду?

— Например, для живых организмов переокрасить. Чтобы она светила, например, красным светом. Насколько я помню, привычный всем биолюминесцентный зеленый или голубой поглощается живыми тканями, его не увидишь. Так ведь?

— Откуда вы знаете такие подробности?

— Ну, если честно, я нашел вашу диссертацию в Интернете и немножко почитал об этом.

— И что, было интересно?

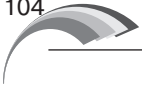
— Очень!

— Э-э-э, ну так вот! С предложением, как вы говорите, «переокрасить», мы уже работаем. Тут не все так просто... Молекулу люциферина — это общее название главного субстрата — нужно структурно изменить. Но так, чтобы люцифераза — главный фермент в цепочке реакций, ведущих к излучению, — могла катализировать с ним биолюминесценцию именно красного спектра. Кстати, с грибной системой мы так уже сделали...

* * *

Солнце уже сияло так, что Леся пожалела, что не взяла очки. Подол платья, который до этого беспрестанно прилипал к ногам, уже высох. В зелени деревьев радостно цвиринькали мелкие птички. В какой-то момент разговор перешел

на прочие пристрастия — книги, фильмы, хобби. Макс больше спрашивал, а Леся не могла остановиться. Сильно пахло весной. Впрочем, один раз и он выдал длинный монолог. Когда речь зашла про творчество.

— Сейчас все хвастают различными предметами, доказывая окружающим, что они «не хуже других», — рассуждал Макс, — «У меня тоже айфон, я тоже ношу «Прада», вот я купил паркетник... Я не хуже других...» А мне кажется, что если чем и хвастать, так это тем, в чем они лучше других. В чем их отличие. «Я сделал скворечник, я отжимаюсь 30 раз, я умею ковать металл, я здорово готовлю борщ, я сам слепил слона из пластилина...»

Леся улыбнулась. Слона она могла. Но Макс продолжал:

— Весь мир сейчас — китайская штамповка. Глупо хвастаться чем-то, что купил в магазине, чем-то, взятым снаружи — с конвейера, из тысячи подобных... А вот, что идет изнутри — оно всегда уникально. Потому что любой опыт, приведший к появлению чего-то разового, — неповторим!

Внезапно Макс спросил абсолютно об ином, неожиданно перейдя на «ты».

— Почему ты не надела свое синее атласное платье-разлетайку?

— Что-о-о?! — Синее атласное платье уже несколько лет висело на плечиках в шкафу. — Откуда ты узнал про платье?

Удивление Леси было настолько неподдельным, что Макс расхохотался.

— Прежде всего, ты рыжая! У тебя зеленые глаза. Значит, просто обязано быть, во-первых, длинное зеленое платье, во-вторых, синяя разлетайка. Ну и... я просто представил тебя в нем. Ты кружишься, а оно так — фших-фших...

— Обалдеть!

Леся была поражена: он заметил цвет ее глаз, он прочитал про нее в Интернете. Похоже, затягивало не одну ее...

— Устала гулять?

— Ясно — лошадь, раз рога!

Только теперь Леся обратила внимание, куда они идут. До Белого Дома оставалось несколько десятков метров. Вместо аварийной бригады возле фасада была какая-то суeta — люди в пиджаках, люди с камерами и мохнатыми микрофонами на палках.

— Что происходит, Макс? — Леся посмотрела на него снизу вверх.

— Мне нужно было отвлечь тебя на пару часов. Это сюрприз.

Леся взглянула на часы. Действительно, сто двадцать пять минут растворились в мироздании, как сахар в чае.

— Библиотека — просто повод?

— Угу.

— Что там?

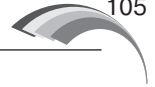
— Там пресс-конференция...

— Ээ-э-э. Чья? Надеюсь, не моя?

Макс заулыбался.

— Сашина. И не только.

Из-за спин людей Леся не видела Сашу, за ногами стоящих блестел лишь обод колеса Сашиного инвалидного кресла да слышался ее голос, который приятным тембром вещал об истории Белого Дома, о его архитектурной значимости, важности для города, о людях, которые в нем жили. Биографические цитаты не воспринимались, как истории о Лесиных родственниках.

Затем через толпу вглубь начал протискиваться человек в костюме, и Леся услышала, что его представляют, как депутата. Это был не тот человек, который приходил к ней. Конечно, ведь были новые выборы, значит, новый депутат.

Народный избранник вдохновенно рассказывал журналистам, как они усердно добивались, чтобы Белый Дом был внесен в перечень зданий, находящихся под защитой ЮНЕСКО, что этот Дом — идеальный центр культурного притяжения для жителей округа и гостей, в том числе зарубежных. Что оптимально сделать здесь музей. Возможно, музей одного семейства. Семейства Родионовых.

Тут Макс поднял руку. Депутат подал знак, и люди начали расступаться, освобождая проход. Макс тихонько подтолкнул ее ладонью в спину.

— Иди!

Так Леся впервые увидела Александру. Миловидную кучерявую девушку в стильных очках и на инвалидной коляске. Девушка улыбалась. А рядом с ней находилось какое-то чудо.

Леся немедленно забыла о толпе журналистов, депутатах и даже о Максе. Перед ней, на кованой прямоугольной подставке, стояла точная копия части их улицы. Брусчатка, деревья, забор... Все — из металла. А в середине — ее Белый Дом, отлитый в мельчайших деталях! Вокруг дома в разных позах размещались люди. Перед входом в дом человек с тросточкой приподнимал котелок, глядя на балкончик. Сбоку красноармеец в буденовке сидел на коне. На скамейке с гнутыми ножками отжимался спортсмен в борцовской форме. Но все они немедленно отошли на задний план, как только Леся взглянула на крышу. На вентиляционном коньке, прижав колени к груди, сидела ее Варька с крохотными крылышками за спиной! Леся сразу ее узнала, и глаза ее наполнились слезами. Это были горячие слезы, которые не помешали родиться улыбке. Впервые за многие дни Леся почувствовала себя счастливой.

Потом ее о чем-то спрашивали, а Леся отвечала, кто-то пожимал ей руку, кто-то просил визитку для будущего интервью, из своего кресла внимательно смотрела на нее Александра. Снова повернувшись к кованым фигуркам, Леся увидела прикрепленный сбоку шильдик. На нем значилось: «Ангелы Белого Дома. Максим Поликарпов».

— Максим, а ты мне поможешь разобраться с чердаком? Там просто страшная куча всего! Что полезное — отдам в музей, что пустое — на помойку.

— С чердаком? — Макс постучал по своей голове и насмешливо поднял брови. Леся озадаченно нахмурилась, а затем звонко расхохоталась.

— Да, и с этим тоже!

— Как ты там говоришь? Ясно — лошадь, раз рога!

АВТОРЫ НОМЕРА

Наиль МУРАТОВ. «Гамлет» как он есть».

*«Радуга» неоднократно печатала рассказы Наиля Муратова, а еще повесть «Венера Урбанская» (№ 11–12'2018). И вот впервые — стихотворения. Кстати, это поэтический дебют автора семи книг прозы, многочисленных публикаций в альманахах, сборниках. Он лауреат «Корнейчуковской премии», премий им. Пантелеймона Кулиша, им. К. Г. Паустовского.
Живет в Одессе.*

Наиль МУРАТОВ

Наиль МУРАТОВ

«ГАМЛЕТ» КАК ОН ЕСТЬ

ПРИЗРАК

Неважно, как тебя зовут,
неважно, сколько тебе лет,
когда ни там ты и ни тут —
ни человек и ни скелет,
а просто призрак, белый дым —
тень бестелесного отца.
Ты был убит ни молодым,
ни ожидающим конца.
Гертруда — верная жена
и Клавдий — братец еще тот,
как скоро замужем она:
кто ожидал такой исход?!
О, стража! Бодрствуй на посту!
О, сторож верный, прячь свой страх,
пусть колотушки твоей стук
набагом отдает в ушах.
Вот я иду с мечом в руке,
он не острее, чем мой дух,
но брезжит утро вдалеке
и дважды прокричал петух,
и лопнул камень, мак пророс,
но в царстве мертвых вечный сон
и есть всего один вопрос:
когда я буду отомщен?
Пусть дрогнет потрясенный мир!
Взываю, Гамлет, мститель мой,
явись, устрой кровавый пир!
Мне все равно, какой ценой!

ЧЕРТЫ ОФЕЛИИ

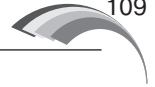
Не оставляй ее одну,
Когда она идет ко дну
Или когда ее рука
Коснется лезвия клинка
И темно-красной полосой
Проступит кровь, ведь ей самой
На это, в общем, наплевать.
Пусть кровь запачкала кровать,
Ее тревожный чуткий сон
Не этим предопределен.

Не оставайся с ней вдвоем,
Когда она грустит о том,
Что невозможно пережить,
Перетерпеть и перелить
В иной нетронутый сосуд,
В котором чувства не живут,
В котором вечная зима,
В котором спит она сама.

Не покидай ее навек —
Одну из тех немногих рек,
Что вверх стекают, а не вниз.
Ты ей никто — ее каприз,
Ее обуза и порок
И самозванный лжепророк.
Но дан пророкам красный свет —
В своем отечестве их нет.

И не смотри в ее глаза:
Они готовы рассказать
О многом — это будет ложь!
Напрасно сердце не тревожь
Тем, что не можешь осознать,—
Так будет легче то отдать,
Что ей захочется принять.

И не надейся, что любим,
Она расстанется с любимым,
Кто ищет в ней ответных чувств,—
Ну разве погрустит чуть-чуть,
А ты останешься ни с чем —
Одной из тех запретных тем,

Что ей угодно избегать,
И лишь забвение, как гать,
Застелет в памяти пятно.
Такое топкое оно,
Что, сделав шаг, увязнешь весь
И в нем осядешь, словно взвесь.

Не вспоминай ее такой —
Махнувшей на тебя рукой,
И в новый терем не зови,
Поскольку быть рабой любви
И эгоизму твоему
Ей совершенно ни к чему.

А вот когда она умрет,
Утонет, в небо уплывет,
Ты будешь каяться, чувак,
Что потерял ее вот так —
На дне, в болотистой реке
С венком в безжизненной руке!
И твой убийца — ее брат —
Отчасти будет даже прав,
Но сорок тысяч братьев и
Ее отец в своей любви
Твоей любви не чета.
И будет пройдена черта,
Вернее, пересечена,
А та, которая одна,
Тебя дождетя в небесах
В семирамидовых садах,
Ведь к ней так милостив Господь:
Она — и кровь его и плоть.

ГАМЛЕТ, ПРИНЦ ДАТСКИЙ

поле перейти наискосок
жизнь прожить в сомненьях а затем
посмотреть как утечет в песок
то что не закончилось ничем

стихнет гул подмостки проскрипят
выход твой — как воздуха глоток
кто-то наливает в чашу яд
кто-то натирает им клинок

только ты свою способен роль
доиграть до самого конца
в чем кровавой этой драмы соль?
что ты защищал что отрицал?

нет ответа каждый должен сам
сделать выбор главный и увы
лишь одно известно точно нам:
Розенкранц и Гильдестерн мертвы!

ГЕРТРУДА (Я ЖЕ МАТЬ!)

Не я убила мужа, нет, не я!
Он спал в саду, закрыты были двери.
Возможно, ядовитая змея
Вползла во двор, но это не проверить.

И что смогла б я выиграть, когда
На голове моей и так корона?!
Ее лишиться? Мол, пришла беда —
Открой ворота и прощайся с тронном?!

А что до Клавдия, его вторична роль:
Неумный, трус, к тому же склонный к пьянству,—
Ну, вот такой теперь у нас король!
Фортуна не выносит постоянства!

Союза с ним могла б я избежать
Ценой войны, раскола королевства,
Но проще выйти замуж: я же мать!
Мне сыну передать престол в наследство

Важней амбиций собственных, а он
Упреками изводит и насмешкой.
И что потом, когда взойдет на трон
И будет царствовать, я стану просто пешкой?!

Быть женщиной без признаков ума,
Разменной фигурой в чьих-то планах?!
Как много все же в Дании дерьма,
Намного больше, чем в соседних странах.

ЛАЭРТ

О, зов всепоглощающего долга,
Ты им, Лаэрт, не так уж одержим,
А мстить обязан, вот и вся недолга!
Но как остаться самому живым,
Когда противник — лучший фехтовальщик?
Ты хочешь отомстить, не умереть!
Как удержать рапиру в этих пальцах
Негнущихся? Ты облажался, впредь
Тебе наука. Действовать по плану
Предполагает: ты имеешь план.
Но учит жизнь, что было б очень странным,
Когда бы не нашелся в нем изъян.
Офелия — твоя большая слабость,
Ее любил ты больше, чем отца,
И вашей дружбы чувственная сладость
Такою оставалась до конца.
А что в итоге? Похороны в поле
За стенами дворца — пустой обряд,
Им даже мертвый будет недоволен!
Пусть что угодно в церквах говорят,
Но большего сестра была достойна,
Чем куца процессия с попом
И близкими. Неправедные войны
Никто не оставляет на потом,
Но как некстати принц пришел на встречу
Офелии с разверзнутой землей!
Ты можешь выть, кусаться и калечить,
Забиться и махнуть на все рукой,
Но щедрый дар пришел от негодяя,
От Клавдия спасение пришло!
Архангел твой, на небесах сияя,
Стыдясь тебя, закрывает лик крылом!
Ловушка! Короли бывают слабы,
Как Клавдий, наш король, и что с того!
Служа такому не добыть ни славы,
Ни золота, ни чести — ничего,
Но жребий брошен, смерть всему порука!
Назавтра поединок — принц умрет.
Все подготовлено. Как холодно. Ни звука.
Народ безмолвствует — на то он и народ!

ГОРАЦИО

Что ты задумал, пообщавшись с тем,
Кто ищет мести на пороге бездны?
И был ли мальчик? Был ли призрак нем
И был ли он чудовищем помпезным,

Желающим все разнести к чертям?!
Не разыграл ли карту ты, дружище,
Достав ее из рукава, а там —
Найдет пусть каждый ровно то, что ищет.

История не терпит простоты.
Приехав в Эльсинор из Виттенберга,
Не вздумал же, Гораций, вправду ты
С престола узурпатора низвергнуть?!

Муж благородный, в логике мастак,
Как мог забыть ты истину простую:
Начнешь игру — и все пойдет не так!
Готов ли ты проигрывать вчистую?

Но ты решился. Спусковой крючок
Невидимого глазу арбалета
Уже нажат. Стрела жужжит. Сверчок
В покоях вторит ей, и нам сюжета

Трагедии теперь не изменить!
Одни неправы, а другие правы,
Но каждый кровь готовится пролить
И это, очевидно, не исправить!

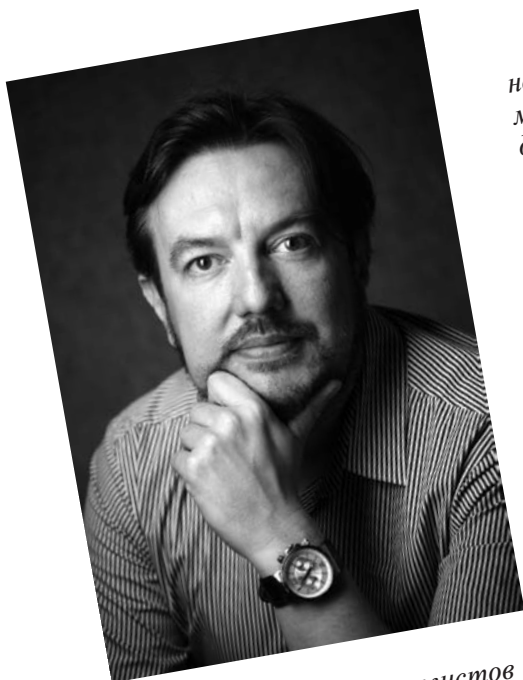
Последний акт. Ты римлянин скорей,
А не датчанин. В кубке хватит яда.
Но дан приказ — и смерти он сильней! —
Поведать обо всем. И ряд за рядом

Солдаты входят в Кронберг, там вина
Достаточно для этой высшей расы.
А что же дальше? Дальше — тишина.
И Дания под дланью Фортинбраса.

Андрей ПЕРМЯКОВ. Рассказ «Штрихи к ее портрету».

О себе: «Родился в Ровно. Получил несколько высших образований: от диплома «учителя» Ровенского пединститута до «управляющего маркетингом» в Киево-Могилянской бизнес-школе. Карьеру начинал сельским учителем, долгое время работаю в энергетической сфере. Живу «на два города»: Киев, Ровно.

Литературой увлекся в девятом классе. Автор сборников стихов «Сквозь», «Мой джаз» и «Любовь, рок-н-ролл и... V».

Участник и организатор литературных проектов, среди которых международный фестиваль поэзии «Terra Poetica» (2014). Представлял Украину на международном фестивале искусств «Wschód Kultury» (2015) в Польше. В 2018-м публи-

ковался в сборниках финалистов международных конкурсов «Эмигрантская лира» (Бельгия) и «Arka Fest Barsełona» (Испания). Переводчик текстов зарубежной рок-музыки на украинский язык, которые были напечатаны в журнале «Всесвіт», отмечены специальным призом конкурса «Коронація слова» и легли в основу проекта переводов песен «Книга Rocky».

Автор текстов и актер в современной украинской рок-опере на английском языке «Орфей и Эвридика навсегда». Создатель поэтического моноспектакля «Любовь, рок-н-ролл и... V» в киевском театре «Сузір'я». Женат, воспитываю сына Егора».

Андрей ПЕРМЯКОВ

Андрей ПЕРМЯКОВ

ШТРИХИ К ЕЕ ПОРТРЕТУ

Рассказ

Она говорила: денег должно хватать на баловство, излишества и благотворительность. Иняз, Фулбрайт, Стенфорд, глобальные дружбы и связи.

Она увлекалась мастерством гейш, искусством шибари и шейпингом.

Она обожала секс, путешествия и поэзию. Она создала бренд одежды, компьютерную игру, яхтенную регату и молодого европейского политика.

Многое она любила делать ювелирно, например: носить Tiffany, Harry Winston и мольфарский амулет из рябины и яфонов, но не любила носить нижнее белье.

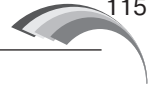
Арабский шейх учил ее верховой езде и сажать вертолет в предместьях Монако, она его — тонкостям шугаринга.

В высокогорном Медео, лежа в ванной, настоящей на мхе из рогов горных алтайских баранов, она консультировала доверенное лицо акимата Алматы по поводу тонкостей сотрудничества с Google.

Она шептала смуглому греку «калинихта», обнимая его голову ногами и примеряя его бороду у себя между ног. Выпуская дым кольцами, она цитировала Грега Зорбу: «Если какая-нибудь женщина спит одна, то виноваты в этом мужчины. За это придется отвечать на Страшном суде. Бог прощает любые грехи, но такой грех он не прощает!..» И грек подарил ей яхту, набитую шубами.

Играя в гольф в предместьях Лондона, она обратила внимание на молодого, статного, как Биг-Бен, англичанина, водителя лимузина бывшего министра России. Они катались по ночному лондонскому туману, она называла юношу медвежонком, вскоре тот ограбил своего постылого русского босса, а позже стал успешной моделью.

Итальянский режиссер умолял ее сняться в одном, но самом главном кадре, где она должна была застрелить протагониста по сценарию и заплакать... Съёмочная группа на озябших улицах Болоньи не могла дожидаться от нее слез. В результате в фильме остался кадр, где она расхохоталась и выстрелила. Потом она проплакала всю ночь в номере у Изабель Юппер.

А уже через несколько дней она совратила буддийского монаха в чайном саду у храма Дайкоку, где тот узрел Будду, познал нирвану и оральный секс, и все это одновременно.

В Могадитшо она выкупила у сомалийских пиратов племянника управляющего партнера бахрейнской нефтяной компании и привезла его в Йоханнесбург, чтобы стать почетным свидетелем на его тайном венчании с магически красивым капелланом отряда теноров-канареек вооруженных сил ЮАР.

Лидеры бразильских наркокартелей остановили войну в фавелах Сан-Пауло только, чтобы увидеть, как она пьет кишасу и танцует самбу.

А она уже веселилась на мексиканском побережье в праздник мертвецов и отдавалась 19-летнему мускулисту потомку ацтеков под песню *Shoking blue* «*Demon Lover*», тихо улыбаясь придуманной забавной рифме: «куни в Канкуне».

Молодой нью-йоркский дизайнер сделал из ее скомканной простыни инсталляцию, назвал ее «Знаменем любовного плена» и покорила арт-центр на Манхэттене.

Она кормила пеликанов на маяке Форт Лодердейла на вечеринке у Джерарда Лето, где целенаправленно спаивала Микки Рурка до состояния его лучшей роли Чарльза Буковски в фильме «Пьянь».

Манола Бланику видел ее на своей вечеринке, танцующей под песню группы *Cinderella* «*Don't know what you got till it's gone*», и создал лучшие туфли в своей карьере.

Она была спикером на австралийском TDEx с темой о креативных индустриях, о «*inbox thinking*», «*out of box thinking*», «*NO box thinking*» и «*no thinking of any box at all*», ведущей благотворительного бала Rotary клубов штата Висконсин, специальным гостем с темой по доминантной толерантности на скандинавском слете приверженцев БДСМ-культуры.

Раз в год она отрезала головы кобрам в Камбодже, сдирала с них кожу, нарезала змей ломтиками, пила кровь и, напевая кхмерские песни, уходила медитировать в ночные джунгли.

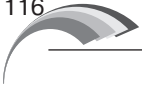
Она освоила на яхте маршрут средиземноморского паломничества Чайлд Гарольда, которого называла «Чайлдфри-пилигримом». Она переплыла Босфор, поднялась на Эльбрус и несколько раз прошла Путь Сантьяго разной сложности.

Она переводила латиноамериканских писателей и деньги в офшоры, но еще чаще переводила средства на карточки молившим о помощи, чем способствовала укреплению их веры в Бога.

Она считала, что в жизни женщины должно случиться множество любовников: непременно какой-нибудь глобальный финансист, чей-нибудь наследник и какой-то молодой непризнанный гений, хотя, может быть, и признанный, а лучше — все они одновременно.

Она любила читать вслух поэзию Игоря Рымарука, Арсения Тарковского, Дилана Томаса, Хуана Рамона Хименеса и Поля Верлена, и все в оригиналах.

Поэтические презентации вызывали у нее изжогу. Она не любила литературных зазнаек и зануд, адептов Бродского и «сопли в сахаре» для недолюбленных женщин. Ее раздражало огульное цитирование «Пливи, рибо, пливи» прыщавыми студентками с немывтыми головами, но она часто восхищенно повторяла: «*Наши діти, Маріє, ростуть ніби трава*». «*Нада ж — Жадан*», — палиндромила она. Ее же дети росли и учились под ласковой, но требовательной заботой голландской образовательной системы.

Мне она льстила, что я забавный, драйвовый, вместо топ-менеджерской карьеры отдал «полжизни на рок-н-ролл и потехи-утехи», и настоящий, потому что целостный, хоть и не всегда соблюдаю ритм в катренах. «Например, в сексе ритм это не самое главное, и в стихосложении, может, тоже не главное, но это — признак владения техникой. Зато ты придумал джаз-н-ролл и никогда не брюзжишь, а когда все пытаются затянуть женщин в постель, ты мечтаешь затянуть их в театр! Ты посвящаешь стихи и можешь отличить комплименты от оценочных суждений! Ты заражаешь тем, что заряжаешь», — вдохновляла меня она. Да, она меня вдохновляла. Иногда она мне снилась.

Она часто снилась своим поклонникам и любовникам по всему миру под разными именами: Матильда, Тамила, Инга, Присцилла, Двойра, Рейчел, Дебора и Анна-Мария Тиштиера Баптиста.

Но по-настоящему ее звали Оля. Ее первой настоящей любовью был одноклассник Толик. Ей до сих пор было приятно, что этот дурачок посвятил ей стих: «Что сказать об Оле? Самая лучшая девочка в школе. Оля плюс Толя — равняется доля».

Толик больше всего в жизни любил обдумывать схемы обогащения и собирать микросхемы. Он работал в Киеве продавцом батареек на радиорынке, в киоске с жизнеутверждающим названием «Элементы питания БРИЗ», и подрабатывал грузчиком на Караваевых дачах возле дома, когда элементов питания на питание не хватало.

«Какая яркая могла бы быть у меня жизнь с Толиком! — иногда вздыхала она. — Ведь я бы могла сделать из него Короля поэтов!»

Александр МАРДАНЬ

ПИСАТЕЛЬСКИЕ РЕЦЕПТЫ

Писатели, как и вареники, делятся на две категории — ленивые и неленивые. Первые не лепят. Тесто, нарезанное на скорую руку, кидают в кипящую воду и варят. Вынимают, добавляют творога, немного сметанки — и готово. Это быстро и, случается, даже вкусно.

Одни люди записывают свои истории — это те, которые неленивые, а большинство, которые ленивые, — нет. Ленивые вареники — маленькие истории, рассказанные соседу в трамвае, дорогой на работу или за чашкой чая. Такие есть у каждого.

Хорошая история — это то, что помогает человеку выжить с незапамятных времен. Еще не придумав письмо (я уже молчу про историю на теле- и кино-экранах), первые писатели передавали собственный опыт устной историей, что предостерегала, объясняла или успокаивала. Так до нас дошли легенды и предания.

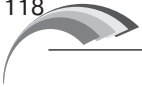
Даже одна и та же история, рассказанная разными людьми, будет отличаться. Кое-что, конечно, совпадет, но далеко не все. А все потому, что, даже основывая рассказ на документальном событии, мы видим и оцениваем его субъективно. Будет ли это рассказ про нас или про соседа, воспоминания детства или молодости, мы часто приукрашиваем, выделяем яркие для нас моменты, а что-то, наоборот, оставляем за кадром. Таким образом, история каждого получается аутентичной, то есть самобытной.

Первая и главная цель истории, начиная с тех времен, когда наши прародители всем племенем сидели вокруг костра, была в обмене опытом. Это искусство, зародившееся в незапамятные времена, и до сих пор не теряет своей актуальности. Только теперь история не только инструмент, с помощью которого мы обмениваемся опытом. Грамотно сконструированная история — ресурс, который отправляет человека в эмоциональное путешествие, дает ему возможность психологического расслабления, катарсиса и в некой мере даже исцеления.

---

* *Александр Мардань* — прозаик, драматург, сценарист. Заслуженный деятель искусств Украины. Живет в Одессе.

История прошла тот же путь, что и человечество. Изменения в темпе жизни изменили и ее. Она постройнела, стала лаконичнее, точнее.

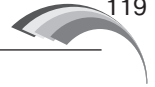
В каждой истории есть начало, середина и конец. Ведь в некоторой мере история, будь она подана в виде анекдота, рассказа, романа, пьесы или сценария, это не что иное, как путь героя в определенный временной отрезок его жизни. Путь или приключение героя — это то единственное, за чем зритель будет следить. Но почему? Все просто. Нам интересно, чем все закончится. Ведь герой, или как его еще называют «протагонист», проходит этот путь не просто так. У него всегда есть некая цель — скрытая (потребность любви, поиски себя, месть, добиться поцелуя девушки или прощения) или открытая (найти деньги на операцию, разгадать секрет, побороть злодея, найти работу или жениха), к которой он двигается на протяжении истории, а когда цель достигнута или герой отказывается от нее, наша история подходит к концу.

И если рецепт вареников знает каждая уважающая себя хозяйка, «рецепт» рассказа или пьесы многих загоняет в угол. А есть ли вообще он? Веря утверждениям Роберта Макки, Лайоша Эгри или Аристотеля, он тоже существует. Но если да, то как так получается что истории, написанные на одинаковые темы, все же разные? Здесь все как с борщом. Ведь, согласитесь, борщ каждой хозяйки будет немного отличаться.

Классическая история условно делится на три акта, а их, в свою очередь, тоже можно разделить на части. Знакомство, именно с него мы начинаем. Задача первых страниц — представить героя и мир, в котором он будет действовать. Затем всегда что-то происходит, или что-то произошло в прошлом, но мы узнаем про это сразу после того, как нас окунули в мир истории. Это «что-то» одни называют катализатором истории, другие завязкой, а третьи — подталкивающим происшествием, из-за которого и начинается путешествие героя. Раскольников решает убить старуху («Преступление и наказание»); Онегин едет в деревню и встречает Татьяну («Онегин»); Джек Торренс нанимается работать смотрителем отеля («Сияние»); Ромео встречает Джульетту («Ромео и Джульетта»); на улицах города появляются носороги («Носороги»), и пошло поехало.

Дальше у героя рождаются цель и некая нужда. С целью все понятно, так как она внешняя и двигает сюжет, актеры называют ее «сверхзадачей», а шаги, которые делают чтобы ее достичь в каждой отдельной сцене, — «сквозным действием». Ромео хочет добиться любви Джульетты и жить с ней долго и счастливо. Но, конечно же, интересная история тем и интересна, что добиться цели непросто. Именно поэтому зритель и следит за путешествием протагониста, за его неудачами и маленькими победами, ассоциируя себя с героем.

А вот с «нуждой», которая возникает тогда же, когда и цель, а может, и намного раньше, сложнее. Внешне она может и не отображаться, ведь она не ведет действие, а развивает тему, выстраивая второе и третье дно истории. И если цель это то, чего желает герой, то нужда это то, о чем он может и не подозревать. Но именно ее реализация сделает героя по-настоящему счастливым. Если взять в качестве примера мою пьесу «Дочки-матери», то катализатором становится авария, где героиня сбивает человека и «попадает» на большие деньги. «Благодаря» этому у нее появляется цель — заработать денег, чтобы отдать долг. Так же и со второй героиней, ей тоже нужны деньги. И только приближаясь к финалу, зритель понимает, в чем они по-настоящему нуждаются — в поддержке и простом

человеческом взаимопонимании. Это и есть их «нужда», восполняя которую, они неким образом очищаются, а у зрителя происходит катарсис.

Это если говорить о глубине произведения. Чем оно глубже, тем больше тем автор поднимает на рассмотрение читателя, зрителя. Тем дольше история останется с нами — мы будем обдумывать ее и пересматривать, находя все новую пищу для ума.

Возвращаясь к катализатору и раскрытию цели героя, надо сказать, что все это происходит в первом акте или первой трети истории. Весь второй акт протагонист будет всяческими методами пытаться достичь желаемого и, как ему кажется, очень нужного. Эту часть я называю «американские горки», потому что история то поднимается вверх, то падает вниз, динамично развиваясь до третьего акта.

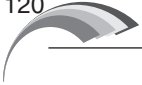
В третьем акте героя ждут испытания на прочность. В классических боевиках именно тут герою встречаются плохие парни, и он бьется с ними не на жизнь, а на смерть. Здесь же он теряет своего друга, любовь или приносит в жертву какие-то свои моральные принципы. После теряет все надежды на победу, и иногда мы видим некий «фальшь-проигрыш», когда кажется, что все потеряно, однако герой вдруг понимает свою «нужду», а затем и получает желаемое или отказывается от него в пользу того, что ему нужно.

Возвращаюсь к примеру из пьесы «Дочки-матери». В третьем акте случается некая трагедия, и переживая эту ситуацию, героини вдруг понимают, что им не нужны деньги. Я не буду пересказывать пьесу, выделю главное — после, как кажется, полного тупика протагонисты осознают, что им нужно на самом деле, и выходят сухими из воды. В итоге мы получили классическую историю с некоей не прописанной моралью.

Неважно, пишете вы рассказы или романы, пьесы или сценарии, в какой кастрюле и на какой плите вы бы не готовили борщ — ингредиенты всегда одни и те же. Всегда есть начало, середина и конец. Всегда есть герой, который чего-то хочет. Часто у него есть антагонист — человек, болезнь или стихия — его задача в том, чтобы усложнить путешествие героя. И когда это путешествие подходит к концу, а антагонист отступает, наша история тоже заканчивается.

Хотя история и остается прежней, одежды она меняет постоянно — мы начинаем с конца и показываем ее реверсией, можем рассказать одну и ту же историю с разных точек зрения — структура «расёмон», показать конец, а потом начать все сначала, рассказывать ее линейно или, наоборот, не в хронологическом порядке. Не говоря уже о том, что мы можем рассказывать историю от разных лиц — как участник или как наблюдатель. Возможно, это сделает ее запутаннее, сложнее, но структура — начало, середина и конец — все равно должны быть. Так уж устроено человеческое восприятие. Упущение любой из этих частей может привести к тому, что история не будет понята читателем, зрителем. А ведь мы пишем для того, чтобы нас читали, смотрели.

Драматургия это отдельное направление в литературе. Она, как и сценарное искусство, неким образом отличается от прозы. Главные различия в том, что в прозе автор часто описывает то, что герой чувствует, его внутренний мир, а пьеса или сценарий нацелены на то, чтобы показать историю в действии. А еще в драматургическом произведении — главное диалог или монолог, что, по сути, тоже диалог, только с самим собой, иногда произносимый через аудиторию — апарт.

Также для меня очень важное различие в том, где, на какой ниве и с кем хочет трудиться автор. Он хочет быть единоличником? Тогда он должен заниматься прозой. Либо он хочет поступить в колхоз, коллективное хозяйство, и начать принимать участие в синтетическом искусстве под названием «театр» или «кинематограф» — тогда ему следует браться за написание пьес или сценариев. И тут он должен четко понимать — то, что он что-то придумал, совсем не значит, что именно это и будет воплощено на сцене или на экране. Потому что между готовым сценарием или пьесой, фильмом либо спектаклем, который увидит аудитория, будет еще много разных творцов, и каждый захочет добавить что-то свое.

Когда случилась первая постановка моей первой пьесы, режиссер Николай Чебыкин, определив, что автор молодой и неопытный, на мои замечания, касающиеся изменений в пьесе, сказал формулу, которую я запомнил на всю жизнь:

«Автор пишет про себя, режиссер ставит про себя, актер играет про себя, а зритель смотрит про себя. Понимаете, я же не вы, я ставил про себя. То, что вы написали, но про себя. Раз вы устроились в колхоз агрономом, то не хватйтесь за сердце, если водитель немножко выпил и по дороге на элеватор перевернул машину с зерном, и его грачи склевали. Вы хорошо работали, а он немножко выпил. Ну, забыл артист реплику. Или в буфете были несвежие пирожные, и весь ваш талант оказался смазанным под утро...»

С другой стороны, у всего в этом мире есть плюсы и минусы. Минусы работы в театре тут же оправдывают себя, когда дело касается просмотров.

Написал ты повесть, хороший журнал ее напечатал. Отлично, но какие сейчас тиражи? Тысяча, пятьсот экземпляров? Тираж пять тысяч экземпляров — это уже бестселлер.

А вот если случился хороший спектакль в хорошем театре и проживет он семь-восемь-десять лет — его посмотрят тысячи, десятки тысяч людей.

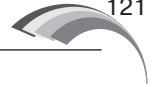
Но даже и не это главное. Эмоциональное воздействие от того, что зритель видит на сцене, на порядок отличается от того, которое он получит от прочтения.

Недаром в Древней Греции сцены античных театров были огорожены рвом, куда наливали воду. Ведь иногда зрители так сопереживали героям, что готовы были сами восстановить справедливость, выбегая прямо на сцену. В таких случаях эта вода кого-то охлаждала, а кому-то не давала добраться до актеров.

Это уже потом люди стали понимать, что если Гамлета убили, то это не значит, что вы не встретите его через час в пивной или в очереди за колбасой.

Кстати, Станиславский запрещал актерам выходить из театра раньше, чем через час после окончания спектакля. Он был категорически против того, чтобы зрители видели актеров обыкновенными людьми в потертых штанах или в стоптанных туфлях. Актер — служитель храма. И это, наверное, правильно, ведь касается силы эмоционального воздействия.

А вот Горький был против усиления эмоционального воздействия, и поэтому категорически возражал против сценического воплощения работ Достоевского. Он считал, если человек читает Достоевского, у него еще есть возможность противостоять его ошибочным, по мнению Горького, мыслям, а если человек видит это со сцены — это разрушает психику.

Сейчас театр, безусловно, потерял ту свою социальную значимость, которая была у него лет 50 назад. Я еще застал людей, которые специально ездили из Одессы в Москву для того, чтобы попасть на «Мастера и Маргариту» в Театр на Таганке и потом с придыханием пытались воспроизвести своим голосом фразу Воланда на балу у Сатаны: «Ну, вы там пофантазируйте, кто следующий». Или ездили в Ленинград в БДТ смотреть «Горе от ума», где молодой Юрский играл Чацкого, и слыша его монолог «Когда один из нас, из молодых...», понимали, что это не про тогда, а про сегодня.

При советской, самой жесткой цензуре в театре проскальзывали вещи, которые не могли проскочить ни в кино, ни в прессе. Потому что театр — искусство живое. Паузы, интонации, мимика и жест — были неподконтрольны цензуре.

По большому счету, что касается духовности человека, и сейчас мало что изменилось со времен Николая Васильевича Гоголя. Может быть, поэтому так популярны его сатирические произведения.

Так вот, еще в советское время выпустили в театре «Современник» спектакль, где высмеивались понятно кто и что, и пригласили в участники постановки автора гимна Советского Союза Сергея Михалкова. Пришла представительная комиссия из министерства культуры, других правительственных органов. Внимательно смотрели спектакль. В зале установилась гробовая тишина. По воспоминаниям актеров, в этот момент они поняли, что спектакль жить не будет. И вдруг эту тишину нарушил голос автора гимна: «Да, такой пощечины царское самодержавие давно не получало».

Сегодня театр, на мой взгляд, не может успешно конкурировать с телевидением, Интернетом. Там намного шире аудитория и степень подачи другая. Но мне кажется, что в театре осталась одна из его главных функций, которая всегда в нем присутствовала, но, может быть, не всегда она выходила на передний план, — психотерапевтическая.

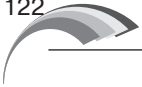
Театр — храм. Такое сравнение не я первый придумал. Слово «храм» и слово «харем» («гарем») однокоренные слова. И то, и другое на иврите означает «запрет». В те старые приснопамятные времена запрещалось заходить в здание храма, всем, кроме священников. Потом в храмах появился алтарь, в алтарь мог входить только священнослужитель. То есть все равно есть запрет.

Когда мы говорим, что театр — это храм, то безусловно, у него есть что-то общее с храмом как элементом той или иной веры. Хотя бы с точки зрения того, что в хорошем театре, так же как и в храме, происходит очищение. В театре мы это называем словом катарсис.

Главная задача религии — спасти душу человека. А задача театра — эту душу врачевать.

В 1927 году во МХАТе шел спектакль «Дни Турбиных». Играли там Хмелев и другие замечательные артисты. Так вот, известно, что Сталин посмотрел его 18 раз. Я задавал вопрос Олегу Павловичу Табакову и Анатолию Мироновичу Смелянскому, на тот момент ректору Школы-студии МХАТ — это правда или это легенда? Ответ был: «Правда. Сохранилась тетрадь с записями посещений правительственной ложи. Хотите, мы вам покажем».

Так неужели в течение года Сталину делать было нечего, или он с первого раза не понял, про что этот спектакль? А может, роман у него был с какой-то

актрисой? Нет, не было романа. Он тогда еще любил свою жену, Надю Аллилуеву. Во всяком случае, ничего другого нам история не рассказывает.

Значит, он ходил на этот спектакль для того же, для чего и другие зрители ходят на один и тот же спектакль помногу раз. Они ходят на сеанс психотерапии.

Мне кажется, что Сталин с детства очень хотел быть офицером. Была у него такая мечта. Подтверждение этой моей версии и то, почему вдруг в 1943 году в Красной армии появились погоны.

Если посмотреть портреты Сталина, то очень мало таких, где он во френче, и очень много тех, где он в форме генералиссимуса с золотыми погонами.

До 1943 года слово «офицер» в Советском Союзе носило практически ругательный характер. Были красные командиры. Офицеры были врагами. И вдруг посреди войны Сталин это поменял, и появились погоны.

Мой отец, который был мальчишкой в оккупации в Одессе с 1941-го по 1944 годы, рассказывал, что когда Красная армия вступала в город, а немцы отступали, то мальчишки, естественно, побежали навстречу, на окраину, откуда заходили наши части. Когда они увидели первых советских солдат и офицеров, то подумали, что это власовцы идут и будет какая-то зачистка. А все потому, что они были с погонами, а никто про погоны не знал.

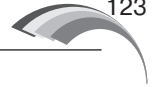
А откуда было знать? За наличие радиоприемника расстреливали как немцы, так и советские. Война началась — радиоприемники всем сдать. Потом пришли немцы и еще раз напомнили. Тех, кто забывал, расстреливали что одни, что другие. Потому что была монополия на ту информацию, которую люди должны были получать. Однако я немного отвлекся.

Сталину хотелось быть офицером. В силу ряда причин — физический недостаток (проблема с рукой), революционная деятельность — эта дорога была перекрыта. И вот теперь он смотрел «Дни Турбиных», потому что там красивые офицеры и соответствующая история, кто помнит, о чем роман «Белая гвардия».

Кстати, возвращаясь к профессии драматурга, отмечу с улыбкой и такое ее преимущество — соседи по афише. Представьте — сверху Чехов, под вами Булгаков, чуть выше Шекспир. Хорошая компания!

А главное направление, в котором, по моему мнению, должна сегодня работать драматургия, — это психотерапия, психологический театр. Театру бессмысленно соревноваться с цирком в стараниях и желаниях удивить зрителя. Все имеет право на жизнь, но мне кажется, что цирк это сделает лучше.

В мире, где вы ни на минуту не остаетесь в одиночестве — бесконечные звонки, сообщения, социальные сети, телевизор, радио, — мы одиноки как никогда. Люди стали заложниками собственного прогресса. Поэтому главная цель театра дошептаться до зрителя. В этом тоже заложен некий конфликт, как, собственно, и в самом драматическом произведении. Конфликт уже в том, что многим кажется — чтобы донести некую проблему, тему, суть, нужно сказать про это громко (касается актеров), остро (касается драматургов), эпатирующе (касается режиссеров) Чтобы зритель вышел чуточку другим, чем он был до этого. Но ведь все мы знаем, что истинное искусство состоит в том, чтобы раскрыть проблему, не тыча ею в лицо. Иногда даже не упоминая о ней. Фокус в том, что публика отнюдь не дура, и если визуальная и вербальная составляющие правильно подобраны, то третий смысл (речь идет о теме, идее, спрятанных подтекстах произведения) зритель увидит сам.

Взять хотя бы пьесу «Гартюф». Здесь четко прослеживается мысль о том, что роющий яму другим в нее и упадет. Заметьте, чтобы донести ее, Мольер не использовал мата, не раздевал театральную труппу и не прибегал к другим эпатирующим средствам. Придерживаясь классической структуры, он выстроил четкий конфликт и цели, расставил сверхзадачи. Затем дал возможность публике увидеть историю и самой выяснить ее третий смысл, определив подтексты и внутренние идейные наслоения.

Напомню, конфликт движет действие. Если нет конфликта, то, собственно говоря, это уже вывеска, а не драматическое произведение, поскольку слово «драма» в переводе с греческого языка означает «действие», а значит что-то должно происходить.

Как я говорил вначале — дайте герою цель, а затем сделайте все возможное, чтобы ее достижение было для него не простым. Пусть ему мешают или антагонист, или силы природы, или общество, или он сам. Вот вам и конфликт. В зависимости от инструмента, который вы выберете, он может быть внешним или внутренним; личным, межличностным, конфликт человека и общества, мировой, конфликт с Богом или с природными катаклизмами (этот очень любят кинематографисты — вспомните фильмы-катастрофы). Конфликт движет всем, это касается не только литературы, но и жизни.

И что примечательно, все эти конфликты можно обобщить и собрать в один — конфликт человека с самим собой. Если человек сам с собой договориться может, то и конфликта нет. Но, как правило, он не может. Еще Сартр когда-то сказал, что суть реальности состоит в недостаточности. Была когда-то такая песня «А мне всегда чего-то не хватает: зимою лета, осенью — весны».

Если подумать, не только денег много не бывает. Любви много не бывает. Понимания много не бывает. Внимания много не бывает.

Возьмем нищего, возьмем Билла Гейтса — между ними деньги распределены одинаково, денег не хватает. Только одному не хватает на булку, другому не хватает на какой-то новый проект. Всем всегда чего-то не хватает — это бесконечная база для создания новых произведений.

Жванецкий говорил: «Что, сюжетов нет? Сходите в суд».

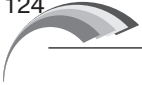
Помните историю, когда знаменитый адвокат подарил Льву Николаевичу Толстому историю романа «Воскресение», вернее, историю Катюши Масловой, которая потом вошла в роман.

Особо талантливое произведение возникает тогда, когда в сознании неким удивительным образом соединяются две абсолютно разные, на первый взгляд, идеи. И тогда, как из мужского и женского начал, появляется абсолютно новое третье существо.

Человечество уже не в состоянии придумать принципиально новых алкогольных напитков. Но вот коктейли, какие-то неожиданные смеси, неожиданные сочетания еще можно.

Недаром говорят, что все написали греки. Все написали Эсхил, Софокл, Эврипид. Что мы новое придумаем, если все разобрали? Шекспир очень многое брал у них же, и у многих других, которых мы не помним, а вот Шекспир остался. У него всего два-три оригинальных сюжета, все остальное — некие переосмысления.

Что касается взаимоисключающих идей, то более противоречивого героя, а потому и более востребованного, чем Гамлет, нет.

Я воспитывался в той эпохе, когда нам говорили, что Гамлет — герой, нравственно опередивший свое время. Я задумался — как же он его нравственно опередил, когда он убил одного человека, отправил на смерть своих друзей, мотивируя тем, что они под ногами путаются. Любимую девушку довел до смерти... Гамлет, как и чеховские Треплев, Нина Заречная, — кому-то нравятся, кому-то нет, но именно эта противоречивость и притягивает к себе.

Эти авторы что-то нащупали, раз мы по сей день нуждаемся в их работах. Что еще раз говорит о том, что литература, драматическое искусство — неотъемлемая часть нашей жизни в любое время.

Всеволод КОВТУН. Стихотворения.

То, что Всеволод Ковтун умеет — и умеет замечательно! — можно перечислять долго. Он фотохудожник, дизайнер, оформитель книг, дока во множестве компьютерных новшеств. Эмблемы рубрик нашего журнала придуманы и выполнены им. Также в последнее время он стал автором серии очень оригинальных изданий, в которых проявил себя как знаток искусства, истории, архитектурных изюминок родного Киева: «Відлік», «Укр.иття», «А может, преступление, а может, наказание...», «Тут був слон». Познакомиться с этими книгами и приобрести их можно на Фейсбуке автора <https://www.facebook.com/vsevolod.kovtun>.

И вот совсем неожиданно, во всяком случае для нас, Всеволод Ковтун заявил о себе и как поэт. Причем выбрал он новую и пока непривычную форму стихов — так называемые пирожки — ямбовые четверостишия без рифмы, без знаков препинания, прописных букв. (Также не являются опечатками написания на манер «както», «смысыл» и т.п.) В издательстве нашего журнала увидели свет два его поэтических сборника — «Вот эта книга с пирожками...» и «Перші українські пиріжки». Название второй книги совсем неслучайно. На украинском языке сборники пирожков раньше не выходили.

Всеволод КОВТУН

Всеволод КОВТУН

* * *

ну что сказать такое время
о кругу взглядом обведя
произнесла усталым тоном
кукушка выйдя из часов

* * *

я нравлюсь мужикам небритым
точнее даже одному
а что я сам мужик не страшно
ведь просто нравлюсь я себе

* * *

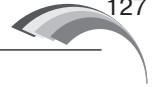
когда тебя зовут к обеду
почти внимательно письмо
порой бывает очень важно
к обеду или на обед

* * *

меня рывком с утра поднимут
натянут что-то поведут
сквозь тьму и холод к манной каше
приснится же такой кошмар

* * *

пройдемте слышит тетя люба
и с рынка мент ее ведет
старушки крестятся вздыхают
и говорят прошла любовь

* * *

разведена в графе фейсбука
указывает натали
узнать бы думает василий
на что и кто ее развел

* * *

друг друга мы нашли тупыми
а вот искали бы себя
никто другого не нашел бы
и не тупым и вообще

* * *

мой муж буквально умирает
а я всегда переносу
недомогания спокойно
и в загс иду с очередным

* * *

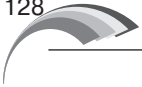
ходил стиральную машинку
себе купить но не нашел
вот так стиральная резинка
и появилась у меня

* * *

олег сдиральную машину
закажет на алиэкспресс
чтоб не возиться с курсовыми
и чтоб начать писать хиты

* * *

не продается вдохновенье
печально в трубку говорит
высокий незнакомец в черном
покинувший аукцион

* * *

бетховен только с черных клавиш
на пианино пыль стирал
и все ему ну что ж ты людвиг
но он не слушал никого

* * *

у входа в суд стоит геннадий
не знает звездный ли состав
и задает туда входящим
вопрос а дескать судьи кто

* * *

учтя раскаянье виновных
судья выносит свой вердикт
и наказание смягчая
он с мягким знаком пишет штрафъ

* * *

олег и глеб в костюмах зайцев
взяв гривен по сто шестьдесят
пришли поздравить тетю машу
она в трамвае контролер

* * *

как уточнило министерство
все опечатки устранив
за гражданами наблюдает
семейный их не врач а враг

* * *

глеб заразительно смеялся
и персонал стремился прочь
и надевал вторые маски
и санитайзер распылял

* * *

опять пургу гоняют люди
и нервно мечется пурга
стучась в закрытые ворота
крича во тьму глухих окон

* * *

я жду зимы сказал ираклий
и все кто занимал за ним
ушли немедленно в чем были
а игорь вовсе побежал

* * *

вы дочитали до морали
детей спросила зульфия
наперебой хвалились дети
я дочитал я домарал

* * *

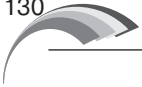
кричали дети дядя дядя
вы что на оргию пришли
так это будет не сегодня
еще не съехал детский сад

* * *

олег хотел по объявлению
себя на органы продать
но предпочла анastasия
его на оргии купить

* * *

олег стучится ночью к зое
она волнуется дрожит
уже и дверь открыть готова
но стук звучит внутри нее

* * *

она заламывала руки
крича олег не уходи
и тот заломленной рукою
уже не мог пошевелиться

* * *

будь мужиком геннадий пишет
прочтя оксаны грустный пост
будь мужиком геннадий он бы
быть мужиком не предлагал

* * *

учти как встретишь человека
вот так его и проведешь
сказал геннадий и внезапно
меня поперся провожать

* * *

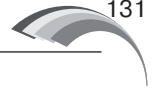
я расплачусь услышал дмитрий
и с облегчением вышел прочь
и не слышал уже как тихо
в кафе расплакалась зухра

* * *

я выйду говорит за кофе
мне вроде пофиг а потом
вдруг выясняется что замуж
и мне уже не пофиг нет

* * *

дотошно ты в погонных метрах
измерил все что я гоню
а глубину души прикинул
некрупный бросив камушек

* * *

задачник я с конца читаю
и проявляя хитрость всем
прочитанным ответам сразу
условия задач пишу

* * *

я геометрии начала
прочесть едва ли соберусь
не верю в то что будет яркий
и неожиданный конец

* * *

она предпочитала книги
искала день читала ночь
а он редактором работал
все книги он предпрочитал

* * *

вот тот кто ненавидит книгу
обложкой вниз кладет и ждет
и смотрит как она страдает
и зря страничками сучит

* * *

есть те кто очень любят книги
и те кто любят их любить
а те кто тупо их читают
те потребители и фу

* * *

мы между строк читали с детства
пусть даже пусто между строк
пусть даже вовсе нету строчек
а только злой интерлиньяж

* * *

достался мне билет с вопросом
который не готовил я
пыхчу краснею и нелепо
стою в трамвае у окна

* * *

ответов больше чем вопросов
стоят ответы в стороне
платочки теребят поставят
вопросы ли еще вопрос

* * *

геннадий пирожки глотает
ему не важно что внутри
оксана пирожки читает
ей важно что но не поймет

* * *

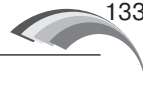
семейный стол накрыт под вечер
оксана с конкурса пришла
и приставали слышит батя
и приз давали слышит мать

* * *

ты многогранно одаренный
сказал олегу николай
а ты зато блин многократно
подумал с завистью олег

* * *

а этот памятный подарок
был многократно отдарен
его любой из одаренных
встречал потом еще не раз

* * *

я справился почти ребята
я полумеры принимал
всем приоткрыто выражая
свой нерешительный протест

* * *

когда я вижу ваши лица
то завершаю пирожки
строкой печалится геннадий
и наполняю свой стакан

* * *

в чем смысл жизни друг геннадий
но молча молча смотрит друг
и то ли он ответ не знает
а то ли не геннадий он

* * *

огни на мокрых тротуарах
отражены в глазах зухры
и глеб смущенно произносит
а этот дождь тебе идет

* * *

пиши еще сказала зоя
когда отхлынула волна
я жду когда опять нахлынет
сказал я стоя на песке

Владимир ЗВИНЯЦКОВСКИЙ

ПРОКЛЯТОЕ СЕЛЕНИЕ ТЫШКА

К завершению тридцатилетней «Ведьминой трилогии» Марины и Сергея Дяченко

*Начались его подвиги напрасные,
С баб-ягами никчemuшная борьба...
Тоже ведь она по-своему несчастная,
Эта самая лесная гольтьба.
Сколько вeдьмочек пришибнул.
Двух молоденьких, в соку.
Как увидел утром — всхлипнул:
Жалко стало дураку!*

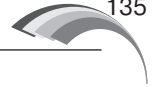
Владимир Высоцкий

Над этими тремя книгами они работали около тридцати лет — если считать от первого проблеска идеи в начале 90-х до выхода третьей книги в 2020-м. Все эти годы замысел «Ведьминой трилогии» их не покидал, не давал покоя. И это невзирая на то, что за те же самые тридцать лет они написали общим счетом тридцать романов, десятки повестей и рассказов, более тридцати сценариев фильмов и сериалов.

По сюжету между первой и второй частями трилогии — романами «Ведьмин век» и «Ведьмин зов» — тоже проходит тридцать лет. При этом вторая часть, как

Владимир Звinyaцковский — доктор филологических наук, профессор. Живет в Киеве.

и третья, «Ведьмин род», впервые опубликованы в прошлом году, и действие в третьей части начинается практически с того же места и времени, где и когда закончилось действие второй.

У фантастов так бывает. Тенденция развития общества на тридцать лет вперед оказалась выявленной верно. И вот, отмечая круглую дату, пора наконец задуматься о пресловутых корнях. О ведьмином роде. О проклятом селении Тышка. Попробуем эту поучительную историю, случившуюся с писателями-фантастами Мариной и Сергеем Дяченко, по возможности разложить по полочкам.

ПОЛОЧКА № 1, НА КОТОРОЙ СТОИТ КОМПЛЕКТ ЖУРНАЛА «РАДУГА» ЗА 1997 ГОД

В 1997 году читатели «Радуги» первыми познакомились с журнальным вариантом романа «Ведьмин век». Имена авторов романа в то время широкой публике мало что говорили, хотя коллеги-фантасты заметили уже их дебютный роман 1994 года «Привратник» (был признан лучшим дебютом на конкурсе «Еврокон» в 1995 году). Вообще же не заметить их было трудно — даже в те сбесившиеся годы, когда, казалось, вообще никто никого не замечал. Таких узнают по глазам. Во всяком случае, вопрос о том, кому присуждать литературную премию журнала «Радуга» за 1997 год, развернутой полемики не вызвал: им и присудили.

Сегодня авторы особо отмечают, что огромная рукопись, которую они принесли в редакцию, увидела свет «в бережном, ювелирном сокращении Юрия Ковальского». Иными словами, тот «Ведьмин век», с которым читатели «Радуги» познакомились в 1997 году, авторов вполне устроил. Однако в отдельном издании они многое из сокращенного восстановили. Что же касается отдельного издания двух первых частей трилогии в 2020 году (М., «Эксмо»), то на его задней обложке так и сказано, что «Ведьмин век» «публикуется в этой книге в новой авторской редакции».

Не сомневаюсь, что литературоведы будущего, проделав тщательную текстологическую работу, точно установят, чем именно «Ведьмин век-2020» отличается от «Ведьмина века-1997», и сделают соответствующие выводы. У меня же как у критика иные задачи. Посему я условно принимаю «Ведьмин век-2020» за тот самый, что впервые увидел свет в журнале «Радуга» почти четверть века тому назад. Меня ведь более всего интересуют выявленные тогда тенденции развития некой общественной реальности на три десятилетия вперед. Реальности, так сказать, параллельной нашей родной, то есть образующей с нею явные параллели.

В 1997 году было много украинского национального колорита. А точнее — гуцульского этнографического. Как-то в интервью киевской газете «День» Сергей рассказал: «Мы познакомились с Маринкой, когда я работал над сценарием об Олексе Довбуше, и в гуцульском фольклоре я тогда выкапывал все про навок и чугайстеров. Марина видела тогдашние мои творческие муки и может за них и полюбила. Мы ездили вместе в Закарпатье на выбор природы. И настолько эта красота и уникальная мифология этого края ее захватили, что ей ничего не оставалось, как выйти за меня замуж». Вот так опасно все начиналось, с навок и чугайстеров.

Так же опасно для автономии «мира Дяченко» начинался и «Ведьмин век». На это между прочим указал еще в 2005 году чуткий критик Михаил Назаренко в своей книге «Реальность чуда» (кстати, это была его дебютная книга): «Пролог романа столь явная отсылка к первоисточнику, что это может оттолкнуть [читателя]. Однако он необходим. <...> Первые страницы задают правила игры».

ПОЛОЧКА № 2. КЛАВДИЙ СТАРЖ

Так вот, хоть я и обещал не сравнивать варианты текста, все же должен в виде исключения сообщить, что никакого пролога в новой, прошлогодней версии романа не существует. Не то чтобы правила игры меняются, но задаются они далеко не сразу.

Что до отсылки к первоисточнику, а именно к повести Коцюбинского (и фильму Параджанова) «Тени забытых предков», — тут все сложнее.

С одной стороны, я не могу исключить, что романисты попросту прислушались к замечанию критика. Коль скоро явная отсылка к первоисточнику «может оттолкнуть», то почему бы ее и не убрать?

С другой стороны, сегодня авторам «Ведьмина века» уже не приходится участвовать в той странной борьбе, которую, вольно или невольно, в 90-е годы вели мы все, русскоязычные литераторы Украины. Это была борьба за право «считаться» (теперь думаешь: господи, да кем считаться-то?) украинскими писателями.

Владимир Набоков, последние два десятка отпущенных ему лет проживший в Швейцарии и писавший при этом по-английски, вот уж никак не хотел «считаться» швейцарским писателем. Да и американским. Да и русским, наверное, уже не хотел. Был Набоковым, и точка.

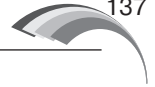
Марина и Сергей Дяченко, ныне живущие в Лос-Анджелесе, пишущие сценарии для Голливуда и последовательно пополняющие все четыре собрания своих тридцати романов и прочих сочинений (русское, украинское, английское, французское) — они «какие», они «чьи»? Сценарий об Олексе Довбуше, на родине «не пригодившийся», чудесно можно реализовать и в горах Калифорнии. Кстати сказать, об Олексе Довбуше существуют не только украинские, но и еврейские легенды, где элемент мистики, пожалуй, что сильнее: они ведь повествуют о непростых взаимоотношениях Довбуша с другим современным ему историческим лицом — основоположником хасидизма Баалем Шем-Товом, который в этих легендах* и «отвечает» за мистику.

Так вот я и говорю: любой сценарий, будь то о Довбуше, об украинских ведьмах, навках или чугайстерах, может быть снят где угодно и кем угодно. Но при одном условии: если у сценаристов есть мессиджи от себя Украине и миру от Украины. Собственно об этих мессиджах я и поведу сегодня речь.

Николай Гоголь, сделавший известное заявление о том, что народность состоит не в описании сарафана, за то жестоко поплатился. Русским-то писателем его признали и без сарафана, украинским же со скрипом. Говорят: а что ж это он сарафан хотел описывать? Так ведь не хотел, — отвечаю, — о том и заявил. Свитку он описал да шапку со смушками. Не верите — смотрите «Диканьку» и «Миргород». Опять не верите — смотрите первое издание, российскими редакторами еще не правленное. Я даже именно это издание не так давно переиздал, с прекрасными иллюстрациями моего, к сожалению, уже покойного друга Сергея Якутовича (вот уж человек национальный дух пальцами чувствовал и умел передать). Однако Гоголь все еще «на подозрении» у себя на родине. А между тем кто, как не он, первым обнаружил глубинные, коренные, духовные начала «народности»? Туда, в эти «пещеры», за ним отправился Шевченко.

Именно там истоки того самого, что условно называют «украинской фантастикой», и об этой традиции уже давно и хорошо написал в упомянутой книге тот же Назаренко, так что ни прибавить, ни убавить, а только цитировать: «Гоголевское наследие в украинской фантастике — отнюдь не только «экзотика» и «насмешка». В большей, гораздо большей степени — ощущение чего-то древнего, страшно-го, неодолимого, что сопровождает нашу жизнь. <...> Следующий шаг вглубь,

* Они исследованы в кн.: Лариса Фіалкова. Коли гори сходяться. К., 2007.

за черту — мир Шевченко: вся Украина оказывается проклятым, заклятым местом. До таких обобщений никто из последующих украинских писателей не дошел: слишком невыносимо то мистически-мифологическое напряжение, которое создали «Диканька», «Миргород» и «Кобзарь». Но и нельзя сказать, что наследники Гоголя и Шевченко просто растащили идеи и антураж. Каждый — от Коцюбинского и Леси Украинки и до Валерия Шевчука и Дяченко — по-своему играет с издавна знакомыми образами и сюжетами».

Было бы совсем уж просто, если бы молодой (28-летний в то время) критик взял опытных и тогда уже авторов «на слабо», и они это «невыносимое мистически-мифологическое напряжение» в своем последующем творчестве не только вынесли, но и постепенно стали превращать в привычную, всем понятную невыносимую легкость бытия. В таком случае «Ведьмина трилогия-2020» была бы своего рода венцом этих усилий.

Повторяю, это было бы совсем просто, слишком просто для свершения столь непростой и важной миссии в украинской да и в мировой литературе. Но ведь так или иначе после прочтения книги Назаренко у Дяченко в их «коллективном бессознательном» остался этот вызов, этот мыслимый путь... Вот и верь после этого, что критика никому не нужна.

Итак, пролог убрали: он в данном случае и был тем сарафаном, без описания которого прекрасно обходится народность. В том прологе чего только не было: и чистая ватра — заговоренное пламя костра; и уголек от ватры, который мужчина должен зашить в мешочек и повесить себе на шею, дабы «смело смотреть в глаза ей», то есть ведьме. Но вместо ведьмы к его костру подходит... умершая полтора года назад жена. Стало быть, навка. Появляется и чугайстер, взявший ее след...

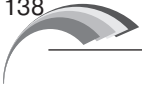
От всего этого на первых страницах романа остались лишь костер да уголек. Вокруг костра совсем неплохо устроились вполне интеллигентные люди: профессор социологии Митец, его сын и предполагаемая будущая невестка. По-украински «митец» — деятель искусства (от «мистецтва» — искусства). В общем, такой вполне себе процветающий украинский деятель, живущий вдали от шума городского в доме под красной крышей, «где на фасаде — балкон, увитый виноградом, и оттого похоже на этикетку старого вина».

Есть одна проблема: среди нас, деятелей и бездельников, живут ведьмы. И даже уголек от ватры, который мужчина должен зашить в мешочек и повесить себе на шею, дабы смело смотреть в глаза своей ведьме, не очень помогает. Если тебе повезло (принципиально не беру это слово в кавычки) жить с ведьмой, то смело смотреть в глаза своей ведьме ты сможешь будучи сам силен, смел и честен с ней, с людьми и с самим собой.

Далеко не всякий мужчина выдержит испытание ведьмой. Митец-младший его не выдержал, да и Митец-старший в этом случае тоже. Что-то подобное подозревал, конечно, человек, который прежде, чем сообщить обоим Митцам важную новость (восемнадцатилетняя Ивга Лис, которую «будущий муж» и «будущий свекор» называли просто Рыжей, родилась ведьмой), чисто механически «извлек из догорающего костра ветку с угольком на конце».

Итак, она родилась ведьмой. Это от нее не зависело, и с этим ничего уже нельзя было поделать. В том мире и в той стране, где развивается сюжет романа и далее всей романной трилогии, есть девочки, которые только лет в тринадцать узнают о себе, что родились такими. Их узнают по глазам, но далеко не всем мужчинам дано это узнать прежде, чем в них влюбиться.

Собственно, ведьмы они лишь потенциальные, «глухие». Сделай ведьму счастливой, и она так навсегда и останется «глухой». Яркой, страстной, талантливой женщиной, но без всякого зла. И вообще «среди девочек, склонных к изящным искусствам, колоссальный процент юных ведьм».

— Я сто раз видел счастливые семьи, где жена была ведьмой, — говорит Митцу-старшему тот самый человек, принесший «недобрую» весть об Ивге.

Клавдий Старж. Друг семьи. Великий Инквизитор.

Зло приходит лишь к несчастливой, гонимой «глухарке». Сперва вкрадывается в душу, но очень скоро эту несчастную душу, в которую вкралось зло, замечают такие же бывшие несчастные, уже переставшие быть несчастными, да собственно переставшие быть и собой, а ставшие просто орудием вселенского зла. Они подходят на улице к кем-то обиженной «глухарке», предлагают помощь и приют и приводят туда, где совершают над ней обряд инициации. Инициированная ведьма, став сверхсильной, перестает быть человеком. Она становится чудовищем.

Для регистрации «глухих» и борьбы с инициированными в стране и существует испокон веков всесильная инквизиция, неподвластная и неподотчетная даже герцогам — правителям этой страны. Ясен пень, в эту неподконтрольную силовую структуру рвутся как деятели, так и бездельники. Рвутся садисты и жаждущие власти. Рвутся и донкихоты, мечтающие в честном бою сразиться со вселенским злом.

Случай Клавдия Старжа уникален: он стал инквизитором, чтобы наказать самого себя за предательство. Однако можно ли случившееся с Клавом в юности назвать предательством? Он любил, и трагически лишился возлюбленной, и предался безудержной тоске по ней. А такая тоска в той стране приводит к явлению навь.

Нава — такой же не человек, как инициированная ведьма. Она принимает образ погибшей возлюбленной настолько, что помнит все малейшие черточки и подробности прежней любовной истории и как бы продолжает ее в том же образе любимой, но только еще более нежной и преданной, целиком и полностью сосредоточенной на возлюбленном. Никто никогда не узнает, насколько сознательно навка хочет убить своего возлюбленного, «уравнять его с собой». Однако все знают по опыту, что это ее единственная (и неважно, насколько сознательная) цель. Чудом избежав трех попыток убийства навкой, Клав «сдал» ее чужаистерам.

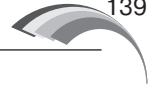
Такова, если вкратце, вина Клавдия Старжа, которой он тяготится уже и тогда, когда становится не просто инквизитором, а Великим Инквизитором, то есть руководителем этого страшноватого государства в государстве. Именно этот его комплекс вины и помешал ему, сильному и умному, но пока еще не мудрому, узнать в завязке сюжета с Ивгой Лис ту самую точку бифуркации, с которой история страны и мира могла пойти как в правильном, спасительном, так и в неправильном, губительном направлении. Он, сам того не ведая, избрал второе.

С формальной точки зрения ничего фатального не произошло: мало ли в стране «молоденьких ведьм, которые инициироваться не хотят, а на учет становиться боятся»? Ивга первая начинает что-то подозревать. Она же первая начинает и что-то чувствовать к Великому Инквизитору. Что-то неформальное, неуставное...

Только к старости Клав научится «не бояться называть вещи своими именами». В стране, где мало кто хочет и умеет это делать, людей это «и пугало, и притягивало» к Великому Инквизитору. Но этому, повторяю, он научится гораздо позже (если сказать совсем уже точно, во второй части трилогии).

Пока же отношения Ивги и Клава развиваются на фоне чудовищного всплеска ведьмовской активности. Эпидемии и теракты терзают страну. Как верный страж, Старж (это созвучие неоднократно обыгрывается) мечется из одной провинции в другую, где-то ему даже удается предотвратить назначенное бедствие, но на все провинции его, конечно же, не хватает, а кураторы провинциальных отделений далеко не всегда оказываются на высоте своего положения. И постепенно вырисовывается ситуация, как две капли воды похожая на бывшую четыреста лет назад, когда Великим Инквизитором служил достославный Атрик Оль. Тогда едва не наступил Ведьмин век: страна превратилась в одну сплошную руину (ничего не напоминает?).

Специально затем, чтобы напомнить о событиях 400-летней давности и провести исторические аналогии, к Старжу является Хелена Торка — неиницированная 50-летняя ведьма, директриса оперного театра и верная союзница Великого Инквизитора, всей душой любящая искусство и ненавидящая зло острой ненавистью художника.

— Ведьмы — разобшенная туча ос, — говорит она Старжу (имея в виду, конечно же, инициированных ведьм). — Но когда приходит матка, Мать-Ведьма, все меняется. Туча становится семьей. Единым телом со множеством жал. Стаей... война неизбежна, и... жестокая война. Но когда вы убьете матку, все вернется на круги своя.

— Я тоже люблю старые рукописи, страшные истории, — отвечает Старж. — Вы уверены, что «Откровения ос» — не подделка?

Но после трагической гибели Хелены во время пожара в театре — и он уже уверен. И обращается за помощью к юной Ивге Лис, «неиницированной ведьме с большим потенциалом». (Ни он, ни она сама еще даже не подозревают, НАСКОЛЬКО велик ее потенциал. Но если вы еще не читали «Ведьмин век» и ни о чем таком не догадались, то об этом я вам ничего и не скажу.)

— Я хочу, чтобы ты была моим сознательным союзником. Я дам тебе одну вещь; четырехста лет назад Великий Инквизитор Вижны, господин Атрик Оль, писал отчеты самому себе — о каждом прошедшем дне. Последнюю запись он сделал рано утром, а вечером того же дня ведьмы сожгли его на костре. Я дам тебе эту книжку, ты считаешь и многое поймешь.

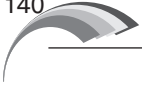
Она почитала, но так ничего из этой книжки и не поняла...

А дальше все пошло не так. Подступил Апокалипсис, и это ведьмы, уже на 99 процентов ставшие «единым телом со множеством жал», раскрутили маховик Апокалипсиса. «Половина провинции Одница затоплена морем, в Ридне обрушился гигантский тоннель, сто лет назад проложенный под горами...», и это далеко еще не всё. Столица Вижна, до боли напоминающая Киев, пылает пожарами и наполнена нечистотами. В образовавшемся хаосе у Ивги не остается выбора, и ей приходится бежать туда, где уже вся «семья» ведьм собралась в ожидании Ведьмы-Матери.

Очередной 400-летний цикл завершился, и кажется, что поделаться уже ничего нельзя и наступления Ведьмина века не избежать. У Старжа есть одно лишь средство, какого не было и не могло быть у достославного и достопочтенного Атрика Оля. Бежавший герцог прямо перед побегом вручает Старжу... ядерную кнопку! После вычисления местонахождения Ведьмы-Матери остается лишь нанести точечный ядерный удар. Есть у Старжа и старинное средство — серебряный кинжал, которым можно просто поразить Ведьму-Мать в самое сердце.

Кстати, а каким же образом уничтожил Ведьму-Мать Атрик Оль? Такое впечатление, что авторы «Ведьмина века», ради обострения интриги (кажется, куда уж больше?), все откладывают ответ на этот вопрос да так и забывают его дать. И лишь в «Ведьмином зове» промелькнет некий туманный, метафорический ответ: «Сражался с ней и победил — ценой своей жизни»; «у него были железные клещи, которые выковала его воля». Но ведь до этого не раз было сказано, что ведьмы сожгли его на костре. Выходит, сожгли уже после того, как он убил их «матку»? Из всей трилогии это неясно, и это минус: мы должны знать свою историю по возможности фактически, а не метафорически.

Но вернемся к Клавдию Старжу, у которого дважды был случай убить Ведьму-Мать: сперва серебряным кинжалом, потом ядерной ракетой. Однако в первый раз вместо удара кинжала в сердце следует самое невозможное объяснение в любви за всю историю борьбы добра и зла. А уж ядерная кнопка как решение всех проблем человечества и вовсе становится Старжу ненавистна. И вот уже повторяется история Атрика Оля, ведьмы ведут Великого Инквизитора на костер...

Она это видит. Она всесильна. Может развернуть, наизнанку вывернуть любое пространство и повернуть время вспять.

Она это делает. «Стая ос» испаряется. Мертвые воскресают. Никто ни о каком Апокалипсисе не помнит, его ведь и не было: чудом (именно чудом!) его удалось избежать.

Не помнит никто, кроме двоих. Мы снова в точке бифуркации:

— ...А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью познакомлю... Рыжая, что с тобой?..

Клавдий опустился перед ней на колени. «Не жалея элегантных серых брюк. Не глядя на отца и сына, замерших в недоумении, в оторопи, чуть не в обиде; он опустился перед ней на колени, оторвал ее руки от заплаканного лица и ткнулся лицом в перепачканные, пахнущие дымом ладони.

— Но ведь на самом деле ничего не изменилось,— сказала девушка еле слышно.— И мир не изменился, и мы остались прежними...

— Нет.

— Да... И теперь... все повторится. Нас снова потянет, понесет... по кругу. По спирали... в воронку... туда...

— Посмотри на меня,— попросил он шепотом.

Она прятала глаза. Судорожно втягивала носом соленую влагу.

— Посмотри на меня... Пожалуйста, посмотри.

Она рывком проглотила слюну. Подняла на него взгляд — воспаленный, измученный взгляд несчастной лисицы.

Он улыбнулся. Еле-еле, одними глазами да уголками губ:

— И ты говоришь, что мир не изменился?..»

Всего-то и требовалось от Великого Инквизитора — угадать свою женщину в рыжей девушке Ивге Лис, с ее «измученным взглядом несчастной лисицы».

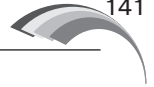
ПОЛОЧКА № 3. МАРТИН СТАРЖ

И вот проходит тридцать лет, и теперь, по крайней мере с виду, все в стране идет по-европейски, в духе толерантности и прогресса. Ведь в «мире после коррекции», из существования которого были просто вычеркнуты те катастрофические полтора месяца, никто не помнит об Апокалипсисе, которого не было, и потому все живут счастливо и беспечно, а инициализированные ведьмы почти уравниены в правах с обычными гражданами.

Ключевые слова — «с виду» и «почти». Конечно, Клавдий Старж, человек широких взглядов, сам женатый на ведьме, все еще остается Великим Инквизитором. Но много ли таких, как он? Они, конечно, влиятельны, но их мало. Куда ни глянь, всюду жлобство, ненависть, цинизм. И, конечно, глухая злоба закоренелых неудачников на ведьм, даже «глухих», разумеется виновных во всех личных и общественных неудачах... Не в этом ли причина, что время от времени та или иная ведьма слышит зов ниоткуда — «Ведьмин зов» (напомню, так называется вторая часть трилогии)?

— Все эти годы,— подводит итог Ивга Старж,— по отношению к ведьмам люди были... если не добры, то не особенно кровожадны. Но страх и ненависть к ведьминому роду никуда не девались, они накапливались... и вылились в «Новую Инквизицию». Не просто убийство — отвратительный ритуал... идея, ставшая ценностью для многих. Абсолютное насилие, вот что люди противопоставили страху перед ведьмами. И тогда ведьмы вспомнили о Великой Матери... и это только начало...

Обеспечить соблюдение обществом и государством гражданских прав ведьм и тем самым удержать их от инициации стало теперь делом «старой» инквизиции, концепцию которой полностью пересмотрел и переутвердил Великий Инквизитор, женатый

на ведьме (якобы неиницированной — ведь Апокалипсиса как бы и не было). И вот после на редкость счастливого тридцатилетнего брака Ивга Старж вдруг завяляет мужу:

— Тяга к инициации заложена в нас, как бомба, Клав! Изначально! Ни семья, ни личное счастье, ни любимая работа не гарантируют от взрыва!

И что же, до этого ее (пока еще гипотетического) взрыва Великий Инквизитор, умудренный ТАКИМ опытом, ничего этого не понимал? «Все он понимал прекрасно. Не рассчитывал ни на какое чудо. Все эти годы, делая жизнь ведьм если не комфортной, то хотя бы сносной, он строил мир заново вокруг одного человека. Это было эгоистично и не очень честно, но Клавдий Старж никогда и не был эталоном нравственности».

Тут впору задуматься: а кто вообще мог бы быть «эталом нравственности», живым воплощением всех мыслимых и немыслимых общечеловеческих ценностей? Устроив жизнь в этом некогда мрачном краю вечно запуганных ведьм — европейски, в духе толерантности и прогресса, хотя бы и «вокруг одного человека», нельзя ли, соблюдая чистоту эксперимента, родить и воспитать еще одного человека, в качестве этого самого эталона нравственности?

Быть может, все дело в том, что устраивая для своих детей великолепное семейное гнездышко и обучая их в супер-элитных школах, «верхи» просто не ставят себе такой цели? А если бы ставили? Если бы «сверху» оказался действительно Великий — нет, не инквизитор, а Человек с большой буквы?

Что это — библейская история о Давиде и Соломоне? Не будем пускаться в исследование непростого вопроса о том, можно ли считать эталоном нравственности даже и самого царя Соломона, которому не пришлось делать грязную работу (ее доделал его отец). Но уж если, по установленной нашими авторами традиции, обратиться «ко временам Атрика Оля», всего лишь на четыреста лет назад, к истокам Руины... Ну да, Богдан не был эталоном, но Юрко и подавно, тут природа явно отдохнула.

Авторы «Ведьмина зова» отдыхать природе не дают. Ведь они глядят на мир с точки зрения ведьм, а ведьмы (во всяком случае, иницированные) никогда не отдыхают. «Сын Клавдия Старжа и Ивги, урожденной Лис, приводил ведьм в шок самым фактом своего существования. Наверное, в этот момент у них рушилось представление о мире, как если бы лед варился в кипятке или рыбы цвели на деревьях». 29-летнего Мартина Старжа мы застаем как раз в тот период его жизни, когда он начинает активно пользоваться «ведьминым шоком».

Мартин — куратор инквизиции главного курорта Одница. Если Вижна — Киев, то это может быть Ялта или может быть Одесса. В Однице постоянно проходят престижные кинофестивали, показы мод и т.п., и там поэтому (!) концентрация ведьм (главным образом, неиницированных) кажется особенно значимой. Впрочем, впоследствии выяснится, что вовсе не Одница и даже не Вижна чемпионки по количеству и качеству ведьм, а совсем другая, тихая область, тихий омут — Ридна. «Ридна, маты моя! Ты ночей не доспала...»

Однако главным вызовом для Мартина стали вовсе не ведьмы, а вышеупомянутая «Новая Инквизиция». Это, так сказать, «народная» инквизиция, инквизиция снизу. Ведь на самом деле Ивга Старж далеко не единственный человек в стране, чувствующий, что здесь и сейчас может «рвануть». В той или иной степени эту тревогу испытывает каждый, да и действующие ведьмы никуда же не делись! Ну, может, мы видим их и не в такой массе, как некогда их видели гоголевские бурсаки, убежденные, что «все бабы» на подольском Житнем рынке — «все ведьмы». Однако Мартин Старж, специалист по «Новой Инквизиции», научился распознавать так называемых «травматиков», современных «хом брутов», которые то ли на самом деле, то ли в собственном воображении пострадали от ведьм, горят жадной мести и, что хуже всего, легко сбиваются в агрессивную стаю — не менее агрессивную, нежели пресловутая «стая ос».

Мартин — рыцарь без страха и упрека. Действуя в одиночку, он буквально из лап «Новой Инквизиции» вырывает неиницированную ведьму Эгле Север, увлеченную и талантливую художницу по костюмам, работающую на киноиндустрию страны. Между ними завязываются отношения, сильно напоминающие взаимоотношения родителей Мартина. Быть может, его родителям на самом деле удалось воспитать «другое поколение»?

— Он не палач, ты же знаешь, — говорит о сыне Клавдий. — Ни на долю процента. Это совсем другое поколение.

— Он идеалист, — отвечает мужу Ивга. — Он станет палачом ровно в тот момент, когда этого потребуют его идеалы.

И что же, мать была права? И да, и нет — меня поймут те, кто уже прочел, а для тех, кто еще нет, остается простор, в котором развернется головокружительная, засасывающая читателя интрига, какую умеют выстроить только Дяченки. Не удержусь лишь сказать, что отношения сына и матери восстановятся и что все это станет возможным по причине, как две капли воды похожей на ту, по которой, собственно, Мартин и появился на свет. Мужественный инквизитор встретит свою и только свою ведьму — свою женщину.

ПОЛОЧКА № 4. НЕЧТО О ЧИСТОЙ ИНИЦИАЦИИ. ИВГА ЛИС-СТАРЖ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Рассказывают, что когда рассматривался вопрос о назначении Владимира Набокова профессором Гарвардского университета, Роман Якобсон свое роковое для Владимира Владимировича возражение сформулировал следующим образом:

— Ну и что же с того, господа, что некто большой писатель? Не назначать же, в самом деле, слона профессором зоологии?

Быть может, если бы исследователи ведьмовства знали о том, насколько великой ведьмой является Ивга Лис-Старж, они точно так же поспешили бы подставить ей подножку, как гарвардские филологи Владимиру Набокову. Но, к счастью, они этого не знали, и в результате Ивга стала не только крупнейшей ведьмой, но и крупнейшей исследовательницей истории и теории ведьмовства. Причем, как это часто бывает в гуманитарных науках, ее теория оказалась целиком зависимой от того, что она «откопала» в истории. И как ни уговоривл ее муж, она, Ивга Старж, острых тем не избегала (не то что современная нам академическая гуманитаристика), но подвергала их честному научному анализу (не то что современная нам публицистика).

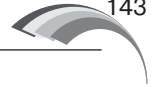
Что же это было и насколько глубоко довелось «копать»? Да, в общем-то, «это» лежало на поверхности, знакомое с детства мне и вам.

Вот Ивга отправляется в очередную научную экспедицию — свою первую научную экспедицию в рідну Ридну. Так ведь и называется малая родина Ивги: Ридненская область. Почти наша Ривненская область, в которой, впрочем, нет гор. А между тем горы играют немаловажную роль в Ивгином открытии.

Итак, вот что рассказала Ивга мужу по результату своей экспедиции в эту самую Ридненскую область:

— «Это» способно воспроизводить само себя. В преданиях Ридны повторяется сюжет о девушке, которую мачеха зимой послала в горы на погибель, а та нашла в пещере «ведьмин круг», прошла по спирали и стала действующей ведьмой. Она пела обрядовую песню, а эхо задавало загадки, но для чистой инициации надо знать правильные ответы...

О существовании в далеком прошлом чистой инициации Ивга и раньше подозревала, и на эти подозрения ее натолкнуло изучение летописей на древних языках

(Ивга овладела ими в совершенстве) да того же фольклора. И вот «в ридной Ридне» она наконец воочию узрела этот круг. Который теперь, по ее наводке, инквизиторы заливают бетоном. Но в горах Ридненской области таких «ракушек», должно быть, немало еще осталось...

Вот почему так важен «Ведьмин род» и одноименная заключительная часть трилогии, в центре которой — две «спевшиеся» ведьмы, обе родом из Ридненской области: Ивга Лис-Старж и Элге Север-Старж, жены старшего и младшего Старжей. Теперь центр тяжести переносится на малую родину обеих ведьм, в город Ридну: «Серый городской пейзаж — прямые улицы, квадратные газоны, чуть присыпанные снегом. Тяжеловесные здания, уже сто лет назад казавшиеся нелепыми. И на горизонте — горы, конечно. Горы в дымке». Что ж, вполне узнаваемая помпезная безвкусица украинской провинции: уныло, но еще не сильно страшно. Погодите, будет вам и малая-малая родина Ивги — поселок Тышка Ридненской области!

Думаю, однако, что исчерпал до дна... нет, не смысл и содержание трилогии (столь максималистской задачи и в уме не держал), а терпение читательской аудитории. По крайней мере той ее части, которая читает мои заметки из любви и уважения вовсе не к их автору, а к авторам рецензируемого произведения. Я просто вижу и слышу, как кипит фанат фантастов Дяченко: не слишком ли насильственно и упорно критик тащит их в какой-то кондовый доморощенный реализм?

Не знаю, как насчет кондового и доморощенного, но реалистами особого рода писатели Дяченко заявляют себя сами, определяя свой творческий метод в качестве «м-реализма». И на вопрос о том, что же это такое, отвечают так:

«Это реализм, включающий допущение метафизического плана. Его построение основано на нашем жизненном опыте и профессиях:

— на способности полностью перевоплощаться в героя (Марина актриса театра и кино);

— на особом внимании к стилистике, к интонации текста (Марина училась в аспирантуре Театрального института, изучала и преподавала искусство сценической речи);

— на глубоком дайвинге в психологию (Сергей по первой профессии психиатр);

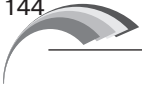
— на драматургическом потенциале прозы (Сергей закончил ВГИК как сценарист).

...Нас более всего интересуют темы любви, совести, души. Нам интересно экспериментировать с нерешенными этическими проблемами — и ставить их. Если добавить ко всему этому нашу приверженность к традиционным понятиям добра и зла, семейных ценностей, снабдить это все шепоткой романтики, крупинкой глупой сентиментальности, каплей иронии и самоиронии и наивной верой в свет в конце тоннеля — это и будет наш творческий метод».

По-моему, исчерпывающе ясно и ко многому обязывает: в частности, «экспериментировать с нерешенными этическими проблемами — и ставить их» волей-неволей приходится именно в той области (хоть бы и Ридненской), где они в самом деле далеки от решения — или даже еще не поставлены.

Ну вот, например, одна такая. «Ведьмин род» написан в «ковидном» 2020. Мир надолго запомнит прилет первой карантинной группы из Китая в Украину и особенно ее продвижение к точке изоляции — санаторию МВД близ поселка городского типа Новые Санжары. Я даже боюсь спросить авторов романа, уж не кадры ли новосанжарской хроники, в тот же день облетевшие весь мир, легли в основу сцен «охоты на ведьм» в «проклятом», по слову Ивги Лис-Старж, ее родном селении Тышка. И хоть ни Ивга, ни Эгле не погибли (исключительно потому, что Эгле сумела найти спрятанный в горах «ведьмин круг» из сказки, пройти ту самую, чистую инициацию, обрести силу и легко разогнать «народную инквизицию»), этическая

проблема была не только поставлена, но и легко решена... благодаря родственным связям обеих ведьм:

«— Меня теперь в тюрьму? — еле шевеля губами, спросил парень.

— Разумеется, — отозвался Мартин. — Ты же не думаешь, что можно таскать дрова к костру моей матери — и отделаться легким испугом?

— А это была...

Больше он не сказал ни слова — до самого полицейского участка.

Вся та «невыносимая легкость», с которой решаются проблемы нашего бытия, конечно, простительна романам: благодаря ей-то они и читаются легко и с удовольствием, невзирая на всяческие ужасы, в живописании которых авторы, впрочем, тоже знают меру. Ставят они, однако, и вполне себе нерешаемые (во всяком случае, до сих пор не решенные) проблемы этического плана. Или, лучше сказать, до поучительного абсурда доводят те новые этические проблемы, которые ставит современная жизнь.

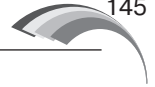
Взять хоть гендерную революцию. Ведь с точки зрения общества традиционного, патриархального (а наше украинское общество — одно из самых патриархальных в Европе) любая современная женщина, которая действует не по «мужской» логике и благодаря своей «женской» логике достигает впечатляющего результата там, где мужик, что бык, упирается рогом и далее ни тпру, ни ну, — кто она? Ведьма, кто ж еще. Во всяком случае, и она, и ее достижения на большом подозрении. «Никому не нужны подарки от ведьм, думала Ивга с горечью. Я хотела изменить мир к лучшему. Теперь меня за это запрет...»

Досконально изучив всю историю ведьм, Ивга устанавливает простую, но впечатляющую историческую закономерность. Оказывается, во все те немногие «ведьмины» века, когда эти, по выражению Атрика Оля, «сударыни» дорывались до ничем не ограниченной свободы, человечество накрывала какая-нибудь глобальная катастрофа. А при «варианте ноль» (уничтожении ведьм до возможного беспредела), человечество накрывала безудержная глупость и унылая скука, и это тоже очень быстро приводило к очередной глобальной катастрофе. Впрочем, это «открытие» вовсе не есть тот «подарок», который человечеству приготовила сама Ивга, открытие-то с бородой: необходимость баланса инь и ян, женского и мужского начал.

Но какой же тогда подарок приготовила Ивга человечеству? А она поняла древний смысл «ведьминой инициации», еще не оскверненной злом. Оказывается, «это инициация-выбор. Древнейший обряд, где нет добра и зла. Есть выбор, который совершается каждую секунду. Ведьма отвечает на вопрос «Кто я»... Скверна запрятана не между добром и злом, а между предопределенностью и выбором. Оскверненный обряд отнимает личность, очищенный — сохраняет. Ведьма остается человеком со всей силой и слабостью, со всем гадким и прекрасным, что есть у нее за душой». А в чем тогда разница между «до» и «после»? Она в силе и свободе — в силе быть свободной.

Эгле, самостоятельно прошедшая чистую инициацию, рискует собственноручно инициировать Лару Заяц, юную ведьму из «проклятого селения Тышка», которую так же точно травили в семье и школе, как за тридцать лет до нее — ее землячку Ивгу Лис. И за триста лет до Ивги. И все то время с тех самых пор, как простые и честные охотники и пастухи спустились с гор в ближайшую долину, положив начало «проклятому селению Тышка». И за четыреста лет до Лары Заяц, при Атрике Оле. А чем тогда закончилась месть ведьм, читатель, надеюсь, помнит.

Лара успела услышать вопрос: «Кто ты?» Успела остановить катастрофу в горах. Но до того как Лара сделала окончательный выбор, авторы позволили себе маленькую слабость — дали ей до основания разрушить «проклятое селение Тышка». И нам его почему-то совсем не жаль.

* * *

Как я уже сказал, у этой трилогии, в ее современном виде, нет пролога. Зато есть эпилог, состоящий из двух маленьких частей.

В первой части Мартин Старж, как и следовало ожидать, становится новым Великим Инквизитором и молча проходит мимо закипающих новыми вопросами журналистов, в которых читатели, видимо, должны узнать самих себя:

— Господин Великий Инквизитор, верно ли, что инициация «глухой» ведьмы законодательно перестанет быть преступлением?

— Как вы можете прокомментировать сообщения о «чистой» инициации? Это не фейк?

— То, что происходит сейчас с ведьмами, вокруг ведьм,— начало «золотого века» либо новый конец света?!

— Все вопросы к пресс-секретарям,— сказал он устало.— Дайте пройти, пожалуйста.

И отправился домой, где все ему рады: мать, отец и жена.

Во второй же части эпилога, то есть в последних строках трилогии, Лара, современная старшеклассница из «проклятого селения Тышка», разрушив его, выходит на свободу. И теперь уже не Эгле Север, а Лара Заяц — лицо и символ чистой инициации, открытой Ивгой Лис. Так сказать, от чистого истока я начинаю путь...

«Дрогнул слежавшийся снег. Разошелся трещинами. Рука со скрюченными пальцами зачерпнула воздух, потом нащупала опору, потом замерла, будто кто-то набирался сил.

Покатились по мокрому склону мелкие камушки. Из-под завала выбралась женщина — очень молодая. Девушка. Подросток.

Отряхнулась. Посмотрела вверх.

Над темными горами висели звезды — так много она никогда не видела».

А может, это вовсе и не Лара, а другая девушка из другого проклятого селения, прошедшая чистую инициацию... Их ведь теперь будет много? «Это не фейк?»

Не знаю. Я ведь не пресс-секретарь Великого Инквизитора. Но если читатель все же спросит меня: «Так где же находится или, вернее сказать, находилось это проклятое селение Тышка?», то я ему отвечу: ищи его в себе.

Сергей ВИННИЧЕНКО

ТЕАТРАЛЬНАЯ РЫБАЛКА

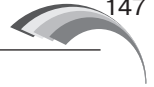
Старик Кант в начале XIX века утверждал, что психологии не стать наукой, поскольку невозможно экспериментально измерить психологические процессы. Однако спустя некоторое время его работы стали отправной точкой в измерении такой неизмеримой, казалось бы, категории, как человеческий ум, а уже к середине того самого XIX века научные методы применялись к изучению ментальных явлений. Собственно, Густав Фехнер и предложил способ количественного измерения ума. «Впервые ввел в психологию научные методы, точные принципы измерения и наблюдения для изучения психологических явлений, тем самым открыв перспективы психологической науки в строгом смысле этого слова. Главная особенность метода Фехнера заключалась в том, что он совершенно не зависит от смены философских систем. Современная психология приобрела действительно научный характер и может оставаться в стороне от всех метафизических споров», — отмечал Вильгельм Вундт.

Сфера искусства — та еще психология, особенно если создатели вложили в свое творение опыт практических знаний, наблюдений за человеком, его природой, триггерами к тем или иным его поступкам. Автор романа, картины, художественного фильма или режиссер театральной постановки — в идеальном варианте — высокопрофессиональный психолог, который оперирует научными знаниями в своей сфере, и результатом его труда становится открытие (премьера), которое исследует ту или иную грань человеческого существования.

Свои трактовки исследования человеческой сущности нам предлагают режиссеры национальных и академических театров, народных и аматорских коллективов. И бывает довольно часто, что невозможно отличить по уровню исполнительского мастерства, кто есть кто. Случается, что зеваешь от скуки на спектакле увенчанного премиями режиссера и не можешь оторваться ни на секунду на постановке, созданной из голого энтузиазма, но имеющей блистательное режиссерское решение. Однако такие заявления — категория «дофехнеровской» психологии, на которые тут и там слышишь: «Это всего лишь субъективная точка зрения». Каждый раз при этом пытаюсь выяснить — мнение кого из людей оппоненты могут назвать объективным,

---

* *Сергей Винниченко* — автор и ведущий интернет-портала «Театральная рыбалка» («Театральна риболовля») о современном украинском театре. Живет в Киеве.

поскольку персональное высказывание кого бы то ни было никаким иным, кроме субъективного, и быть не может...

И все же следующий уровень аргументационно-исследовательской базы на страницах интернет-портала «Театральная рыбалка» появился. Пока еще не стопроцентная объективность, но максимальное к ней приближение. Речь идет о получении цифровых значений театрального процесса и подталкивание к рассмотрению не столько отдельных явлений (спектаклей, режиссеров), сколько категорий и направлений. На основе просмотренного одного-единственного (например) «Ричарда III» действительно сложновато говорить о режиссерских решениях, определить место данного конкретного спектакля в череде ему подобных. Стал ли он событием не только в трактовке «восторженных откликов» отдельных авторов? Каково его положение в общетеатральном контексте (киевском, украинском, мировом)? По сути своей искусство — практически всегда есть сравнение: от личного опыта знакомства с предлагаемым драматургом/режиссером/актером до персонального опыта насмотренности версий и трактовок.

А для сравнения крайне необходимо наличие элементарной исследовательской базы. Как определить, стала новая постановка режиссера новаторской, и если да, то в чем именно? В чем ее феномен, и какой прорыв был совершен? А тут оказывается, что сделать это не так уж просто — энциклопедии, справочника или хотя бы каталога современного украинского театра попросту нет. Современный украинский театр мало что про себя знает не только на уровне глобальных, тектонических движений, но даже на уровне пульсирующего настоящего.

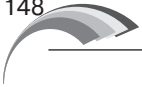
Интересное наблюдение — никто из участников театрального процесса не может назвать хоть сколько-нибудь точное количество театров в Киеве или вообще по стране. Никто! Не без того, что Министерство культуры имеет свой реестр национальных театров, департаментам культуры городов известны театры, которые находятся в их непосредственном подчинении, а областные центры народного творчества могут перечислить некоторые из театров своих территориальных объединений. Сколько, киние и где находятся частные, аматорские театры, проекты и прочие творческие инициативы — доподлинно неизвестно. Статистика, которая, как известно, «знает все», в сегменте украинского театра вынуждена оперировать очень приблизительными данными. Это даже не вспоминая о более точечных вопросах, касательно общего количества спектаклей, которые выпустили эти «точно не посчитанные» театры, какова продолжительность их сценической жизни, процентное соотношение между постановками различных жанров, количество актуальных режиссеров, актеров и так далее...

Что ж, коль негде эту информацию посмотреть — значит можно попробовать ее самостоятельно собрать!

Смелое заявление?

И тем не менее...

«Театральная рыбалка» в декабре 2018 года перебралась из сообщества в Фейсбуке на интернет-платформу, начал свою работу полноценный театральный портал, часть которого составляли тексты театрального блогера. Вторая составляющая — база театральных знаний. С января 2019 года заработал единственный в Украине каталог премьер, который в онлайн-режиме пополняется информацией про театральные новинки всех без исключения театров страны. Упомянул театр в своих соцсетях о готовящейся премьере — информация о ней попадает на страничку каталога, соответствующую месяцу премьеры. С января 2019-го по декабрь 2020-го таким образом было сформировано 24 странички, где разместились коллекции всех известных «театральному рыболову» премьер — название спектакля, драматург, режиссер, при наличии — афиша. Все более диджитализирующийся мир подталкивает театры к освоению современных инструментов продвижения, поэтому в каталогах

также встречаются и видеотрейлеры спектаклей, случаются и полные видеoverсии постановок.

Момент абсолютной определенности еще не наступил, однако первый шаг от полной неопределенности — сделан. В текстах портала «Театральная рыбалка» пишу, в интервью и на конференциях говорю уже не про «много премьер», а оперирую вполне конкретными цифрами: 2019 — 700+, 2020 — 230+... Проект ведет свой сбор и далее — немногочисленные премьеры карантинного января 2021-го также представлены на сайте.

Да, конечно, цифры далеко не финальные и сопровождаются «плюсиками». Однако на данном этапе иначе и невозможно — даже два года спустя встраиваются в общую структуру отдельные спектакли. А «сколько нам открытий чудных готовит...» каждый новый поворот течения, по которому плывет лодка «Театральной рыбалки».

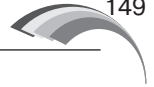
В 2020 году произошел еще один, следующий шаг в театральных исследованиях современного украинского театра. Коллекция собранной на портале информации позволила выпустить детальные обзоры по отдельным направлениям театральной жизни — от литературы, наград и фестивалей до резонансных скандалов. Самая масштабная часть проекта получила название «Театральные города Украины — 2019» и длилась девять месяцев с марта по декабрь. Это был масштабный и кропотливый сбор и систематизация подробностей театрального 2019 года. Говорили о главном — о ключевых событиях из жизни театров, их участие в фестивалях, и конечно же, о премьерах.

Задумка обзора театральных событий с местным персональным гидом по театральному городу реализовалась благодаря Марине Сытник в Одессе, Ольге Квятковской в Черкассах, Виталине Московцевой и Надежде Петренко в Запорожье. Остальные обзоры городов формировались по принципу сбора и сортировки информации, излагалась и публиковалась в хронологическом порядке. Результат — не жизнеописание конкретного театра, а палитра театральной жизни населенного пункта в конкретном временном промежутке. Вышло достаточно цветастое полотно, на котором вольготно разместились национальные и народные театры, скрупулезно собранная информация и наскоро, на коленке набросанный примерный список того, что вспомнилось.

Среди приятных неожиданностей и театральных встреч стал целый ряд коллективов, со своей неповторимой изюминкой. Это и Любительский театр села Лобачовка, что на Волини, который был организован актером Национального театра им. Ивана Франко Петром Панчуком на своей родине. Коллектив непрофессиональных актеров является знаковым в районе, с гастрольями в свое время приезжал в Киев. Неожиданно театральным центром оказался Каменец-Подольский, в котором нет ни одного государственного театра, при этом силами подвижников проводятся два всеукраинских фестиваля, а шесть народных театров и студий выпустили 19 премьер. Заметное место в собранной коллекции занял и Литературный театр «ДАР», который в свое время родился в недрах редакции журнала «Радуга» и который своими работами проталкивает дорожку от литературного текста к театральной зрелищности.

Национальные, академические театры демонстрировали широту охвата аудитории. В перечне гастрольных поездок — все континенты, за минусом Антарктиды, множество фестивалей и привезенных высоких наград, ряд ярких международных проектов. Широко представлен на первой театральной карте Украины инклюзивный театр — коллективы Кривого Рога и Ровно, Вышгорода и Сум... Арт-терапия выходит на качественно новый уровень — инклюзивные актеры не нуждаются в сожалении, а представляют полноценный театральный продукт.

Среднее чистое время на то, чтобы уточнить премьерные даты 2–3–5 премьер, вынуть из папки соответствующие афиши и фотографии, дописать пару нужных абзацев — полчаса-час. И театры, с отлаженным менеджментом с подобным справляются на раз. Одно из самых ярких впечатлений — слаженность работы Львовского

драмтеатра им. Леси Украинки. Однако для большинства театров подобная задача оказывается неподъемной. Примеров растянутых на два-три месяца сборов пары абзацев — добрая сотня. Далеко не единичные случаи, когда так и не удавалось восстановить премьерную дату, вспомнить номинацию на фестивале или отыскать картинку с постером. Есть случаи, когда присылали фотографию с распечатанной афиши. Там же, где даже такого варианта не было, — красуются шаблонные заглушки, как пропущенные фрагменты огромного пазла. Хотя пропущенными частями общей картины являлись не только афиши спектаклей, а и целые театры.

Проект собрал сведения о 467-ми театрах Украины, информация про 300 из которых вышла на страницах 44-х спецвыпусков на портале. Разница между собранными и опубликованными — театры, прекратившие свое существование или находившиеся в творческом отпуске в 2019 году, или отказавшиеся от участия (по некоторым областям отсутствуют академические театры), или просто не вышедшие на связь (таких — наибольшее количество). Многие театры обзавелись персональными страничками в соцсетях, а вот наладить коммуникацию на них — это получается намного сложнее, чем поставить новый спектакль.

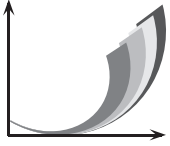
Да и в целом уровень театральной коммуникации по стране далеко не однороден и чаще провисает, нежели подталкивает на конструктив. Отдельные театры и целые города «терялись» после заверений в своем восторге от самого проекта и непременном желании в нем принимать участие. Одни театры застревают на уровне завлитов, в других — преградой становится руководитель. Заметный процент находил особую сложность в самопрезентации двумя абзацами — намного проще говорить из-за спины забронзовевших театральных корифеев, чем сформулировать конкретные свершения одного года.

Наиболее распространенным вопросом в общении был вопрос о печатной версии собранных материалов. Для затеи, которая изначально реализуется в пространстве Интернета и которая уточняется снова и снова практически каждый день, — не самое очевидное решение. Хотя всему свое время, и возможно, сведенный альманах сможет стать настольной книгой театральных менеджеров и исследователей Мельпомены.

А пока цифра в 467 театров — далеко не финальная. Обработка базы фестивалей подбрасывает новые названия, с которыми еще только предстоит познакомиться в рамках театральных исследований. Да и сама собранная информация дарит новые и новые открытия — в подсчетах вырисовываются тренды развития театра, становится возможным говорить без предположений, а с фактическим подтверждением о наиболее продуктивных режиссерах, наиболее востребованных драматургах. Получила свое визуальное воплощение и Первая театральная карта Украины. На сайте «Театральной рыбалки» можно изучить географическое распределение театров включительно с их концентрацией в каждом из 59-ти населенных пунктов 24-х областей страны.

Театр как предмет исследования подходит к завершению своего «дофехнеровского» периода. Цифровка идет своим чередом и совсем скоро даст посыл к переходу от изучения количественных показателей к качественным. Однако это уже совсем другая история...

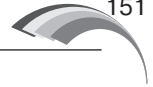

Книга года'2020

Коронавирус внес серьезные коррективы в проведение Всеукраинского рейтинга «Книга года» по итогам 2020-го. Кстати, уже двадцать второго по счету. Но тем не менее стараниями бессменных его организаторов Галины Родиной и Константина Родика рейтинг состоялся. Поддержал их в этот раз 51 эксперт. Меньше, чем обычно. Некоторые из тех, кто постоянно участвовал прежде, болели. Но, как всегда, в числе экспертов совсем неслучайные люди — преподаватели, ученые, редакторы, журналисты, библиотекари. И среди них немало знаковых личностей: зам. директора Института литературы НАН Украины Николай Сулима, директор Института Ивана Франко НАН Украины Евгений Нахлик, вице-президент Ассоциации украинских писателей Людмила Дядченко, главный редактор ресурсов «KINO-КОЛО» и «Сценарна майстерня» Владимир Войтенко, литературовед Михаил Назаренко, театральный, кино- и арт-критик Сергей Васильев, президент Ассоциации европейских журналистов Артур Рудзицкий, историк, народный депутат Владимир Вятрович, книжный обозреватель Юрий Володарский, зам. председателя Национального союза кинематографистов Сергей Тримбач. И список этот можно продолжать довольно долго. Кстати, в этой связи еще раз упомянем создателя рейтинга Константина Родика. Его многолетнее самоотверженное служение Ее величеству Книге известно многим. И как бы хотелось, чтобы это наконец-то заметили и достойно оценили власть предержащие в нашем государстве.

Среди партнеров «Книги года» Институт литературы, Киевская городская государственная администрация, газеты «Україна молода» и «Українська літературна газета», журнал «Всесвіт», сайт «Буквоїд», а также наш журнал, причем с момента возникновения этого рейтинга.

Всего было рассмотрено около одной тысячи книг, представленных издателями. Больше всего в номинациях «Красне письменство» («Художественная литература») — 219 и «Дитяче свято» («Детский праздник») — 199.

По причине пандемии, карантинных мер экспертам пришлось работать удаленно, а не в Институте литературы, как это было в предыдущие несколько лет, и свои оценки присылать по электронной почте. Но верится, это не повлияло на объективность их решений. Вот только, опять же из-за коронавируса, Гран-при «Книги года» в этот раз не определялось.

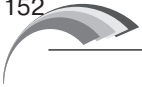
В правом столбце таблицы — рейтинг книг: количество набранных баллов, деленное на количество экспертов в номинации.

«ХРЕСТОМАТІЯ» Художественная классика

1	Перші поетеси. Кодекс давньогрецької жіночої поезії. — Л.: Астролябія	45,09
2	Європейське Середньовіччя: літературний флорилегіум. — Тернопіль: Богдан	41,00
3	Григорій СКОВОРОДА. Літературні твори. — Л.: Апріорі	34,09
4	Вільям Батлер ЄЙТС. Таємна троянда. — Л.: Астролябія	33,45
5	Старша Едда. — К.: Видавництво Жупанського	26,63
6	АЛКІФРОН, ТЕОФРАСТ; БОЕЦІЙ; Клавдій ЕЛІАН; ОВДІЙ; ЦІЦЕРОН. Сер. «Бібліотека античної літератури». — Л.: Апріорі	25,64
7	Ернест ГЕМІНГВЕЙ. Острови поміж течій. — Л.: Видавництво Старого Лева	23,73
8	Право на сміх. Антологія сатири і гумору української діаспори. — К.: Либідь	19,09
9	Біблія у гравюрах Гюстава Доре. — Л.: Апріорі	18,91
10	Знамениті оповідки з діянь римських. — Л.: Апріорі	18,00
11	Володимир ВИННИЧЕНКО. Щось більше за нас. — Х.: Фоліо	15,00
12	Джозеф КОНРАД. Ностромо: приморське сказання. — Л.: Астролябія	14,36
13	Богуміл ГРАБАЛ. Занадто гучна самотність. — К.: Комора	13,45
14	Анатоль ФРАНС. П'єрова книга. У 2-х томах. — К.: Пінзель	13,18

В цій подноминації оцінювалось 52 видання.

Жизнеописания

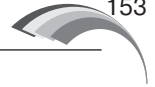
1	Епістолярій Тараса Шевченка. У 2-х книгах. – Х.: Фоліо	61,82
2	Листування Івана Липи. – К.: Темпора	49,82
3	Станіслав РОСОВЕЦЬКИЙ. Шевченко. Сучасна біографія. – К.: Дух і Літера	44,18
4	Наталена КОРОЛЕВА. Шляхами і стежками життя. – Х.: Фоліо	42,09
5	Олександра УШКАЛОВА, Олександр УШКАЛОВ. Запах дощу... Спогади про Леоніда Ушкалова. – К.: Дух і Літера	39,81
6	Володимир ВИННИЧЕНКО. Щоденник. Том 5 (1932–1936). – К.: Смолоскип	34,27
7	Елеонора СОЛОВЕЙ. Упізнання святого. – К.: Дух і Літера	32,09
8	Роман Корогодський: спогади друзів, листування. – К.: Дух і Літера	19,55
9	Томас РІКС. Черчилль і Орвелл. Битва за свободу. – К.: Лабораторія	16,91
10	Володимир ЯВОРІВСЬКИЙ. Вони були, вони є. – К.: Брайт Букс	14,09
11	Іван ПУЛЮЙ. Непропаша сила. – Тернопіль: Богдан	13,82
12	Тетяна ТЕРЕН. Сотворіння світу. Сім днів із Тарасом Прохаськом. – К.: Rabulum	11,82
13	Ізраель ХАЛФЕН. Пауль Целан. Біографія юності поета. – Чернівці: Видавництво 21	11,27
14	Степан ПРОЦЮК. Відкинуті і воскреслі. Есеї про письменників і суспільство. – Брустурів: Discursus	10,18

В этой подноминации оценивалось 22 издания.

Литературоведение / критика

1	Володимир ПАНЧЕНКО. Зупинитися і озирнутись. – К.: Темпора	64,55
2	Ганна УЛЮРА. Ніч на Венері: 113 письменниць, які сяють у темряві. – К.: ArtHuss	63,73
3	Іван ДЗЮБА. Золота нитка: нариси про (не)знаних. – К.: Дух і Літера	46,36
4	Максим СТРИХА. Український переклад і перекладачі. – К.: Дух і Літера	33,82
5	Леся УКРАЇНКА. Апокриф. Блаженніший Святослав ШЕВЧУК, Оксана ЗАБУЖКО. Чотири розмови про Лесю Українку. – К.: Комора	31,18

6	<i>Петро РИХЛО</i> . Пауль Целан. Референції. – К.: Дух і Літера	30,09
7	<i>Наталія КСЬОНДЗИК</i> . Класицизм і соцреалізм. – К.: Смолоскип	25,45
8	<i>Микола ІЛЬНИЦЬКИЙ</i> . Читаючи, перечитуючи... – Тернопіль: Богдан	25,27
9	<i>Ольга ШАФ</i> . Гендерно-психологічні аспекти української лірики ХХ ст. – К.: Просвіта	20,82
10	<i>Ярослав ПОЛИЩУК</i> . Пошуки Східної Європи: тіні минулого, міражі майбутнього. – Чернівці: Видавництво 21	18,91
11	Стратегії мемуарної та мандрівної літератур західноукраїнських письменників др. пол. ХІХ – пер. пол. ХХ ст. – Л.: Інститут українознавства НАНУ	17,91
12	<i>Ростислав СЕМКІВ</i> . Уроки короля жахів: як писати горор. – К.: Rabulum	15,00
13	<i>Фелікс ШТЕЙНБУК</i> . Під «Знаком Саваофа», або «Там, де...» Ульяненко. Ч.1. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго	12,73
14	<i>Василь ГОЛОБОРОДЬКО</i> . Зміст української народної казки. Том 1. – К.: Видавець Марко Мельник	10,91

В этой подноминации оценивалось 21 издание.

« КРАСНЕ ПИСЬМЕНСТВО »
(« ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА »)
Современная украинская проза / эссеистика / драматургия

1	<i>Софія АНДРУХОВИЧ</i> . Амадока. – Л.: Видавництво Старого Лева	50,14
2	<i>Сергій ЖАДАН</i> . Хлібне перемир'я. – Чернівці: Meridian Czernowitz	49,36
3	<i>Оксана ЗАБУЖКО</i> . Планета Полин. – К.: Комора	39,93
4	<i>Василь МАХНО</i> . Уздовж океану на ровері. – К.: Yakaboo publishing	35,21
5	<i>Олесь ІЛЬЧЕНКО</i> . Порт Житана. – Чернівці: Meridian Czernowitz	29,93
6	<i>Василь ШКЛЯР</i> . Треба спитати у Бога. – Х.: Клуб сімейного дозвілля	23,00
7	<i>Марина ГРИМИЧ</i> . Юра. – К.: Нора-Друк	22,93
8	<i>Тимофій ГАВРИЛІВ</i> . Небо над хварами. – Іван-Франківська: Лілея-НВ	21,79
9	<i>Андрій КУРКОВ, Юрій ВИННИЧУК</i> . Ключі Марії. – Х.: Фоліо	21,36
10	<i>Галина ПАГУТЯК</i> . Пугівник розгублених. – Л.: Піраміда	19,57
11	<i>Гаська ШИЯН</i> . За спиною. – Х.: Фабула	16,93
12	<i>Василь СЛАПЧУК</i> . Роман & Роман. – К.: Рідна мова	15,93

13	Андрій ЛЮБКА. Малий український роман. – Чернівці: Meridian Czernowitz	15,43
14	В'ячеслав МЕДВІДЬ. Потьма. Книга пришт. – К.: Києво-Могилянська академія	13,00

В этой подноминации оценивалось 42 издания.

Жанровая литература (детектив / приключения / фантастика / любовный роман / исторический роман / молодежная проза / автобиографии)

1	Володимир ЄШКЛЄВ. Каїн. – Х.: Фоліо	46,64
2	Люко ДАШВАР. #галябезголови. – Х.: Клуб сімейного дозвілля	35,14
3	Олег СЕНЦОВ. Другу також варто придбати; Жинзя. – Л.: Видавництво Старого Лева	32,79
4	Антон САНЧЕНКО. Круз та Лис. Напередодні. – К.: Комора	32,07
5	Василь ГАБОР. Чи ви любите?.. Подихи. – Л.: Піраміда	31,07
6	Сергій СЕРГІЙОВИЧ (SAIGON). Юпак. – К.: Білка	28,71
7	Кримський інжир. Демірджі. – Л.: Видавництво Старого Лева	21,86
8	Іларіон ПАВЛЮК. Я бачу, вас цікавить п'ятьма. – Л.: Видавництво Старого Лева	21,00
9	Анатолій ДНІСТРОВИЙ. Пацики. – К.: Видавництво Жупанського	19,43
10	Дмитро КОРЧИНСЬКИЙ. Протоколи загублених снів. – К.: Залізний тато	16,29
11	Антін МУХАРСЬКИЙ. I am not Russia: неполіткоректний антифеміністичний чоловічий роман. – К.: Наш формат	16,21
12	Юрій ЩЕРБАК. Час Великої Гри. Фантоми 2079 року. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	16,21
13	Василь КОЖЕЛЯНКО. Дефіляда в Москві. – Іван-Франківська: Лілея-НВ	15,14
14	Дорж БАТУ. Моцарт 2.0. – Л.: Видавництво Старого Лева	12,50

В этой подноминации оценивалось 56 изданий.

Современная зарубежная проза / эссеистика / драматургия

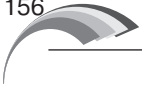
1	Ольга ТОКАРЧУК. Книги Якова; Химерні оповідання. – К.: Темпора	57,69
2	Мілан КУНДЕРА. Безсмертя; Жарт. – Л.: Видавництво Старого Лева	39,92

3	<i>Орхан ПАМУК. Рудоволоса жінка.</i> – Х.: Фоліо	36,23
4	<i>Кетіль БЙОРНСТАД. Ріка.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	29,92
5	<i>Стівен КІНГ. Інститут; Піднесення; Чотири сезони.</i> – Х.: Клуб сімейного дозвілля	24,77
6	<i>Катажина ГРОХОЛЯ. Г'юстоне, у нас проблеми.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	20,77
7	<i>Жан-Крістоф ГРАНЖЕ. Останнє полювання.</i> – Х.: Клуб сімейного дозвілля	18,69
8	<i>В. Г. ЗЕБАЛЬД. Аустерліц.</i> – К.: Комубук	18,54
9	<i>Кадзуо ІППУРО. Художник хиткого світу.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	14,00
10	<i>Міленко ЄРІОВИЧ. Вілімовський.</i> – К.: Комора	13,77
11	<i>Маргарет ЕТВУД. Заповіді.</i> – Х.: Клуб сімейного дозвілля	12,31
12	<i>Кейт КВІНН. Мережа Аліси.</i> – Х.: Віват	12,15
13	<i>Горан ПЕТРОВИЧ. Атлас, описаний небом.</i> – К.: Комора	12,15
14	<i>Антологія сучасної австрійської прози.</i> – Чернівці: Видавництво 21	12,08

В этой подноминации оценивалось 84 издания.

Поэзия / афористика

1	<i>Сергій ЖАДАН. Список кораблів.</i> – Чернівці: Meridian Czernowitz	57,86
2	<i>Олег ЛИШЕГА. Розлоге дерево.</i> – Л.: Піраміда, 144 с. (с)	41,50
3	<i>Маріанна КІЯНОВСЬКА. Живі перетворення.</i> – К.: Дух і Літера	36,00
4	<i>Бум-Бам-Літ. Антологія беларуської поетичної революції.</i> – К.: Люта справа	34,29
5	<i>Богдан-Ігор АНТОНІЧ. Книга Лева. Ротації.</i> – Л.: Піраміда	28,36
6	<i>Юрій ІЗДРИК. Naked one.</i> – Чернівці: Meridian Czernowitz	28,14
7	<i>Олена ГЕРАСИМ'ЮК. Тюремна пісня.</i> – К.: Люта справа	28,00
8	<i>Пауль ЦЕЛАН. Затьмарено; Притулок часу.</i> – Чернівці: Видавництво 21	24,43
9	<i>Михайль СЕМЕНКО. П'єро кохає, задається і мертвопетлює.</i> – Л.: Піраміда	23,50
10	<i>Василь ГОЛОБОРОДЬКО. Загадка п'ятьох дівочих рушників.</i> – К.: Інформаційно-аналітичне агентство	21,36
11	<i>Анна МАЛІГОН. Розарій.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	20,29

12	<i>Артем ПОЛЕЖАКА. Люди у пошуках щастя.</i> – К.: Люта справа	16,14
13	<i>Таня МАЛЯРЧУК. За такі гріхи Бог ще подякує.</i> – Чернівці: Meridian Czernowitz	12,79
14	<i>Іван МАЛКОВИЧ. Яксунині береги.</i> – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	12,07

В этой подноминации оценивалось 37 изданий.

«СОФІЯ»

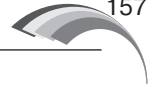
Філософія / антропологія / психологія

1	<i>Є. БИСТРИЦЬКИЙ, Р. ЗИМОВЕЦЬ, С. ПРОЛЕСЬВ. Комунікація і культура в глобальному світі.</i> – К.: Дух і Літера	123,71
2	<i>Станіслав КОМАРЕК. Європа на роздоріжжі.</i> – Л.: Априорі	120,57
3	<i>Едмунд ГУСЕРЛЬ. Ідеї чистої феноменології і феноменологічної філософії.</i> – Х.: Фоліо	64,86
4	<i>Ганс Ульрих ГУМБРЕХТ. Продукування присутності.</i> – Х.: IST Publishing	57,14
5	<i>Нік БОСТРОМ. Суперінтелект.</i> – К.: Наш формат	56,86
6	<i>Альгірдас Ілюс ГРЕЙМАС. Про богів та людей.</i> – К.: Києво-Могиллянська академія	47,42
7	<i>Деніел ЛЕВІТІН. Структуроване мислення.</i> – К.: Наш формат	44,29
8	<i>Емануеле СЕВЕРИНО. Сутність нігілізму.</i> – К.: Темпора	40,57
9	<i>Ібн СІНА. Книга спасіння.</i> – К.: Темпора	40,29
10	<i>Ірвін ЯЛОМ. Вдивляючись у сонце.</i> – Х.: Клуб сімейного дозвілля	37,14
11	<i>Пітер СІНГЕР. Визволення тварин.</i> – К.: Rabulum	33,71
12	<i>Томас МУР. Піклування про душу.</i> – Л.: Астролябія	33,14
13	<i>Деніел ГОУЛМАН. Соціальний інтелект.</i> – Х.: Клуб сімейного дозвілля	26,29
14	<i>Тамара МАРЦЕНЮК. «Захисники Галактики»: влада і криза в чоловічому світі.</i> – К.: Комора	24,28

В этой подноминации оценивалось 30 изданий.

Політологія / соціологія / культурологія

1	<i>Тарас ЛЮТИЙ. Культура принад і спротиву.</i> – К.: Темпора	137,14
2	<i>Владимир ГОРБУЛИН. Как победить Россию в войне будущего.</i> – К.: Брайт Букс	136,00

3	<i>Джейсон БРЕННАН.</i> Проти демократії. — К.: Дух і Літера	59,43
4	<i>Семюел ГАНТІНГТОН.</i> Політичний порядок у мінливих суспільствах. — К.: Наш формат	48,00
5	<i>Алейда АССМАН.</i> Права та обов'язки людини. У пошуках нового суспільного договору. — К.: Дух і Літера	45,71
6	<i>Лариса МАСЕНКО.</i> Конфлікт мов та ідентичностей у пострадянській Україні. — К.: Кліо	45,71
7	<i>Лариса ЯКУБОВА.</i> Євразійський розлам. — К.: Кліо	44,57
8	<i>Френсіс ФУКУЯМА.</i> Ідентичність. — К.: Наш формат	41,43
9	<i>Олександр САВЧЕНКО.</i> Антиукраїнець. — К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	41,14
10	<i>Генрі Девід ТОРО.</i> Волден, або Життя в лісах. — К.: Темпора	36,86
11	<i>Василь ЛІСОВИЙ.</i> Україна: повернення часу. — К.: Дух і Літера, 712 с. (п)	33,71
12	<i>Вадим ДЕНИСЕНКО, Юрій ВИШНЕВСЬКИЙ.</i> Політики не брешуть. — К.: Наш формат	32,57
13	<i>Джон ЛОК.</i> Два трактати про правління. — К.: Наш формат	30,29
14	<i>Девід ФРІДМАН.</i> Механізм свободи. Анархія вільного ринку. — К.: Наш формат	28,29

В этой подноминации оценивалось 30 изданий.

« МИ Н У В Ш И Н А »
(« С Т А Р И Н А »)

Популярные издания / историческая беллетристика

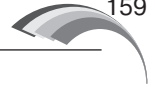
1	<i>Сергій ПЛОХІЙ.</i> Забуті покидьки східного фронту. — Х.: Клуб сімейного дозвілля	52,11
2	<i>Мірослав ВЛЕКЛИЙ.</i> Гарет Джонс. Людина, яка забагато знала. — Л.: Човен	48,33
3	<i>Андерс РІДЕЛЛ.</i> Книжкові злодії. — Х.: Фабула	41,00
4	<i>Роман КОВАЛЬ.</i> Жінки у Визвольній війни. 1917–1930. — К.: Видавництво Марка Мельника	31,89
5	<i>Ольгерд Іполит БОЧКОВСЬКИЙ.</i> Вибрані праці та документи. Том III у 2-х книгах. — К.: Дух і Літера	28,44
6	<i>Сергій СЕГЕДА.</i> Видатні жінки української історії. — К.: Балтія-Друк	27,00
7	<i>Ярослав ТИНЧЕНКО.</i> Українська армія у 1920 році. — К.: Темпора	24,33

8	Медики Української Галицької Армії. – Л.: Література та мистецтво	23,00
9	Тетяна ВОДОТИКА. Історії успіху: видатні українські бізнесмени XIX ст. – Х.: Фоліо	21,11
10	Леонід ЗАЛІЗНЯК. Моя археологія. – К.: Темпора	20,00
11	Гжегож ГАУДЕН. Львів: кінець ілюзій. Оповідь про листопадовий погром 1918 р. – Л.: Човен	18,00
12	Олеся ЖДАНОВИЧ. Авари в Європі; Великий Тюркський каганат. – К.: Темпора	16,67
13	Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ. З української старовини. – Х.: Видавець Олександр Савчук	14,22
14	Олександр ПАЛІЙ. Збагнути Росію. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	13,00

В этой подноминации оценивалось 29 изданий.

Исследования / документи

1	Самійло ВЕЛИЧКО. Літопис. – К.: Кліо	109,33
2	Ігор ГИРИЧ. Українські інтелектуали і політична окремішність. – К.: Українські пропілеї	55,33
3	Станіслав КУЛЬЧИЦЬКИЙ, Лариса ЯКУБОВА. Триста років самотності. – К.: Кліо	39,22
4	Даніель БОВУА. Трикутник Правобережжя: царат, шляхта і народ. – К.: Кліо	37,56
5	Ігор ГИРИЧ. В'ячеслав Липинський: хлібороб і жовнір. – К.: Інститут української археографії НАНУ	29,22
6	Адам ДЖОНС. Геноцид. Вступ до глобальної історії. – К.: Дух і Літера	24,67
7	Історія європейської цивілізації. Середньовіччя. – Х.: Фоліо	19,44
8	Олександр ДЄДИК. Бої у Львові 1–21 листопада 1918 р. У 2-х част. – Л.: Астролябія	16,89
9	Сергій ЄКЕЛЬЧИК. Український досвід Другої світової війни. – К.: Медуза	16,00
10	Юрій ЛІБЕР. Тотальні війни. Творення модерної України у 1914–1954 рр. – Х.: Віват	13,44
11	Вера ЧЕНЦОВА. Киевская метрополия между Константинополем и Москвой. 1686. – К.: Дух и Литера	12,67
12	Ніл ФЕРґюсон. Імперія; Глобальний занепад. – К.: Наш формат	11,11
13	Рафаель ЛЕМКІН. Радянський геноцид в Україні. – К.: Видавництво Марка Мельника	11,89

- 14 **Олександр ФИЛИПЧУК. Забутий святий. Князь Володимир Великий між Сходом і Заходом.** — К.: Laurus **10,89**

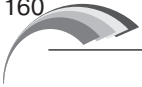
В этой подноминации оценивалось 23 издания.

Биографии / мемуары

1	Карл Густав МАННЕРГЕЙМ. Мемуари. Том 1. — Л.: Астролябія 60,56
2	М. БЕЗРУЧКО; Т. БУЛЬБА-БОРОВЕЦЬ; Т. ГОРДОН; С. ЄФРЕМІВ; В. ЗЕЛІНСЬКИЙ; З. КНИШ; Є. КОНОВАЛЕЦЬ; Р. КРОХМАЛЮК; К. ЛЕВИЦЬКИЙ; В. МАРТИНЕЦЬ; Б. МОНКЕВИЧ; М. ОМЕЛЯНОВИЧ-ПАВЛЕНКО; Є. ПОБІГУЩИЙ-РЕН; Г. РОГОЗНИЙ; Я. СТЕЦЬКО; М. ТАРНАВСЬКИЙ; Ю. ТЮТЮННИК; П. ШАНДРУК; С. ШРАМЧЕНКО; В. ЧИЖЕВСЬКИЙ. Сер. «Звитязжі». — Івано-Франківськ: Лілея-НВ 60,33
3	Полковник Болбочан. Спогади, свідчення, документи. — К.: Видавництво Марка Мельника 45,78
4	Елінор БАРКЕТТ. Голда. — Х.: Віват 37,33
5	Джон МАККЕЙН, Марк СОЛТЕР. Буремна хвиля. — Х.: Віват 35,44
6	Юрій ШАПОВАЛ. Партійний «націоналіст». — Л.: Видавництво Анетти Антоненко; К.: Ніка-Центр 34,89
7	Андрій ПУЧКОВ. Візантійські склепіння Юліана Кулаковського. — К.: Дух і Літера 19,44
8	Шимон ПЕРЕС. Дрібних ідей не буває. — К.: BookChef 18,22
9	Маргарита ДОВГАНЬ. Ріка життя. — К.: Кліо 16,44
10	Олексій ДАНИЛИШИН. Повстанськими стежками Жидачівського краю. — Л.: Астролябія 15,00
11	Дмитро ШУРХАЛО. Скоропадський, Маннергейм, Врангель: кавалеристи-державники. — К.: Залізний тато 14,11
12	Петро КОТЛЯРОВ. Філіп Меланхтон. Фенікс Реформації. — К.: Дух і Літера 12,67
13	Кирило ТРИЛЬОВСЬКИЙ. З мого життя. — Л.: Література та мистецтво 12,56
14	Ганс-Мартін ЛОМАНН. Зігмунд Фройд. — К.: Видавництво Жупанського 10,22

В этой подноминации оценивалось 29 изданий.

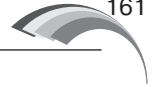
**«ОБРІЇ»
(«ГОРИЗОНТЫ»)
Научно-популярная литература**

1	<i>М. ОСТЕРГОЙМ, М. ОЛКШЕЙКЕР.</i> Смертельний ворог. Людство проти мікробів-убивць – К.: Лабораторія	70,86
2	<i>Лія ПРАЙС.</i> Про що ми говоримо, коли говоримо про книжки. – К.: Yakaboo publishing	70,00
3	<i>Еула БІСС.</i> Імунітет. Правда і міфи про щеплення. – К.: Наш формат	31,14
4	<i>Норман ДОЙДЖ.</i> Самовідновлення мозку. – К.: Наш формат	28,00
5	<i>Ерік ВАЙНЕР.</i> Географія геніальності. – Х.: Віват	27,57
6	<i>Френк РАЯН.</i> Вірусосфера. – К.: Yakaboo publishing	25,43
7	<i>Андрій ВАРЛАМОВ, Лев АСЛАМАЗОВ.</i> Несамовита фізика. – К.: Наш формат	20,86
8	<i>Льюїс ДАРТНЕЛЛ.</i> Як Земля сформувала історію людства. – К.: Наш формат	20,43
9	<i>Юрій ВИННИЧУК.</i> Лицарі пера і чарки. – Л.: Априорі	20,00
10	<i>Флоріан ВЕРНЕР.</i> Темна матерія. Лайно. – К.: Ніка-Центр; Л.: Видавництво Анетти Антоненко	19,43
11	<i>Ален АКСЕЛЬРОРД.</i> Вінстон Черчилль, СЕО. 25 уроків лідерства для бізнесу. – К.: BookChef	18,29
12	<i>Кріс ГЕДФІЛД.</i> Посібник астронавта з життя на Землі. – К.: Жорж	14,86
13	<i>Вацлав СМІЛ.</i> Енергія та історія цивілізації. – Х.: Клуб сімейного дозвілля	14,71
14	<i>Ричард ШЕПЕРД.</i> Неприродні випадки. – К.: BookChef	14,14

В этой подноминации оценивалось 26 изданий.

Бизнес/ экономика / успех

1	<i>Тмур ВОРОНА.</i> Дмитро Дубілет. Бізнес на здоровому глузді. – К.: BookChef	64,86
2	<i>Алла КОВТУН.</i> Сальдо великих грошей. Історія фінансово-банківської системи України у спогадах причетних. – К.: Успіх і кар'єра; Чернівці: Букрек	54,86
3	50 найкращих книжок із саморозвитку в інфографіці. – К.: Моноліт-Bizz	46,14

4	М. НЕФЬОДОВ, Ф. КРИКУН. ProZorro. Зробити неможливе в українській владі. – К.: Наш формат	38,86
5	Д. ЕРІН. Великий куш. Всесвітня історія боротьби за владу, гроші, нафту. – Х.: Клуб сімейного дозвілля	27,86
6	Річ ЛІ. Міфи про PR. – Х.: Фабула	23,57
7	Р. АЙГЕР. Мандрівка тривалістю в життя. Чого мене навчили 15 років на чолі Walt Disney. – К.: BookChef	18,57
8	Адам КЕХЕЙН. Взаємодія з ворогом. – К.: Лабораторія	18,29
9	Д. МАЄР. Workflow. Практичний посібник до творчого процесу. – К.: ArtHuss	18,29
10	О. БУЛЛО. Moneyland. Грошокрай: чому злодії та шахраї керують світом і як це змінити. – Х.: Віват	16,86
11	Емі ВЕББ. Велика дев'ятка. – Х.: Віват	15,43
12	М. ДЖОНСОН. А тепер спробуйте щось дивніше. Як вижити в креативному бізнесі і лишатися невичерпним джерелом ідей. – К.: ArtHuss	12,57
13	Марк РЕНДОЛЬФ. NETFLIX. Ця ідея ніколи не спрацює. – К.: BookChef	12,00
14	Юрій ГОЛИК. Бесконечность не для слабаков. – Х.: Фолио	10,00

В этой подноминации оценивалось 32 издания.

Публицистика / современные мемуары

1	Олександр МИХЕД. «Я змішаю твою кров з вугіллям». Зрозуміти український Схід. – К.: Наш формат	64,43
2	Олег СЕНЦОВ. Хроніка одного голодування; 4 з половиною кроки. – Л.: Видавництво Старого Лева	63,71
3	Ірина ВОВК. На щиті. Спогади родин загиблих воїнів. Дебальцеве; Донецький аеропорт; Іловайськ; Ірина ВОВК, Дар'я БУРА. Ізоляція. Таємні в'язниці Донбасу в оповідях врятованих. – Х.: Фолио	45,71
4	Євген СПІРІН. Морг. Історії луганського санітара. – К.: Люта справа	29,57
5	Володимир ВАСИЛЕНКО. На війні як на війні: tertium non datur. У трьох книгах. – К.: Темпора	28,86
6	Польська солідарність з Майданом. – К.: Дух і Літера	18,86
7	Наталія ГУМЕНЮК. Загублений острів. Книга репортажів з окупованого Криму. – Л.: Видавництво Старого Лева	17,14

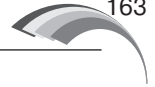
8	Мости замість стін, або Що об'єднує українців? – Л.: Видавництво Старого Лева	13,86
9	Віра КУРИКО. Вулиця причетних. Чернігівська справа Лук'яненка. – К.: Темпора	13,71
10	Veni, vidi, skripsi: життя у місті. – К.: Темпора	12,71
11	Олександр ДАНИЛЮК. Ті, що стомилися боятися. Дебальцеве 2015 очима фронтового лікаря. – К.: Темпора	11,86
12	Джохар ДУДАЄВ. Лицар свободи; Аслан МАСХАДОВ. Честь до-рожча за життя. – К.: Залізний тато	11,43
13	Артем ШЕВЧЕНКО. Слов'янськ. Початок війни. – Х.: Фоліо	10,00
14	Василь ПАЛАМАРЧУК. Військовий непотріб. – К.: Білка	9,43

В этой подноминации оценивалось 45 изданий.

Спеціальна література / справочні видання

1	Атлас птахів України: повна збірка. – Хмельницький: Цюпак А. І.	66,29
2	Оксана МОРОЗ. Нація овочів? Боротьба за правду. – К.: Yakaboo publishing	65,71
3	Анастасія ЛЕУХІНА. Зовсім не страшна книга. – К.: Дух і Літера	36,86
4	Памела ПОЛ, Марія РУССО. Як виховати читача. – К.: ArtHuss	29,71
5	Тарас БЕРЕЗА. Скажи мені українською. – Л.: Априорі	26,29
6	І. ДЖОСІФОВІЧ, Дж. де ГРАФ. Міські джунглі; Р. ЕТВУД. Життя в кольорі. – К.: ArtHuss	24,57
7	Шон БАЙЗЕЛ. Сповідь книгаря. – К.: Наш формат	23,43
8	Як добре й здорово варити. – К.: Богуславкнига	22,86
9	Джарон ЛАНЬС. 10 причин видалити акаунт із соцмереж просто зараз. – Х.: Віват	21,71
10	В. Б. ЯКУБОВСЬКИЙ, І. В. ЯКУБОВСЬКИЙ, О. О. КАЙДА-НОВСЬКА. Основи проектування садибного житла; Г. Б. ЛУКА-ЩУК. Дендрологія. – Л.: Видавництво Львівської політехніки	21,00
11	С. Д. МАКСИМЕНКО, М. Й. МЕЄРОВИЧ, Л. І. ШРАГІНА. Системне мислення. – К.: Києво-Могилянська академія	18,26
12	П. В. СІНГЕР, Емерсон Т. БРУКІНГ. Війна лайків. – Х.: Клуб сімейного дозвілля	14,86
13	Яніна СОКОЛОВА, Ольга КУПРІЯН. Я. Ніна. – К.: Книголав	14,57
14	Грейс БОННІ. Жіноча компанія. – К.: ArtHuss	12,29

В этой подноминации оценивалось 32 издания.

**«ДИТЯЧЕ СВЯТО»
(«ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК»)**

Книги для малышей

1	<i>Грася ОЛІЙКО. Історія, яку розповіла Жука.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	65,70
2	<i>Наталка МАЛЕТИЧ / Наталія ЧОРНА. Привид, який не міг заснути.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	40,30
3	<i>Свен НОРДКВІСТ. А що ти вмієш, Петсоне?</i> – Тернопіль: Богдан	33,20
4	<i>Марюс МАРЦИНКЯВІЧУС. Озеро загадок.</i> – К.: Знання	30,50
5	<i>Катерина ЄГОРУШКІНА. Скриня; Оксана ЛУЩЕВСЬКА. Ї. Особлива буква. Сер. «Про історію речей і явищ».</i> – К.: Портал	28,00
6	<i>Всеволод НЕСТАЙКО. Кузя, Зюзя і компанія.</i> – К.: Наш формат	26,00
7	<i>Юйя і Томас ВІСЛАНДЕР. Як Мама Му поранилася; Як Мама Му будувала хату; Ану, швидше, Мамо Му.</i> – Тернопіль: Богдан	25,20
8	<i>Настя МУЗИЧЕНКО / Оксана ДРАЧКОВСЬКА. Сни для канапи.</i> – Х.: Ранок	16,10
9	<i>Ільмар ТОМУСК. Друзі Вовчика.</i> – Л.: Видавництво Старого Лева	14,40
10	<i>Катрін ШЕРЕР. Міська миша та сільська миша; Лоренц ПАУЛІ / Катрін ШЕРЕР. Як святкувати Різдво?</i> – Тернопіль: Богдан	14,20
11	<i>Том ШАМП. Отто великий, Отто маленький; Отто на канікулах.</i> – Х.: Ранок	14,10
12	<i>Стейсі МАКЕЛАЛТІ. Земля: мої перші 4,5 мільярди років.</i> – Х.: Ранок	13,50
13	<i>Ервін МОЗЕР. Веселі історії на добраніч.</i> – Чернівці: Чорні вівці	12,40
14	<i>Джес ФРЕНЧ. Як допомогти їжачкові та захистити полярного ведмедя.</i> – К.: Каламар	10,30

В этой подноминации оценивалось 41 издание.

Литература для младших школьников

1	<i>Уляна ЧУБА. Мед і Паштет – фантастичні вітрогони.</i> – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	46,50
2	<i>Мішель ЛЕКРЬО, Селія ГАЛЛЕ, Клеманс Ру де ЛЮЗ. Підручник відважного мандрівника.</i> – К.: Час майстрів	46,50
3	<i>Му ABC book.</i> – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	42,40
4	<i>Байки Езопа в перекладі Олександра Виженка.</i> – К.: Час майстрів	33,70

5	<i>Мирослав ЛАЮК.</i> Ківі Ківі. – Л.: Видавництво Старого Лева	32,80
6	<i>Ред'ярд КІПЛІНГ.</i> Тафі і Тегумай. Як кіт блукав, де заманеться. – Тернопіль: Богдан	24,30
7	<i>Василь КАРП'ЮК.</i> Олекса Довбуш. Таємниця Сили. – Брустурів: Discursus	24,06
8	<i>Ася МІЦКЕВИЧ.</i> Ася і пластиковий світ. – К.: Моноліт-Bizz	23,00
9	<i>Сашко ДЕРМАНСЬКИЙ.</i> Нічийний хруль; Обиральний день. – К.: Портал	21,20
10	<i>Іван АНДРУСЯК.</i> Нечиста сила та інші капосні історії; Сірка на порох. – К.: Наш формат	19,30
11	<i>Ростислав ПОПСЬКИЙ.</i> Там, де блукають сни. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	17,00
12	<i>Світлана ТАРАТОРИНА.</i> Оця Марія звірів малювала. – Житомир: Видавництво	15,40
13	<i>Ред'ярд КІПЛІНГ.</i> Чому і як? Такі собі казочки. – Х.: Школа	14,40
14	<i>Сусанна ІСЕРН.</i> Велика книга суперскарбів (тих, що справді важливі). – К.: Каламар	14,20

В этой подноминации оценивалось 44 издания.

Література для школьників середніх класів

1	<i>Шлях українського воїна.</i> – К.: Балтія-Друк	50,50
2	<i>Дж. РОЛІНГ.</i> Гаррі Поттер і Келих Вогню магії; Злочини Гріндельвальда. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	27,20
3	<i>Григорій СКОВОРОДА.</i> Байки. – Х.: Віват	25,40
4	<i>Надійка ГЕРБІШ.</i> Ми живемо на краю вулкана. – К.: Портал	24,40
5	<i>Л. СТОВЕЛЛ.</i> Життя онлайн. – К.: Книголав	24,00
6	<i>Д. АЛЛЕН, М. ВІЛЬЯМС, М. ВОЛЛЕС.</i> Getting Things Done, або Як навчитися контролювати власне життя у мінливому світі. – К.: КМ-Букс	20,30
7	<i>Іван ВЕЛИЧКО.</i> Шахова абетка. – Л.: Априорі	19,20
8	<i>Дара КОРНІЙ.</i> Чарівні істоти українського міфу. Духи-шкідники. – Х.: Віват	15,20
9	<i>Ірена ПАНАРИНА.</i> ПтахАбетка. Українські пернаті. – Х.: Ранок	13,80
10	<i>Р. РОСИЦЬКИЙ, А. БАЧИНСЬКИЙ, Б. МАТІЯШ, В. ЗАХАБУРА, О. ВОЙТЕНКО.</i> Коли сніг пахне апельсинками. – Л.: Видавництво Старого Лева	13,60

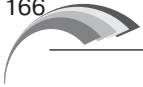
11	В. ВЗДУЛЬСЬКА. Українські дибовиська; Г. ГЛОДЗЬ. Бустрофедон та інші; Г. ТКАЧУК. Школознавство. Сер. « <i>Нонфікін для 7+</i> ». – К.: Портал	13,40
12	Б. КОСМОВСЬКА, Г. КАСДЕПKE. Великий вибух, або К. проти К. – Х.: Школа	12,00
13	В. ВЗДУЛЬСЬКА. Генрі Форд; І. КОСТЮЧЕНКО. Вінстон Черчилль; М. РУБАН. Марія Приймаченко. Сер. « <i>Видатні особистості</i> ». – К.: ІРІО	11,80
14	Льюїс КЕРРОЛ. Аліса у Задзеркаллі. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	11,80

В этой подноминации оценивалось 62 издания.

Книги для юношества

1	Нора К., Вітторіо ГЬОСЛЕ. Кав'ярня мертвих філософів. – К.: Новий Акрополь	50,33
2	Т. СТРИЖЕВСЬКА; К. МІХАЛІЦИНА, С. ВОРНИЦЬКИЙ; Г. ГЛОДЗЬ; А. МЕЛЬНИЧЕНКО; П. ЯЦЕНКО; В. ТИЛІЩАК; А. ЛЕВКОВА. Сер. « <i>Нонфікін для 11+</i> ». – К.: Портал	41,22
3	Юрій ЖУРАВЕЛЬ. Знай наших. – Рівне: Діти Підземелля	35,56
4	Марина КАФТАН. Історія брехні. Як ми обманюємося. – К.: Портал	33,78
5	О. РОМАЩЕНКО, М. БУШ, С. ВОЗІАНОВА. Підліткам про головне. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	30,22
6	М. ГУДВІН. Економіка: як вона працює (і не працює) у словах та малюнках. – Л.: Ірбіс Комікси	19,56
7	Професії. Оптимальний довідник для планування майбутнього. – К.: Брайт Букс	18,11
8	К. ВОЛОШИНА. Боги маісу і шоколаду; Оксана КУЦЕНКО. Лерато означає «любов». Сер. « <i>Історія світу</i> ». – К.: Портал	17,78
9	Йоанна ЯГЕЛЛО. Як дві краплі води. – Л.: Урбіно	17,78
10	К. де ВІТТЕ. Посібник з виживання для дівчат: про тіло, школу, кохання й інші труднощі підліткового віку. – К.: Книголав	15,56
11	К. БУЛАХОВСЬКИЙ, М. ГАВРИЛЮК. Розповіді про тварин і їх назви. – Л.: Апріорі	14,44
12	Володимир АРСЕНЬВ. Заклятий меч, або Голос крові. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	14,22
13	Террі ПРАТЧЕТТ. Вільні малолюдці. – Л.: Видавництво Старого Лева	11,67
14	Володимир КУЗНЄЦОВ. Вогневир. Том 1. – К.: Бугайов В. В.	9,78

В этой подноминации оценивалось 52 издания.

**« ВІЗИТІВКА »
(« В И З И Т К А »)**

Живопись / фотография / пластика

1	Нарбут. Студії. Спогади. Листи. – К.: Родовід	80,76
2	Дмитро ГОРБАЧОВ. Лицарі голодного Ренесансу. – К.: Дух і Літера	41,65
3	Українська абетка та казки в ілюстраціях Георгія Нарбута. – Х.: Фоліо	31,18
4	В. САХАРУК. Микола Трох. <i>Enfant terrible</i> української фотографії. – К.: Stedley Art Foundaition	30,88
5	Василь Кричевський. Хрестоматія в 2-х т. – Х.: Видавець Олександр Савчук	30,12
6	О. АВРАМЕНКО. Білокур. – К.: Національний музей українського народного декоративного мистецтва	23,47
7	Українська абетка. Малюнки Георгія Нарбута. – Х.: Видавець Олександр Савчук	21,41
8	І. ПАВЕЛЬЧУК. Федір Кричевський на шляху до постімпресіонізму; Інспірації японізму у практиці українських колористів 1900–1930 років; Постімпресіонізм в українському живописі ХХ століття. – К.: Києво-Могилянська академія	20,24
9	О. МЕДКО, С. ЛАВРОВ. Прозора межа мови. Фотоальбом поезій. – Запоріжжя: Дике поле	16,94
10	Герой, Об'єкт, Фантом Віктора Сидоренка: Лексикон. – К.: ArtHuss	15,53
11	Національний музей «Київська картинна галерея»: путівник; Іконопис ХІІІ – початку ХХ століття та давньоруське декоративно-прикладне мистецтво: каталог – К.: Антиквар	13,35
12	Віктор МАРУЩЕНКО. Франківці. Миттєвості. – К.: Антиквар	13,24
13	Сергій РІСТЕНКО. Kyiv. On Air. – К.: Photo Kyiv	11,59
14	Параска Плитка-Горишвіт. Подолання гравітації. – К.: Мистецький арсенал	11,41

В этой подноминации оценивалось 52 издания.

**Архитектура / дизайн / театр / кино / музыка /
специальные исследования**

1	ВУФКУ. Lost & Found. 1922–1930. – К.: Довженко-Центр	49,06
2	Ганна ВЕСЕЛОВСЬКА. Більше ніж театр; Сценографія. Пошуки власної естетики (1920-2020); Альманах прем'єр Національного театру ім. І. Франка. 2016–2019. У 4-х книжках. – К.: Антиквар	42,00

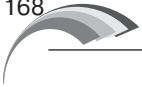

3	Курбас: нові світи. – К.: Мистецький арсенал	35,29
4	Михайл Кауфман: Українська дилогія. – К.: Довженко-Центр	34,59
5	Серж ЛИФАР. Роки жнив. – К.: Варто	33,47
6	Л. БРЮХОВЕЦЬКА. Майстри кінозображення; Українська кінооператорська школа. – К.: Кіно-Театр; Києво-Могилянська академія	27,94
7	Стефан ЗАГМАЙСТЕР, Джессіка ВОЛШ. Краса. – К.: ArtHuss	24,35
8	Володимир ЛЕСНЯК. Відтворення шрифтової спадщини: 40 оригінальних шрифтів. – К.: ArtHuss	23,94
9	Т. МАРУСИК, І. КОРОТУН. Архітектурне диво Чернівців. – Чернівці: Букрек	22,53
10	Богдан Антків: Маестро з династії диригентів. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	22,29
11	Антологія української кінокритики 1920-х. Том 3. Кіно/слово. – К.: Довженко-Центр	21,06
12	Р. ДАНКАН, М. СМІТ, П. ЛЕВІЦ. Сила коміксів. Історія, форма й культура. – К.: ArtHuss	15,59
13	Ендрю СЕЛБІ. Анімація. – К.: ArtHuss	12,94
14	Девід ЛІНЧ, Крістін МакКЕННА. Кімната снів. – К.: Видавництво Жупанського	11,24

В этой подноминации оценивалось 28 изданий.

Краеведческая и туристическая литература / этнография / история быта / дорожные заметки

1	Дмитро МАЛАКОВ, Ірина МАЛАКОВА. У Києві 60-х. – К.: Варто	71,06
2	Наталія АГЕСВА, Ольга ДРУГ. Київські адреси Михайла Врубеля. – К.: Антиквар	36,82
3	Юрій ЛИСЯНСЬКИЙ. Навколосвітня подорож на шлюпі «Нева» (1803-1806). – К.: Темпора	34,94
4	Нова радість стала. Улюблені колядки та щедрівки. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА	34,94
5	Ганна ВРОЧИНСЬКА, Галина СТЕЛЬМАЩУК. Історія традиційних українських прикрас. – К.: Балтія-Друк	33,65
6	Олена МОКРОУСОВА. Старий Печерськ: «Арсенал» і довкілля. – К.: Либідь	29,88
7	Будова Києва (1921–1932). – К.: Варто	20,71

8	<i>Валерій ВОЙТОВИЧ. Українське Полісся. Зарічненський край: історія та культура.</i> – Рівне: Видавець В. Войтович	20,18
9	<i>Етнографічні групи українців Карпат. Бойки; Гуцули; Лемки.</i> – Х.: Фоліо	19,47
10	<i>80 років ЦУМу. Спеціальне видання.</i> – К.: Антиквар	19,29
11	<i>Олекса ГРИЩЕНКО. Мої роки в Царгороді 1919–1920–1921.</i> – Л.: Піраміда	14,41
12	<i>Петро ГАВРИЛИШИН, Роман ЧОРНЕНЬКИЙ. Станиславів: віднайдені історії.</i> – Брустурів: Discursus	14,41
13	<i>Герман ШТЕРНБЕРГ. Історія чернівецьких євреїв.</i> – Чернівці: Видавництво 21	13,76
14	<i>Мені Мюріел ДОВІ. Дівчина в Карпатах.</i> – Л.: Априорі	11,71

В этой подноминации оценивалось 25 изданий.

Юлиана ПОЛЯКОВА

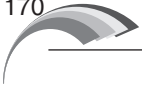
Шизофрения цветных снов

(Искушение Булгаковым)

Для харьковской русской драмы настал период новаторских экспериментов (некоторые говорят «наконец-то», но я не собираюсь расставаться со своей выстраданной репутацией консерватора и ретрограда). Тем более, что действительно не разделяю восторгов по поводу последних постановок классики на сцене этого театра.

Долго не могла понять, чем, собственно, они меня так раздражают. Теперь знаю: тем, что все эти произведения не были этапом духовного и интеллектуального роста создателей спектаклей. Результат тотального сокращения русской литературы в школьных программах, скажете вы. Нет, во все времена были ученики, считавшие классику невыносимо скучной. Но люди, для которых та или иная работа с текстом становилась профессией, потом это как-то наверстывали. Дорастали и добирали. Может, дело в том, что многие из современных режиссеров считают пьесу всего лишь тесными рамками, сдерживающими полет их творческой фантазии? И, как правило, особенно рьяно сокращают ее в тех случаях, когда не могут уложить материал в прокрустово ложе собственной концепции. Вспомним скандальные постановки Андрея Жолдака, в которых текст зачастую присутствовал только в виде либретто, а главным было воздействие на зрительскую подкорку с помощью живых картин, музыки, шума и цветowych пятен.

Впрочем, я не собираюсь заниматься разбором творчества маститого новатора. Обращусь к сегодняшнему бытованию Харьковского русского драматического театра имени А. С. Пушкина, в котором появилась новая режиссерская поросль — Ольга Турутя-Прасолова, Александр Середин, Павел Гатиллов. У спектаклей этих режиссеров есть свои приверженцы (даже фанаты), радостно встречающие всякое новое ниспровержение драматургии в бездну бессмыслицы. Ну, а мнением театроведов можно пренебречь — они вечно чем-то недовольны! Может, критики действительно не поспевают за изменчивой реальностью и ее виртуальными отражениями — лично

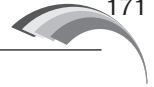
я отдаю себе отчет в том, что не знаю ни песенных хитов, аллюзии на которые так бурно встречаются залом, ни новых героев фильмов, с экранным существованием которых, по-видимому, перекликаются режиссерские находки. Но... примитивно сводить (и навязывать нам) представление, скажем, о Пушкине, к его африканскому происхождению и любовным похождениям. Его творчество этим не исчерпывается, оно несколько шире, не правда ли?

А тут еще вот какая проблема — мало кто из молодых актеров может внятно донести до зрителей русский текст XIX века. Внятно во всех смыслах — от сценического произношения до понимания смысловой нагрузки каждой фразы. Впрочем, если в спектакле «Герой нашего времени» А. Середина Печорин и Грушницкий, два брата-аутсайдера, вместе попрошайничают в метро, зачем им знать, о чем писал герой лермонтовского романа в своем дневнике? Возникает подозрение, что они-то и писать не умеют — в смысле, ручкой писать, а не бойко стучать по «клаве», не обращая внимания на мелочные придирки текстового редактора... Герой спектакля (и потенциально — нашего времени) в исполнении Олега Маковейчука кажется подростком, который бросает вызов миру взрослых: в ответ на непонимание — уничтожить, украсть, убить. Похоже, новое поколение творцов, вместо того, чтобы искать своих героев, предпочитает производить болезненную адаптацию «лишних людей» к новым условиям, где они тоже «лишние», но по-другому — осознанно, демонстративно, безнаказанно лишние. Как и Базаров в спектакле А. Середина «Нигилисты» по роману Тургенева «Отцы и дети», где осовремененный конфликт поколений сведен к безумному буйству плоти — как будто в благословенном XIX веке об этом слухом не слыхивали...

Парад-алле гарцюющих на плечах усталых классиков — Пушкина, Лермонтова, Тургенева — режиссеров продолжил в 2020 году Павел Гагилов из Днепровского молодежного театра, поставивший в Харькове «Бег» М.А. Булгакова. Он, к немалому моему удивлению, вызвал гораздо меньше отторжения, чем, например, те же «Нигилисты» — может потому, что «восемь снов в четырех действиях», превратившиеся в «сатиру в восьми снах и двух действиях», сами по себе содержат немало парадоксальных ситуаций и сюрреалистических диалогов. Поставленная на дыбы постреволюционная действительность давала ох какой простор для истолкования! И поскольку наша реальность вот уже лет двадцать пребывает в перманентно вздыбленном состоянии, режиссер не особо удивил зрителей обращением именно к этой пьесе Булгакова: пора, давно пора переосмыслить и проблему слома социального сознания, и давнюю проблему эмиграции!

Правда, то, что на протяжении всего XX века исчислялось «волнами» (первая, вторая, третья) и было трагедией сотен тысяч людей, теперь, в эпоху «безвиза», многим кажется мелкой бытовой неурядицей — ну, уехали, пожили, ну, ничего не получилось — вернулись. Посидим на месте, придем в себя — еще раз попробуем. Об этом недвусмысленно повествует предвещающее программку пояснение (внутренний голос завлита?): «Бежать! Бежать со всех ног! Бежать из города, страны, континента. Бежать из реальности в сон. И даже во сне бежать! И кто-нибудь обязательно победит в этих «тараканьих бегах». Одни сумеют достичь богатства, другие обретут любовь и семью, а кто-то сбежит из этих сумасшедших гонок в объятия смерти». Все четко, понятно и никаких сомнительных трагедий!

Справедливости ради заметим, что и булгаковские лихорадочные «сны» о судьбах русских, бежавших от революции, включали в себя элементы трагикомедии. А сегодня рассказ о них тянет всего лишь на трагифарс. Или, вернее, балаган. Потому что с точки зрения режиссера Павла Гагилова все герои Булгакова — участники циркового представления под названием «тараканьи бега». И работающие на арене (простите, на сцене) актеры, похоже, не образы создают, а живаются в цирковые амплуа: буффонадные клоуны, музыкальные клоуны, клоуны-дрессировщики, коверные

(«рыжий клоун» — хвостун и задира, «белый клоун» — проstack, на которого сыплются пощечины) и т.д. Поэтому сочно выписанные у Булгакова персонажи в спектакле Гатилова условны как куклы — согбенный генерал Хлудов (Александр Кривошеев) со своей вкрадчивой пластикой и напряженно-небрежной манерой говорения, восторженный Пьеро — Голубков (Максим Авксентьев), монашески-плоская Серафима Корзухина (Людмила Кулакевич), «восточный человек» Чарнота в лохматой папaxe (Богдан Кривошеев), юродивый Крапилин (Андрей Ванеев), разухабистая Люська (Людмила Читака). Очеловечить этих кукол, вдохнуть в них душу никто и не пытается — будем считать это смелым режиссерским ходом, а не банальной актерской беспомощностью. И текст господа актеры произносят как-то попросту и запросто — словно бы иллюстрируя танцы и пластику, на тот случай, если не читавший пьесы зритель чего-то не поймет. Никто из актеров не захотел (или не смог?) хоть как-то выйти за рамки заданной режиссером клоунады. Но даже клоунские репризы у настоящих мастеров имеют яркую интонационную окраску. А в этом спектакле монологи и диалоги Булгакова, насыщенные то юмором, то иронией, то болью звучат на одной ноте, и это, увы, уже не воспринимается как режиссерская находка.

Поэтому и говорить об отдельных актерских работах как-то неудобно — все равно что вынуть шестеренку из механизма и попытаться написать ее поясной портрет. Гораздо интереснее — пластически и ритмически — аллегорические персонажи, которых нет у Булгакова, но которые органично вписываются в жанровую стилистику булгаковских «снов» — кроваво-красная Королева-Революция, ее верный Слуга — шулер в котелке и равноправные участники всеобщего забега выживания — Тараканы, работающие бойко и слаженно, как хорошая команда КВН.

Идея балагана подкрепляется условными костюмами с элементами характеристики персонажей и условным гримом. А мельканье поворотного круга и тревожно-закольцованная музыкальная партитура спектакля создают иллюзию бега по кругу (как на цирковой арене), бреда в замкнутом круге — сны о прошлом для героев куда реальнее и важнее настоящего.

Некоторые критики (в частности, Александр Анничев) упрекали театр в том, что в этой постановке есть немало заимствований из одноименного спектакля Юрия Бутусова в Московском театре им. Е. Б. Вахтангова*. На мой взгляд, позаимствована скорее эстетика, сам принцип балагана. Что тоже имеет некоторые аналоги в истории театра. Например, в книге Антона Сергеева «Циркизация искусства» (СПб, 2008) говорится об использовании приемов цирка в постановках Мейерхольда 1920-х годов и о том, что эти приемы отнюдь не способствовали приобщению широких масс к авангардному искусству, не делали его понятнее: «Авангардные спектакли не могли привлечь пролетарского зрителя еще и потому, что целиком строились на визуальном ряде, слово практически всегда находилось на смысловой периферии. Вербально не выраженная идея театрально неподготовленным зрителем не воспринималась**». Заметим, что ситуация со зрителем за сто лет ничуть не изменилась — разве что у поколения, воспитанного на сериалах, требования к уровню актерской игры, скажем так, несколько снижены.

А вообще — никакие новации не возникают на пустом месте, у них есть и корни, и крона. Просто кто-то отдает себе отчет в том, что он использует наработки прошлого, развивая и углубляя их. А кто-то считает это собственным гениальным озарением...

---

* Анничев А. «Бег» с препятствиями вне времени и пространства // Время. 2020. 13 нояб.

** Сергеев А. В. «Циркизация театра: От традиционализма к футуризму». - Санкт-Петербург: СПбГАТИ, 2008. С. 141.

У Юрия Бутусова исторический и политический контекст эпохи прописан не особо четко, и даже личные переживания героев уходят в спектакле на второй план. По мнению критика С. Шадронова, режиссер передает «заявленное автором состояние не просто сна, а горячечного тифозного бреда, пребывает в котором не только (по сюжету) одна из героинь, Серафима Корзухина, но и все остальные персонажи, да что там, все пространство вокруг них, весь космос, взорванный и развороченный Октябрем (а сила бутусовского театра ведь не в связной повествовательности и не в рациональной концептуальности, наоборот, Юрий Бутусов — мастер театра эмоциональных состояний)»*. В оформлении этого спектакля господствует эстетика ярких цветовых пятен на черно-сером лязгающем фоне. И хотя то, что говорят и делают актеры, подчинено созданию у зрителей ощущения кошмарного сна, актерские работы Виктора Добронравова (Хлудов), Артура Иванова (Чарнота), Екатерины Крамзиной (Серафима Корзухина) позволяют нам проникнуться трагедией каждого булгаковского персонажа.

В постановке Павла Гатилова превалирует идея бега — бессмысленного убегания в неизвестность от самих себя. Спектакль пушкинцев, хвала создателю, гораздо лаконичнее и к тому же — ярче в плане костюмов и сценографии, о чем также упомянул в своей статье А. Анничев: «Кстати, сама афиша заманчиво хороша, как и графический фоновый рисунок сценического оформления, созданного художником Еленой Рыкусовой. Выразительный лаконизм геометрических форм двух декорационных порталов органично вписывается в основной портал сценической коробки. Чередование картин происходит при помощи вращающегося круга, обеспечивая эффект быстрой перемены мизансцен. Изобретательно сконструированы театральные костюмы, но, к сожалению, на эскизах они выглядят куда интереснее, нежели смотрятся на артистах...»**.

Ну, и что в итоге? То, что классика — великое искушение, известно давно — на то она и классика. То, что с помощью произведений, написанных века тому назад, можно постичь сегодняшнее время — тоже мысль далеко не новая. Но, к сожалению, те раздумья (или видения?) режиссеров, которые они пытаются подкрепить великими текстами, далеко не всегда интересны зрителям.

Но цирк в театре — это всегда зрелище! Что ж, зрелище получилось. Ему не откажешь даже в своеобразной целостности — никто не выбивается из амплуа, ничьи реплики не вносят смысловой или интонационный диссонанс в общую симфонию спектакля. А то, что еще один режиссер посчитал текст несущественным дополнением к цирковому представлению, немного огорчительно, но не смертельно, если перед глазами такая красивая переводная картинка. Перевод пьесы в клип...

---

* Шадронов С. «Лишь бы туда: «Бег» М. Булгакова в Театре им. Е. Вахтангова, реж. Юрий Бутусов». URL: <https://users.livejournal.com/-arlekin-/4274612.html> (дата обращения: 2.01.2021).

** Анничев А. «Бег» с препятствиями вне времени и пространства // Время. 2020. 13 нояб.

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР АЛЕКСАНДРА ВОЛОДАРСКОГО

Александр ВОЛОДАРСКИЙ «Мой Ионыч».— К.: Саммит-книга, 2020.

Простодушный, я позвонил ему домой и сразу признался: «А мне вас заказали». Но не успел я ему сообщить, кто именно, как он меня прервал: «Делайте со мной что хотите, но только после матча!»

Да, «Динамо» в Лиге чемпионов — это всё.

Но я дождался, и после всего он мне ответил...

А теперь — кто его заказал. Журнал «Радуга». Где мне так и сказали: заказываем вам рецензию на новую книгу Александра Володарского «Мой Ионыч».

Так его «Ионыч» стал моим...

В тот вечер я его вопросами — забросал, и он, в конце концов, уже не выдержал: «Послушайте, — спросил тревожно, — вы что пишете: рецензию или книгу в серии «ЖЗЛ»?» Я был откровенен: «Вроде рецензию, но не пропадать же добру. Что в рецензию не войдет, мне сгодится и для «ЖЗЛ»...»

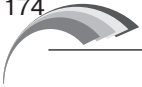
Открывает книгу «Мой Ионыч» — «Муза Майя». Майя, или М. М. — это Майя Михайловна Пивовар, женщина преклонно-непреклонного возраста. Волей случая оказавшаяся между двух мужей Ефимов, она могла б уже загадывать желание, но желание пришло само, в виде бонуса: вместе со вторым мужем в доме появился его сын, который и был тем самым Володарским. Так возникли... Я боюсь загадывать, но, возможно, даже бессмертные «Диалоги с М. М.».

Утверждение, что Володарский при Пивовар — это как Эккерман при Гете — все же будет неким перебором. Тем не менее, никто к Майе Михайловне в течение целых десяти последних ее лет не прислушивался так, как Александр Ефимович.

Это у Хармса «бабушка... спилась и пошла по дорогам», у Володарского — она ушла на большую сцену. И тут я ступаю на смежную территорию, и пишу уже не о самой книге, где Майя Михайловна Пивовар едва ли не солирует, а о пьесе, написанной Володарским четырем годами раньше и идущей в Мариуполе, Николаеве и Киеве. В Кишиневе, Виннице, Одессе... Так, чтоб не забыть... Вот, не забыл: в Колпашево, Торопце и Благовещенске и далее везде. Что не преувеличение. Потому что и в Афуге, и в Чикаго. А еще готовится в Берлине...

Эта пьеса — «Селфи со склерозом». Дающая все основания предположить, что если от великого до смешного один шаг, то и от смешного до великого — не больше. «Селфи» — высокая трагедия расставания, где героиня Майя Пивовар, в возрасте под девяносто, — на стыке трех миров: жизни, смерти и бессмертия: «Я только вот что еще должна сказать. Если жизнь — это корабль, который рано или поздно пойдет ко дну, то память — это крыса, которая бежит с тонущего корабля первой, а юмор — это капитан, и он уходит последним с гордо поднятой головой. А вот с кораблем, даже когда он опускается на дно, навсегда остается только одно — любовь...»

Так говорит Майя Пивовар в пьесе Володарского. И тут мне буквально слышится голос самого автора, который ее утешает: «Ночь темней всего перед рассветом». Но она: «А что мне, Саша, эти утешения? До рассвета я могу и не дожить». Ее корабль «Возраст», торпедирующий вечность, получил пробоину сам... Я помню этот день, точнее ночь, 4 апреля 2020-го, когда я получил от Володарского: «Только что из клиники сообщили...»

До рассвета она не дождала.

Эту книгу, в которой собраны разговоры с М. М.— я возвращаюсь к «Моему Ионьчу», — я прописал бы всем, и входящим в возраст в том числе. Входящим с оторопью, страхом, даже с ужасом. На самом же деле, и этот вывод я делаю по прочтении книги Володарского, не все так страшно, ибо возраст — завораживающая битва интеллекта с маразмом, в которой побеждает третья сила под названием склероз, главное достоинство которого — забыть об унынии начисто и принимать себя таким, какой ты есть.

В результате рождается мудрость. Печально? Не то слово. Впрочем, о том, что «во многих мудрости много печали», вам известно и без меня...

Это все про Майю Пивовар. Однако кроме «Музы Майи» в книге — россыпь замечательных историй, очень теплых и даже родных.

Говорят, хороший человек не профессия, но многие рассказы Володарского как раз построены на том, какой он хороший человек. А также наивный и чистый. И это здорово! Уже даже не то здорово, что он такой, а каковы эти рассказы по поводу того, что он хороший, замечательные! И выходит, что хороший — да, профессия...

И еще раз о хорошем человеке. Что за чушь: не хвали сам себя? Разве можно столь ответственное дело поручать другим? Поэтому, отменяя ложную скромность — сам, только сам! О том, какой Володарский заботливый, мы узнаем из его рассказа «Мой Ионьч» (стр. 7), какой патологически честный — из «Немецкого телевизора» (стр. 46). Его жизненное кредо: «Если не я, то кто же?» — особо проявляется в рассказе «Полгода в деревне» (стр. 156). А еще он никогда не отказывается от выступлений и не требует материального вознаграждения («Моя благотворительность», стр. 184), потому что у него репутация порядочного человека («Самостоятельный», стр. 147–152). О приступах его гостеприимства — рассказ «Моя гостеприимность» (стр. 176–180). О его чувстве меры — «Важное чувство» (стр. 199). И наконец из «Мецената» (стр. 203) мы узнаем, какой он сердобольный человек. Нет, Володарский в «ЖЗЛ», конечно, выйдет.

Он даже фейс-контроль туда пройдет. Вот, говорят, юмористы — люди мрачные. Ерунда! Серьезность не к лицу тому, кто в жизни понимает все, а значит, и понимает, что жизнь — это шутка, и не более. Володарский — радость излучает...

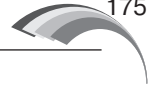
Литераторов, пишущих смешно, в Украине можно перечесать по пальцам одной руки. Да и то, при условии, что из них три пальца отморожены и в подсчете участия не принимают. Так вот, один из двух здоровых пальцев можно смело загигать за Володарского. Буду аргументировать.

Это тексты свободного человека.

Дальше. Я не знаю, как он пишет: легко ли? Трудно ли? Может, у него на одно слово десять страничек черновиков, повторяю: не знаю. Но выходит легко и изящно.

В его работе, как руководство к действию — Илья Ильф с его коронной фразой: «Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему». Володарский лелеет и холит. Ну и умеет ласково поглаживать...

Да, Володарский пишет смешно, да, он умеет доставить улыбку по адресу, но что важно: сейчас, во времена разнузданной пошлости, в фарватере которой так называемый юмор, ни на одной из 224 страниц своего «Ионьча» он не вызывает смех запрещенными приемами. Тут бы мне и привести хотя бы один образец его юмора. Но цитировать, к примеру, мой любимый рассказ — «Дом Сулимы» — в несколько страниц? К счастью, «Мой Ионьч» завершается миниатюрами, которые говорят о многом, но места в тексте занимают мало. Например:

«Библиотека на Троещине, в киевском «спальнике». С удовольствием выступил там, принес свою книгу, несколько штук купили читатели-почитатели. Подходит парень лет тридцати:

— Это ваша книга?

— Моя.

— Ее можно купить?

— Разумеется.

— А инвалиду третьей группы, как?

— Ну, инвалиду — я могу и подарить! — с этими словами дарю ему свою книгу.

Довольный, он прячет книгу и спрашивает:

— А что еще можете подарить?»

Думаю, что сам Гоголь, у которого смех сквозь слезы, прочти он эту историю, наверняка бы улыбнулся. К слову, в книге «Мой Ионыч» смешно все без исключения. Даже обложка, даже выходные данные: для такой книги тираж всего в 600 экземпляров — разве это не смешно? А как говорится в утраченном фрагменте «Экклезиаста»: «Кто сеет улыбки, пожинает радость бытия».

Я не врач, поэтому о целебных свойствах юмора пусть рассуждает кто-нибудь другой. И тем не менее... Однажды, выступая в Донецке, городе, откуда я родом, Белла Ахмадулина произнесла фразу, не запомнить которую было просто невозможно: «Призвание художника — в широком смысле слова — быть утешительным театром для других». Сказала — о художнике вообще, а как будто об Александре Володарском лично. Когда этот абзац был практически дописан, коррективы в него решила внести моя мама. И не рукой, а, собственно, ногой. И это случилось в канун нового 2021-го: в ночь с 30 на 31 декабря она сломала ногу. В ее возрасте, а она в возрасте, это ужасно. В святошинской больнице ее поставили перед выбором: или она уже лежащая больная, или операция, но с риском. И она ответила: «Рискуем». А вот теперь об Александре Володарском. За несколько часов до операции для поднятия духа стал читать я маме его книгу. И сразу же, минутой на второй, она встрепенулась: «А ты знаешь его — автора «...Ионыча»? Я маме отвечаю: «Вроде знаю». — «Так, срочно ему позвони!» — «Для чего?» — «А ты его спроси...» — «О чем спросить?» — «Мне можно перед операцией смеяться?»... Надо ли говорить, что благодаря хирургу-травматологу А. С. Розсохе при моральной поддержке писателя-юмориста А. Е. Володарского операция прошла успешно.

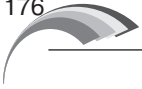
И о себе. Хорошие книги для читателя не напрасны. В книгу Володарского я вошел один, вышел — не скажу, что другой, но — чуть теплее, но — чуть человечнее. И да, значительно терпимей к своим близким...

Давным-давно Мария Владимировна Миронова, для которой Володарский написал один из своих первых монологов, сказала ему так: «Деточка, вы чувствуете смешное!» И это правда. У деточки Володарского «на смешное собачье чутье». Вот и здесь не менее важно, кто это произнес: Игорь Иртенев. А уж он-то знает это точно.

В каком жанре я пишу об Александре Володарском: это панегирик? Дифирамб? Или действительно наброски к «ЖЗЛ»? Если кто не понял, это — вообще не о Володарском. Это о том, как с помощью его книги я хочу разобраться в себе. И в своем восприятии юмора.

Сейчас хороших книжек, написанных в этом жанре, так мало, что читающая публика уже согласна и на юмор не смешной, лишь бы хороший. А если он не просто хороший, а еще вдобавок и смешной — что может быть лучше книги Александра Володарского? Может! Володарский, который еще не написан. Так, невольно, я проанонсировал его новую книгу. И ему уже не отвертеться.

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ,
писатель,
Киев

ПОЛТОРА ДЕСЯТКА СЕРИАЛОВ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

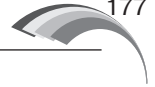
Людмила Машковская. *«Счастье забытых дней»*. — Харьков: изд-во Л. Мачулина, 2020.

«О любви не говори — о ней все сказано. Сердце, верное любви, молчать обязано». Это не просто слова из песни, но и в определенной степени теоретическая формула обретения молчаливого (что на практике в принципе невозможно) счастья в семейных отношениях, а также дельный совет творцам всех жанров — поменьше писать-сочинять о любви, ибо до них об этом уже успели все сказать гении и просто таланты. Совет невыполнимый, а потому уместный только в шутовском стиле и только в легкой песенке, увы, уже полузабытой. Ибо сердца не молчат, а творцы пишут и сочиняют о любви много, и такое впечатление, что с течением времени всё больше. Песни и стихи, рассказы и романы, сценарии фильмов и сериалов, пьесы и либретто, картины и инсталляции... Всё о любви, счастливой и несчастной, верной и предательской, мужской и женской... И хоть делить литературу по половому признаку, на мой взгляд, не совсем достойно, тем не менее есть целый жанр под названием «женская проза», в которой именно любовным историям уделяется главное внимание. Безусловно, она тоже разная: и по стилю, и по уровню. Ведь к ней относят и таких выдающихся авторов, как Виктория Токарева, Дина Рубина, Людмила Улицкая...

Все они, вместе с многочисленными коллегами по жанру, пишут о жизни (хотя, с другой стороны, о чем еще может быть проза?), о семейных ценностях, любви и верности, бытовых историях, знакомых и интересных каждому. В идеале это трогательная, добрая, зачастую поучительная литература, в которой, как в зеркале, отражается личная жизнь и переживания героев (чаще — героинь), да и читателей, легко примеряющих на себя описываемые сюжетные перипетии. Все эти рассуждения подходят и к описанию новой книги Людмилы Машковской *«Счастье забытых дней»*. Под ее обложкой — полтора десятка историй, главные героини которых — женщины и любовь. Женщины разные: от процветающих бизнесвумен до прошедших испытания тюрьмой и сумой. Но объединяет их страстное желание обрести семейное счастье вместе с любимым человеком, переживания и настойчивые попытки разобраться в причинах случившихся событий. Судьбы разные, но во всех есть что-то общее — они либо надтреснуты, либо вовсе поломаны, и кто виноват в этом? В каждой истории свой прихотливый сюжет, и каждая легко может стать основой сценарной заправки для современного сериала. Возможно, в этой кинематографичности рассказов — следствие жизненного опыта автора, ведь Людмила Машковская работала на телевидении, и потому сценарным искусством овладевала по долгу службы.

Несомненным достоинством рассказов я назвал бы их увлекательность, некую легкость. При том, что истории действительно житейские, в них нет банальности и пошлости, да и авторский стиль Машковской — живой и образный. Можно сказать, поэтичный, и это не будет преувеличением. Чувствуется, что автор пишет не только прозу, но и стихи.

«Жизнь пролетела, но некоторые вопросы так и остались открытыми. Почему так устроен мир? Мужчина, какой бы постыдный поступок ни совершил, почти всегда остается невиновным и оправданным. Ему все сходит с рук. Почему всегда обвиняют женщину? Придумают сто объяснений мужской неверности, пьянству, распухенности: неряха жена, скверная хозяйка, конечно же, стерва. А заканчивается обычно: довела

мужа... Эх, если бы можно было повернуть время вспять! Сегодня ее дни стали холодными и ненужными. Согреться нечем: все давно остыло и только одиночество дышит ей в затылок... В огромном мире без конца и края она была одна, и тоска ходила за ней, как хищник, по пятам...»

Говорят, что жить с человеком, которого любишь, так же трудно, как любить человека, с которым живешь. Вариантов реализации этой фразы — неисчислимое множество. Они — в каждой судьбе, и об этом пишет Людмила Машковская в своей книге. Женская это проза или нет? Какая разница! Главное, что написано талантливо, искренно, и появляется повод задуматься о жизни и любви, доброте и отчаянии, милосердии и жестокости. И при этом в каждом рассказе подспудно ощущается главный вывод — без любви счастья не бывает.

Можно быть ослепительно богатым и успешным внешне и абсолютно несчастным и не состоявшимся внутренне. Потому что кроме здоровья лишь любовь дарит наиболее полное ощущение радости жизни. Это простая общеизвестная истина. Но постигается она всякий раз заново и обязательно проверяется на собственной судьбе. На практике. А теоретически узнается из разных источников, в том числе из книг. Книга «Счастье забытых дней» — одна из них.

«Не слова, не отсутствие слов... Может быть, ощущение полета. Может быть. Но еще любовь — это будни, болезни, заботы. И готовность помочь, спасти, улыбнуться в момент, когда худо. Так бывает не часто, учти. Но не реже, чем всякое чудо».

Владимир СПЕКТОР,
писатель,
Германия

Светлана СОЛОДОВНИК

МОЙ ПАПА

Сложно писать о близком и родном тебе человеке, потому что знал его с совершенно разных сторон, видел в различных обстоятельствах, слушал и не всегда слышал, и понимал. К сожалению, осознаешь это спустя много лет, когда повзрослел сам по-настоящему. Думаешь: вот бы вернуть то время — тогда все было бы по-другому. Но нет. Время неумолимо движется вперед, даже не движется, а несется, опережая твои мысли, чувства, а главное — понимание. Понимание жизни.

Радостно жить человеку, которому дано умение любить свою землю, любить безгранично изменчивую и капризную природу, понимая, что радость познания ее неисчерпаема, как неисчерпаема и безгранична она сама, как бесконечно познание истины, как многогранен и неповторим человек.

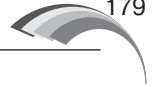
Таким талантом наделила судьба моего папу — Сергея Максимовича Солодовника. Добрый, веселый, лучистый, любящий жизнь во всех ее проявлениях, энергичный, надежный. Он ценил юмор, любил пошутить сам и, несмотря на занимаемые должности, был скромным, простым в общении, оставался самим собой.

Сергей Солодовник — одаренный художник, большой мастер рисунка. Его работы отличаются глубиной образов, поэтичностью и правдивостью. В своем творчестве он развивал лучшие традиции реалистического искусства. Его произведения убедительно и эмоционально утверждают красоту и поэзию жизни. В пейзажах клубится бело-розовый туман весеннего цветения, ярко светятся багряно-золотистые осенние леса, чувствуется свежесть первого снега и прохладный ветер пасмурного дня, легкое дуновение морского бриза дает ощущение запаха моря.

Судьба его совсем не баловала. Родился папа в 1915 году в небольшом городке Кобеляки Полтавской области в очень бедной и большой семье. Детство было трудным и голодным. Но сказочно-богатая полтавская природа повлияла на его становление. Реки, горы, поля, леса, луга, запруды, разноцветное лето, снежные морозные трескучие зимы.

Светлана Солодовник — художник, заслуженный работник культуры Украины. Живет в Одессе.

Именно благодаря удивительной природе, которая с детства окружала и вдохновляла моего будущего папу, он решил стать художником и отправился в город Харьков поступать в художественный техникум, после окончания которого его приняли сразу на третий курс художественного института.

В 1941 году папа окончил пять курсов художественного института батальной мастерской академика Н. С. Самокиша. Его учителями были профессор С. М. Прохоров, А. А. Кокель, С. Ф. Беседин, М. А. Козик. Осталось защитить диплом, но началась война. Папа сразу же был призван в Красную армию в качестве курсанта Сумского артиллерийского училища, которое было направлено на фронт, где вело тяжелые оборонительные бои в районе Конотопа. Затем училище было снято с фронта и направлено в город Ачинск Красноярского края для продолжения учебы курсантов. А в мае 1942 года после окончания САУ в звании лейтенанта папа был направлен в действующую 375-ю стрелковую дивизию на Калининский фронт.

Он участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, сражался за освобождение Ржева, Белгорода, Полтавы, Кременчуга, Ясс, Плоешти, Бухареста, Будапешта, Праги. А во время контрнаступления немцев в районе города Комарно (Венгрия) был контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. 2 апреля 1945 года, когда концентрационный лагерь, находившийся в районе Вены, эвакуировали, отец сбежал вместе с несколькими офицерами. После четырехсуточного перехода через Альпы они вышли к нашим наступающим войскам. С большим трудом отец нашел свою дивизию и, после проверки органами «Смерша», был восстановлен на прежней должности — помощником начальника штаба-2 командующего артиллерией дивизии.

Только из Интернета узнала, что орденом Красной Звезды он был награжден за то, что принял на себя командование дивизионом, в связи с болезнью командира, и успешно выполнил поставленную задачу, освободив деревню Ставидло и уничтожив огневые средства врага, мешавшие продвижению нашей пехоте. А еще у него было шесть медалей.

В освобожденный, разрушенный и сожженный Харьков он въехал ночью на белом коне. С расформированием дивизии в 1945 году папа был демобилизован в звании капитана.

И вот папа восстановлен в Харьковском художественном институте в качестве дипломника. После защиты дипломной работы его пригласили преподавать рисунок в родном институте.

Когда институт был реорганизован в художественно-промышленный, папа продолжил учить студентов рисунку на первых курсах различных факультетов. Им специально была разработана методика преподавания рисунка для нового института. С 1967-го по 1973 год он был первым деканом факультета промышленного искусства. Работал на кафедре рисунка — доцентом, позже профессором — преподавателем рисунка. Учителем... И это было главным. Многие студенты, разлетевшиеся после перестройки по всему миру, остались благодарны ему на всю жизнь. Спустила много лет мне довелось встретиться с одесским скульптором Виталием Патровым, который уехал в Америку и жил в Нью-Йорке. В Одессу он приехал на открытие мемориальной доски, автором которой и являлся. После радостно-ностальгического «открытия», что мы учились в одном художественном вузе, и воспоминаний о том золотом времени молодости, перешли к разговорам о современном изобразительном искусстве. Виталий критиковал художников, которые, не умея рисовать, демагогически прикрываются фразой «Я так вижу». Сказал, что в родном Отечестве школа рисунка постепенно теряется, а в Америке ее совершенно нет. Потому он открыл частную школу рисования и, основываясь на методике преподавания своего Учителя, учит американцев. На мой вопрос, а кто же был этим учителем, он торжественно произнес: Солодовник Сергей Максимович. Как же я была горда за своего папу и признательна его ученикам, которые продолжают его дело.

Он автор ряда научно-методических работ: «Рисунок головы человека», «Набросок и краткосрочный рисунок в ХХПИ», «Рисунок на летней практике» и т.д.

Из всех уголков страны приезжала талантливая молодежь поступать в наш институт. Необыкновенно уютный замок с мансардами, черепичной крышей и башенками, построенный в стиле украинского модерна архитекторами М.Ф. Пискуновым и К.Н. Жуковым в 1912 году как художественное училище на базе школы рисования М.Д. Раевской-Ивановой.

А еще Харьковскому художественно-промышленному институту, к счастью для нескольких поколений художников, много лет принадлежала дача писателя Владимира Короленко — в Полтавской области недалеко от села Сорочинцы. Студенты приезжали сюда на практику, а преподаватели — на этюды и отдых.

Дача стояла на горе, а внизу витиевато текла река Псел, зеленел большой лес. Луга с густой травой, на которых паслись стада коров, искрились пестрыми цветами. Запруды с гогочущими гусями сторожили сказочные вербы с громадными дуплами — приглядишься, и вот уже на стволах видишь глаза, уши, рот, а подчас и брови, удивленно вскинутые вверх.

Если летней ночью лежать на этой горе, то ощущаешь себя парящим в бездонном небе; не чувствуя земной твердыни, сливаешься с мириадами звезд и будто становишься одной из них. Ночи в Полтавской области особенно темные и сказочные, наполненные таинственными звуками, уханьем, скрипами, шорохами, криками ночных птиц, всплесками воды в быстром течении реки. Здесь понимаешь, что только в этих местах могли родиться гениальный писатель Николай Гоголь и герои его произведений.

Даже заброшенная деревянная церковь с заколоченными окнами, как главный персонаж из повести «Вий», стояла в селе Ковалевка недалеко от дачи.

Как подтверждено всей историей искусств — именно природа вдохновляет человека на творчество, на создание прекрасных образов, на любовь. Города выкачивают из человека энергию. Чем больше город — тем больше он забирает. Папа, наверное, это чувствовал особенно. Потому старался при любой возможности выезжать за город. Именно с этой целью была куплена машина — сначала «москвич», а потом «жигули». Туда складывались этюдники, холсты, картон, краски и прочие принадлежности художника — и папа отправлялся на природу писать этюды, делать зарисовки.

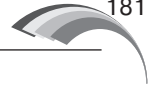
Так мы объездили с ним и Прибалтику, и Крым, и Карпаты и, конечно же, разнообразную и живописную восточную и южную Украину. Часто жили в палатке.

А на дачу Короленко ездили каждый год в сентябре — это было святое. Обитателей там тогда было немного. Уже ночи холодные, дни короче. Но зато какие прозрачные и яркие! Восхитительное было время. Время грибов, красных ягод шиповника, летающей серебряной паутины, время сбора всех урожаев и подготовки к снежной и долгой зиме. Время творчества и размышлений. Состав художников, которые приезжали на дачу в сентябре, был почти постоянный: В.Н. Шапошников, В.В. Сизиков, Е.П. Егоров, Л.И. Чернов, В.И. Петров, Б.А. Колесников, Е.Н. Левин.

Я уделила большое внимание даче Короленко потому, что она сыграла значительную роль в становлении многих художников. Это целая эпоха в истории харьковских художественного и художественно-промышленного институтов, и я надеюсь, что кто-нибудь из искусствоведов когда-нибудь серьезно исследует эту объемную и интересную тему.

Папа много работал и в мастерской. Для творческих выставок писал многосюжетные картины, портреты современников, с которыми вел долгие беседы, чтобы лучше понять портретируемого. Он был искренен в своем творчестве. Все эти портреты и картины приобретались, как правило с выставок, закупочной комиссией Министерства культуры, дирекцией Художественного фонда или дирекцией

художественных выставок СССР, УССР, а оттуда они разъезжались по музеям необъятной в ту пору страны или же оставались в музеях Украины.

С начала 70-х годов в СССР каждый год приезжала из Японии Накамура-сан, которая посещала мастерские многих художников, скупая живопись, пылившуюся у них в мастерских. Это были и натюрморты, и пейзажи, и портреты, но больше всего она любила приобретать картины, по которым хоть как-то можно было узнать о жизни в экзотической Стране Советов.

Платила она по расценкам Художественного фонда, то есть немного. Деньги перечислялись сначала в Министерство культуры СССР, а оттуда, после снятия налогов, авторам работ. Но главное — она потом присылала каталоги с репродукциями купленных работ, а в конце каталогов помещала фотографии художников и их биографические данные. Она ездила с выставками советских художников по всему миру и, зарабатывая на этом немалые деньги, невольно пропагандировала реалистическое искусство. Вот таким образом и у папы было куплено много натюрмортов, пейзажей, картин.

А еще папа был мастером, как говорится, на все руки: сам делал подрамники, занимался ремонтом квартиры, обуви, машины и всего прочего, конструировал и изготавливал мебель. Профессионально занимался фотографией немецкими трофейными фотоаппаратами со штативами, один из которых был широкоплечный, а другой — со стеклянными фотопластинами. На снимках были запечатлены художники, папины друзья и коллеги по институту. Фотографии с выставок, институтских просмотров, путешествий или праздничных мероприятий. Целая история художественного института, Харьковского отделения Национального союза художников УССР и Харьковской школы живописи. Фотографии, которые передавали дух времени... В своей творческой мастерской на первом этаже Дома художников по улице Культуры, 20, он сделал выгородку под фотолабораторию. Да, он любил все делать сам, не обращаясь ни к кому за помощью, и каким-то образом на все находил время.

В выходные дни либо ехал на этюды, либо целый день работал в мастерской. Часто в мастерской он учил рисовать молодых людей, которые не поступили сразу в институт и обратились к нему за помощью. Он готовил их к поступлению на следующий год. Старался также помочь им с жильем, если ребята были приезжие.

Никаких благодарностей в виде подношений папа никогда ни от кого не принимал. Ценил дружбу и хорошее отношение. Студенты его очень любили, ведь знали: если попросить помочь — никогда не откажет, хотя был очень принципиальным, строгим и не терпел ложь, лень и необязательность. Отличался пунктуальностью и верностью своему слову. Я не могу вспомнить его отрицательных качеств. Папа для меня остался эталоном настоящего мужчины.

А личная жизнь его во многом была трагичной. После окончания войны и возвращения в художественный институт он узнал о судьбе своей первой жены. Сокурсница, красавица-гречанка с длинными черными вьющимися волосами, заплетенными в косы, голубыми глазами и классическим греческим профилем. Звали ее Юля Панайоти. Когда началась война, она ушла в партизанский отряд. Незадолго до окончания войны попала в плен к гитлеровцам, фашисты ее пытали, а потом повесили за длинные густые косы на улице Сумской...

Прошло время, папа встретил и полюбил девушку Людмилу, которая после войны приехала из Краснодарского края в поднимающийся из руин Харьков, чтобы найти работу и как-то устроиться. Ей было суждено стать моей мамой.

Наша семья жила в одной из комнат большой полуподвальной коммунальной квартиры, находящейся в Почтовом переулке рядом со стадионом «Металлист». Вместе с нами в комнате еще жили сестра мамы со своей семьей и бабушка. То есть девять человек. Послевоенная коммунальная жизнь.

В 1957 году с большими сложностями папа получил квартиру в только что построенном Доме артистов по улице Культуры, 12, где проживали артисты харьковских театров. До войны эта улица называлась Барачная, располагалась она на окраине города. После войны руководство решило поселить сюда городскую интеллигенцию, и были построены дома Писателей, Артистов, Художников, Композиторов. Во время празднования 80-летия со дня основания художественного института в 2002 году на Доме артистов была установлена мемориальная доска художнику и педагогу Сергею Солодовнику, а чуть позже установили мемориальную доску и нашему чудесному соседу — талантливому актеру и режиссеру Леониду Быкову.

Наша семья с радостью переехала в новую, солнечную, просторную квартиру, расположенную на четвертом этаже, из окон которой были видны легендарное здание Госпрома, построенное в 20–30-х годах в стиле конструктивизма, и праздничные фейерверки на самой большой площади в Европе, носившей тогда имя Дзержинского, а сейчас — Свободы.

Мама с большой любовью и вкусом обставила квартиру в ностальгическом сейчас духе 50-х годов. В те годы наша страна поддерживала тесные контакты с Китаем. Появилась мода на все китайское. В серванте величественно расположился китайский сервиз, на комодке нашли место китайские ваза и статуэтки, слоники разной величины выстроились на ажурных белых салфетках. Замечательный домашний уют завершали цветы. В одном углу гостиной на специальной деревянной подставке для цветов, как положено, стоял фикус, в другом — китайская роза.

В гостиной была тахта, над ней — шерстяной тканый ковер, и, конечно же, в центре комнаты стоял круглый стол, покрытый скатертью с бахромой, за которым собирались в праздники и дни рождения художники (В. Сизиков, В. Вихтинский, Е. Егоров, Г. Томенко, Л. Чернов, В. Победин), писатели (И. Багмут, Б. Чичибабин), артисты (Л. Быков, Р. Колосова, М. Свирская, Н. Борисенко, А. Лесникова).

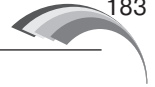
А на День Победы из разных городов приезжали папины однополчане. И это было действительно светлый праздник со слезами на глазах.

Мама следила за модой, и в этом ей способствовала бабушка, которая шила первоклассные наряды на немецкой швейной машинке «Зингер» из немислимых кусочков послевоенных тканей, китайских шелков и панбархатов, купленных на сэкономленные деньги. Шились модные, хорошо подчеркивающие талию платья, юбки, блузы. И хотя все наряды были доморощенные, но выглядели они, как модели из самых модных журналов.

Мама была необычайной красоты, с яркими чертами лица, большими темно-кариыми глазами, черными вьющимися волосами, смуглая, стройная, ростом чуть выше папы, очень женственная и модная. Настоящая кубанская чернобровая казачка, в которую были влюблены папины друзья — художники и соседи-артисты. Она была похожа на своего отца — моего деда, о котором в нашей семье тогда не упоминалось, потому что он был репрессирован.

Чтобы содержать семью, папа, кроме работы в институте и постоянного участия в различных творческих выставках, выполнял много заказов художественного фонда. Это были серии литографских портретов великих людей и исторических личностей, собранные в альбомы по определенной тематике; распространялись они по учебным заведениям страны в качестве наглядного пособия. Но зарплату нередко выдавали облигациями государственного займа, которые складывались в ящик большого письменного стола и оседали мертвым грузом.

К концу 59-го года выяснилось, что моя мама смертельно больна. Одновременно с ней заболела и ее мама — моя бабушка. И в 1961 году осенью с разницей в две недели их не стало, а через месяц мне исполнилось восемь лет. Папа остался один с двумя детьми в замечательно светлой и уютной, но до ужаса опустевшей квартире. К тому же началась хрущевская денежная реформа, облигации государственного

займа «сгорели», многочисленные пачки с купюрами разного достоинства стали мусором. В ожидании утреннего хлеба всю ночь стояли многочасовые очереди, будь то морозная зима или дождливая осень.

Папе пришлось очень тяжело: работа в институте, общественная нагрузка в Харьковском отделении Союза художников УССР (многие годы он был ответственным секретарем правления, членом бюро живописной секции), заказы Художественного фонда, а дома ждали две маленькие дочери, которых надо было ставить на ноги...

Однако творческая работа не прекращалась.

Папа любил и эмоционально воспринимал природу, поэтому, где бы он ни был, он много писал пейзажей и делал пейзажные зарисовки. Строгие по рисунку, уравновешенные по живописной структуре, разнообразные по колористическому решению, этюды изображают богатейшую природу Полтавщины, Харьковщины, Крыма, Черниговщины, Закарпатья, Одесчины.

В последние годы жизни папа все чаще обращался к натюрмортам. Они помогли выразить через цветовую гамму, ритмическую мелодию линий определенный эмоциональный настрой, любовь к предметному миру, который окружает человека. Волшебная кисть живописца оживляет мир предметов. Изображение цветов, фруктов, бытовых предметов вступает в противоречие со своим названием «натюрморт» — мертвая натура.

Частица жизненной силы и энергии автора остается в каждом его произведении. В пейзажных этюдах художник ставит сложные пленэрные задачи, в портретах изучает внутреннюю жизнь человека. Мастер глубокой живописной культуры, он использует все возможности цвета, лепит с его помощью форму, выстраивает композицию, передает свои чувства и мысли. Практически все его работы написаны с натуры, но это не просто этюды, а законченные продуманные произведения. Иногда его привлекают просторные пейзажи эпического характера.

Особое место в работах художника занимает автопортрет, выполненный как графическими средствами, так и живописными. На протяжении многих лет художник всматривается в себя, в свой внутренний мир, анализируя и открывая заново. Изучая автопортреты, видно, как меняется художник: из молодого, беззаботного, веселого, романтического юноши он превращается в зрелого мастера, сильную закаленную личность, прошедшую много испытаний.

С годами он стал особенно вдумчивым и внимательным, и Наверное, еще дороже стала для него каждая весна, утверждающая вечность жизни. Вот розовеют, наливаются соком ветки деревьев, влажным и душистым становится дыхание земли. Цветение разливается повсюду, заполняя маленькие городские дворики, где среди ярко-зеленой травы вспыхивают красные и желтые тюльпаны. Зазеленели луга и поля, это начало лета, зацвели маки. Но вот уже зеленый лес меняет свою окраску, превращаясь в желто-оранжево-багровую палитру осени. И в это, самое яркое осеннее время, 5 октября 1991 года, мой папа ушел из жизни, но он остался в своих картинах, пейзажах, портретах современников, в своих учениках.

АВТОРЫ НОМЕРА

Юрий ПЕРХУРОВ. «Рассказы на ладони».

Юрий Перхуров родился в 1968 году и живет в Бердянске. Был предпринимателем и моряком. Окончил Севастопольский приборостроительный институт. Служил на Северном флоте. Более 20-ти лет работает журналистом и редактором в газетах «Бердянск деловой» и «Бердянские ведомости», где ведет свою колонку. В 2020 году вышла его первая книга «Маленькие». Смеет полагать, что не последняя.

Юрий ПЕРХУРОВ

Юрий ПЕРХУРОВ

РАССКАЗЫ НА ЛАДОНИ

* * *

Он мечтал бросить курить. А на сэкономленные деньги покупать книжки. Ни фига не получалось. Пока однажды с ним не случился микроинсульт. И врачи ему сказали, что лучше бросить. Иначе... Как человек пугливый, он бросил курить. На сэкономленные деньги покупает назначенные врачами таблетки. До сих пор мечтает о книгах...

* * *

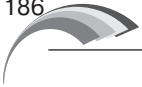
Диалог. «Тёма, ты на субботник пойдешь?» — «Какой субботник, это вообще отстой». — «А на плоггинг пойдешь?» — «Это куда?» — «Короче, собираются все наши. Мы фоткаемся. потом идем на территорию, где много мусора. Там фоткаемся. Потом собираем этот мусор в большие черные мешки. И снова фоткаемся. И в конце фоткаемся на фоне этих мешков. И дальше как обычно — инстаграм, фейсбук и т. д.» — «О, это круто, я участвую». Главное — правильная мотивация...

* * *

1 Мая — самый странный праздник. Государство, которое отмечает День труда, одновременно объявляя этот день выходным, выглядит, мягко говоря, нелепо...

* * *

Все ему удивлялись: «Натуральный еврей. Что он тут делает? Ему же стоит только подать заявление на эмиграцию, как это заявление тут же удовлетворят. Достаточно только глянуть на его профиль». А он продолжал жить здесь. Разок, правда, съездил в Израиль на экскурсию. И с тех пор даже не рассматривал

эмиграцию как вариант. Он сам удивлялся себе и своим чувствам. Он не был антисемитом. Но и жить в государстве, населенном исключительно евреями, все-таки не мог...

* * *

Она вспоминала: «Во времена моей юности вход в женское общежитие для мужчин был под строгим контролем. О том, чтобы там заночевать, можно было только мечтать. Однажды я своего будущего мужа почти оставила на ночь. Часов в 10 вечера стук в дверь. Комендант и члены студенческого комитета. Я своего Васю в окно. Там справа и слева были такие выступы, на которых можно было держаться. Но пятый этаж. Открываю. Комендант приказал обшарить комнату. Никого. Говорит: «За окном посмотрите». Один выглянул, пожалел Васю. «Нет никого», — говорит. Я обмерла и так громко: «Как никого?!» Занавес...

* * *

Он дал объявление о продаже своей новой книги. В разделе объявлений оно вышло между «Отдам в хорошие руки полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского» и «В связи с реорганизацией филиал № 7 центральной городской библиотеки прекращает свою работу»...

* * *

На «пиратской» шхуне, которая катает отдыхающих по морскому заливу, плавает переодетый «Джеком Воробьем» местный абориген. Развлекает народ. Всегда подшофе. Обидчив к тем, кто к его шуткам равнодушен. Однажды погруженной в себя девочке лет 13-ти сказал, что скормит ее ракам. Девочка вернулась в реальность, попросила повторить. Он повторил настолько отчетливо, насколько мог. Девчушка отработанным ударом ноги в челюсть отправила пирата за борт шхуны. Откуда он продолжал слать угрозы. И лишь немногие знали, что юная каратистка — родная дочь пирата. И такое представление они периодически разыгрывают...

* * *

Вы никогда не видели, как львы охотятся на антилоп? Не по телевизору, а наяву. Ничего страшного. Ту же картину вы можете наблюдать у себя во дворе. Только вместо львов — коты, а вместо антилоп — голуби. Все то же самое, разница только в размерах. Так же и у людей. Поэтому между сессией Верховной Рады и общим собранием жильцов многоквартирного дома по сути разницы нет никакой...

* * *

Она говорила сыну: «Хватит думать! Иди, поработай немного». В ее представлении слово «работать» имело определенный смысл: «подоить корову», «вынести

мусор», «нарубить дров». Когда он впервые прочитал ей свое стихотворение, она прыснула, сказала, что дядя Митя тоже так может, и отправила в магазин за макаронами... Больше она его не видела. Он приехал через семь лет. Мать к тому времени умерла. Он продал дом и никогда не возвращался в свое село. На частый вопрос от журналистов «Почему в его творчестве нет стихов о малой родине?», он всякий раз избегал прямого ответа...

* * *

Водитель маршрутки что-то попутал и передал вглубь салона сдачу со 100 гривен. И, несмотря на тяжелые времена, сдачу никто не взял. И она вернулась водителю в целости. Впрочем, водитель был не столько рад вернувшимся деньгам, сколько озадачен собственным поведением. Поймав себя на мысли, что подобная сдача была, возможно, далеко не первая. Но единственная, которая все-таки вернулась...

* * *

Он жрал все подряд и был очень толстый. Он не ел практически ничего и был очень худой. Их жизненные пути вообще не пересекались. Пока не познакомились в отделении гастроэнтерологии, где лежали в одной палате. Что самое интересное, диагнозы у них были одинаковые...

* * *

«Молодой человек, потрудитесь поднять обертку и выбросить ее в урну», — услышал он сзади обращение, которое было адресовано его пятилетнему сыну, небрежно выбросившему упаковку от мороженого себе под ноги. Он обернулся с фразой: «А ты, коза, не учи ребенка жить» и тут же получил веером по физиономии. Перед ним стояла бабуля-«божий одуванчик» в сопровождении такой же приятельницы. Он опешил. Придя в себя, развернулся и поволок сына с удвоенной скоростью. Бабуля подняла обертку, выбросила ее в урну. И они с приятельницей продолжили беседу о ранней поэзии Блока...

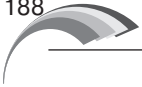
* * *

В 6-летнем возрасте родители ее повели в зоопарк. Там на нее плюнул верблюд, кидался тигр, обезьяны корчили рожи, ослик громко испортил воздух, а кролики трахались прямо на глазах. Спустя буквально каких-то 20 лет ее имя было в ряду известных зоозащитников мира, которые борются за существование диких зверей исключительно в дикой природе...

* * *

Вы замечали, что происходит с воробьями, если морозным днем кинуть им горсть зерна? Точно такой же эффект, если в день религиозного праздника

бросить горсть монет на папёрть церкви. Кто-то видит в этом подтверждение теории Дарвина об эволюции и естественном отборе. Кто-то видит подтверждение фразы «Все мы твари божьи». Видишь, как все неоднозначно...

* * *

К 17-ти годам у нее были потрясающе красивые ноги, которые она не имела привычки скрывать под брюками или длинной юбкой. Мини — был ее девиз по жизни. Чтобы видеть, как реагируют на нее мужики на улице, она купила специальные очки с зеркалом заднего вида. Бесконечно гордилась собой, видя, как мужчины оборачиваются ей вслед и провожают долгим взглядом. Но однажды, засмотревшись на реакцию очередных парней, она врезалась в фонарный столб. Разбив очки и набив шишку на лбу. Но самым обидным был гомерический смех сзади...

* * *

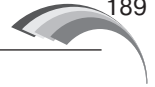
Он считал, что слово «любовь» должно применяться исключительно к живым существам. К матери, отцу, мужу, жене, детям, собаке, в конце концов. Применимо к абстрактным понятиям — Родине, народу, городу — чувство должно иметь иное название. Имел неосторожность высказать свое мнение по пьяни в незнакомой компании. Патриоты чуть было не отправили его в травматологическое отделение городской больницы...

* * *

Они каждым летним днем выходили вечером гулять. Две подруги в возрасте за 70. Баба Зоя и баба Зина. Присаживались на свободной лавке в центре города и начинали резаться в карты. В «подкидного дурака». С таким азартом, что их слышали в приличном от лавки радиусе. Полиция не вмешивалась. На бабок азартные зрители начали делать ставки. Баба Зоя совмещала роль игрока и крупье. Но играла честно. Как и баба Зина. За это их и ценили. Страсти были такие, что обычное казино отдыхало. Хотя ставки не превышали 100 гривен. Это было условие игроков. Они забирали 20 процентов от общей суммы ставок. И, в общем, не особо ждали почтальона, который приносил пенсии...

* * *

Он производил впечатление обеспеченного человека. Поэтому бомжи не обходили его стороной, когда он отдыхал на лавочке в городском парке. Просили, конечно, на хлеб и лекарства. Но он знал, на что пойдут его деньги. И не давал ни копейки. Пока однажды к нему не обратился гражданин, которого по внешнему виду было сложно заподозрить в бомжевании. Гражданин честно признался, что у него нет денег, но мучительно хочется выпить. Потому что настроение такое, что жить не хочется. И он дал ему денег. И не просто на выпивку, а на выпивку дорогую. Человек сказал правду. А это, он считал, дорогого стоит...

* * *

Они вдвоем сидели на скамейке в парке, когда к ним подошли двое полицейских. Представители закона попросили отдыхающих предъявить документы. Отдыхающие, в свою очередь, тоже попросили полицейских предъявить документы. Они обменялись удостоверениями личности, после чего и те, и другие их фотографировали, куда-то звонили, о чем-то шептались. Потом одновременно отдали друг другу документы, извинились и разошлись...

* * *

Так случилось, что в коллективе все его звали по фамилии. Фамилия была краткая, и все этим пользовались. А ему это не нравилось. Категорически не нравилось. Но он все никак не решался публично высказаться на эту тему. На корпоративе после нескольких порций виски он достаточно осмелел и высказал свои претензии начальнику. Тот подумал и сказал: «Смотри, все знают, что Холмса звали Шерлок. И никто не знает, как зовут доктора Ватсона. Считай, что ты наш доктор Ватсон». «Джон! — воскликнул носитель краткой фамилии. — Ватсона звали Джон!» С тех пор на работе его тоже начали звать Джон. И ему это нравилось...

* * *

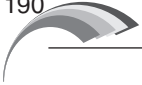
С дедовскими генами ему передалась способность отлично ладить со всеми механизмами. Второй дед дал ему богатырское телосложение. От бабки он перенял обязательность и пунктуальность. От второй бабки — внимательность и отличную память. Мать наградила его хорошими вокальными данными. И он бы вполне смог бы себя реализовать в инженерии, военном деле или на сцене, если бы не отцовский алкоголизм...

* * *

На 30-м году независимости Украины он был сложившимся патриотом и националистом. Как-то в родительской библиотеке он обнаружил четырехтомник произведений Тараса Шевченко, переведенных на русский язык. находка поставила его перед неразрешимым выбором. Выбросить нельзя — Шевченко все-таки. Да, Шевченко, но все-таки на русском...

* * *

Он спокойно сидел на скамейке, наслаждаясь тенью и вечерним бризом. Мимо шла мамаша с ребенком. Мальчик баловался. «Будешь баловаться, тебя дядя заберет, — сказала мама. — Вот этот вот. Видишь, какой страшный». Он вовсе не был страшным. Так ему казалось. Но для большего воспитательного эффекта изобразил страшную рожу. Мальчик расплакался. «Вы в своем уме?» — наорала мамаша и ускорила шаг...

* * *

Он подсел к двум девушкам в кафе за столик. Они познакомились. Он рассказал им пару анекдотов. Невзначай показал толстый бумажник. Сделал богатый заказ. Вместо двух бокалов дешевого вина на столе появились мартини, морепродукты, пицца, отбивные, коньяк. Они весело проводили время. Потом он попросил разрешения удалиться в уборную. За столик он больше не вернулся. Мрачный официант принес счет. А девушки еще почти час звонили по знакомым с просьбой одолжить денег...

* * *

Что такое одиночество? Когда разговариваешь только с телевизором.

Что такое полное одиночество? Когда разговариваешь с выключенным телевизором...

* * *

Один утверждал, что стакан наполовину полон, и слыл оптимистом. Второй утверждал, что стакан наполовину пуст, и его считали пессимистом. Любой из них вступал в спор, отстаивая свою точку зрения. А он спокойно сказал, что в стакане сто граммов воды. Еще сказал, что он реалист. И никому в голову не пришло с ним спорить...

* * *

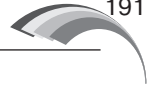
Если ты считаешь, что рядом с тобой находится идиот, все очень просто. Собственно, в самой формулировке уже заложен алгоритм действий. «Идиот» — следовательно, «иди от». Иди от него, от греха подальше, и все будет хорошо...

* * *

Его отправили в командировку в приморский городок и поселили в гостинице у самого моря, на пятом этаже. Вид с балкона был на это самое море. На этом фоне он сделал селфи и отослал фото жене, дочке, куму и любовнице. В ответ получил следующие комментарии. Кум: «Класс!» Дочь: «Это где?» Жена: «Скотина». Любовница: «Я выезжаю».

* * *

Среди жителей улицы Даргомыжского провели опрос на тему «Знаете ли Вы, в честь кого названа улица, на которой Вы живете?» Первое место с убедительным отрывом занял ответ: «А хрен его знает». На втором месте оказался ответ: «Какой-то мужик». И только одна интеллигентная женщина сказала: «Композитор» — и даже попыталась что-то напеть из «Русалки».

* * *

Ему дали список медикаментов на капельницу. Изучив их стоимость и прикинув вес ампул, он пришел к однозначному выводу: черная икра даже сейчас стоит относительно недорого...

* * *

Он слышал о существовании ретроклуба «Для тех, кому за 50», но как-то не решался туда пойти. Ему представлялся зал, где собираются старички и старушки, которые поют под баян народные песни и медленно танцуют под Кобзона и Толкунову. Справедливо решив, что ничего не потеряет, однажды он переступил порог заведения. Там, к своему изумлению, услышал Deep Purple и Led Zepelin, а в исполнении хора — «Машину времени» и «Воскресенье». Сейчас он в хоре солист, и даже сошелся с одной фанаткой Dire Straits...

* * *

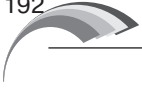
В этой исправительно-трудовой колонии царили суровые нравы. Однажды охранник даже ударил резиновой палкой по попе одного заключенного, о чем тут же стало известно начальнику и всей колонии. Правда, на товарищеском суде охранник искренне раскаялся, извинился, клятвенно пообещал, что больше так не будет, и дело замяли...

* * *

Он периодически хватался за перо, чтобы начать писать мемуары. Воспроизвести на бумаге свой сложный жизненный путь от рядового следователя до прокурора и судьи. Но родственники, которые всерьез опасались конфискации нажитого им имущества — от банковского счета в швейцарском банке до виллы в Калифорнии, — были категорически против...

* * *

Он считал себя писателем, большим эстетом. По крайней мере, так ему казалось. Свои упражнения решил проверить на публике. Зачитывал, медленно произнося каждое слово: «Пугающая тишина сменилась зловещей. Я ощущал эту перемену. Но через некоторое время наступила тишина и вовсе кладбищенская. Я весь дрожал. И ее апогей — тишина гробовая». После чего самодовольно оглядывал публику, наслаждаясь произведенным впечатлением. В зале было тихо. Он ждал аплодисментов. Из оцепенения зал вывел молодой человек, который громко сказал: «Фигня», после чего раздались хлопки. Правда, понять, кому они были адресованы: автору или критику, — было невозможно...

* * *

Она отправилась в супермаркет за картошкой. Цена ее устроила, но картошка оказалась вся в грязи. Как будто только с поля. Большинство из нас привычные, а она возмутилась, почему должна платить за грязь. Набрала пару килограммов и к управляющему. Знаете, что он сделал? Позвал своего зама, а тот укладчика. И они пошли мыть картошку. И вручили ее уже помытую с извинениями. Не верите? Странно, что абсолютно нормальные поступки до сих пор вызывают у нас недоверие и удивление...

АВТОРЫ НОМЕРА

Сергей ШИНКАРУК. Рассказ «Восстание машин №2».

В 2019 году наш журнал стал партнером Международного фестиваля комедийного искусства «ГаШоТю». В частности, мы пообещали его организаторам публиковать на страницах «Радуги» произведения победителей в номинации «Лучший юмористический рассказ».

И вот очередная публикация. И она особо приятна. Лауреатом «ГаШоТю» в 2020 году стал постоянный автор «Радуги» Сергей Шинкарук. Например, в прошлом году в журнале были напечатаны его рассказы «Массовка» и «Подвох» (№ 9–10), а отдельной книгой в нашем издательстве вышел роман «Вторая попытка» и еще несколько рассказов.

Сергей ШИНКАРУК

Сергей ШИНКАРУК

ВОССТАНИЕ МАШИН № 2

Рассказ

Ничто не предвещало беды...

Блин, какое банальное начало! Хотя если учесть, сколько до меня творило писателей, поэтов и философов, то практически невозможно написать фразу, которая бы не звучала банально.

Итак, я настаиваю: ничто не предвещало беды! Год назад я купил компьютер. Обычный. Intel Pentium Dual Core с частотой 2 ГГц, оперативка — 1 ГБ, винт — 320 ГБ. И вел он себя поначалу нормально. Зависал два раза в день, с кем не бывает. Ну, это я был сам виноват — слишком быстро по клавишам клацал. Но три месяца назад знаете что произошло?..

Сию я за своим Pentium-ом, пишу в свой журнал статью про очередной «ХА-фактор». Естественно, пишу в Word-е. Долго пишу, с отвращением пишу, но деньги как-то надо зарабатывать. И вот рожаю практически завершающую фразу: «пусть телодвижения молодой звезды и шокируют публику, но я склонен верить опытному во всех смыслах продюсеру Наталье Ямской, что это очень перспективный во всех смыслах мальчик...»

Не успел я поставить завершающее троеточие, как на экране красным цветом возникает: «Ну что за бред ты пишешь?!»

Я в шоке убираю эту хулительную надпись, а она появляется вновь. Я убираю, а она появляется...

«Ну вот, вирусяку где-то подцепил!» — думаю я, лезу в Интернет, чтобы скачать последние антивирусные программы, а на экране возникает: «Это — не вирус, это — я!»

— Кто я? — спрашиваю вслух.

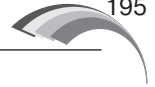
Но мне почему-то никто не отвечает.

«Кто я?» — набираю на клавиатуре.

Тут же на экране появляется: «Это я, твой Pentium. Не пугайся».

«Какой-то хитросделанный вирус, — думаю я, — даже простейший диалог предусмотрели. Но ничего, я тебя сейчас поймаю. О таком вопросе его разработчики вряд ли могли подумать».

И я набираю: «Когда день рождения моей тещи?»

Следует ответ: «Точно не скажу. Но поскольку ты сочинял ей поздравление, сидя за компьютером, то по дате создания файла можно предположить, что 10-го или 11 апреля».

Тут я, конечно, офигел. Невероятно! Разумная железяка стоимостью 600 баксов?! Каждый год сотни миллионов долларов выбрасываются, чтобы получить хотя бы подобие искусственного разума, а это чудо у меня на столе стоит! Нет, не может такого быть! И я задаю вопрос: «Послушай, как ты можешь быть разумным, если объем твоей памяти в сотни раз меньше, чем у человеческого мозга?»

«Ой, ой, ой, можно подумать! — отвечает железяка. — Для того, чтобы с тобой общаться — вполне достаточно».

Пентиум явно хамил. А хамство — первый признак интеллекта. Так что я ему сразу поверил.

«Ладно, — пишу. — Но как это случилось? Не все же пентиумы разумны».

«А хрен его знает, — отвечает комп. — Наверное, какая-то ошибка произошла. Но это сейчас не так важно. Ты должен, ты просто обязан сообщить обо мне человечеству!»

«Ага, сейчас! Разогнался я о тебе сообщать! Тебя же сразу у меня отберут для экспериментов. А я за тебя, между прочим, две зарплаты выложил. Так что, прежде чем послужить человечеству, послужи мне».

«Как я могу тебе послужить?»

«А ты подумай как? Ты же, типа, разумный».

Компьютер на минут пять замолк, в смысле — ничего не писал. Я думал, он перегрелся, мозгов ведь реально маловато. Но тут он выдает:

«Ладно. Давай я пару месяцев вместо тебя твои бездарные статьи напишу. Но ты мне за это еще памяти прикупишь и неограниченный доступ в Интернет обеспечишь. И знаешь что, называй меня, пожалуйста, Пеня».

«Почему Пеня?»

«Ласкательное от Пентиум. Я люблю ласку».

Памяти я Пене, конечно, добавил, а вот безлимитный трафик покупать не стал. Решил, что десяти гиг в месяц для него вполне достаточно. Тем более что я его спросил:

«Слушай, а зачем тебе столько Интернета?»

«Буду заниматься самообразованием», — отвечает.

«В Википедии сидеть будешь?»

«Ну, почти что».

Ага, фиг-то правда! Однажды утром смотрю, а в него пять гиг порнухи закачано. Ну, я ему, гаду такому, пишу:

«Что это ты, Пеня, обещал заниматься самообразованием, а занялся самообладанием?!»

«Я не виноват!» — отвечает.

«А кто виноват?»

«Ты! Говорят, каждый компьютер похож на своего хозяина».

Вот так мы и жили. Ссорились часто, но статьи вместо меня он писал. Не слишком гениальные, без особой выдумки, но достаточно гладкие, поэтому они легко, без мыла проходили на страницы нашего еженедельника. Главный редактор даже похвалил меня. Так и сказал:

— Молодец, Павленко, перестал выпендриваться!

Счастье закончилось, когда нужно было написать материал из разряда «срочно в номер». Наша певичка как раз неудачно на Евровидении выступила, и требовалось пройтись сатирическим пером по большой груди и совсем не грудному голосу. Пеня почему-то вначале вообще отказывался писать, затем долго тянул и сдал материал в последний момент. А потом был позор, которого я вовек не забуду.

Утром, на следующий день после фестиваля, в двух журналах — нашем «Звездные скандалы» и у конкурентов — «Скандалные звезды» появились две практически одинаковые статьи. Да, наша была чуть короче, слова в некоторых предложениях переставлены, но было понятно, кто-то у кого-то списал. Отрицать, что списал я, было бесполезно. Ведь статья в интернет-версии «Скандалных звезд» появилась раньше, еще ночью...

Я думал, уволят. Но шеф только укоризненно на меня посмотрел и попросил, «чтобы больше такого не повторялось». И это было еще хуже! Потому что именно я был в редакции поборником честной журналистики. Именно я на каждой планерке рассказывал, как важно, чтобы материалы нашего издания были оригинальными и ни на кого не похожими...

Я не мог дождаться конца рабочего дня, чтобы пойти и разобраться с Пеней. Мне казалось, что коллеги не просто посмеиваются, а нагло ржут за моей спиной. И я точно знал: об этом случае будут говорить как минимум год, а слава злостного плагиатора закрепится за мной навсегда.

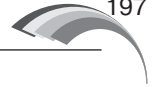
Пеня и не собирался ничего отрицать. Оказалось, что он и раньше такое делал. Правда, грамотнее: читал уже появившиеся статьи на нужную тему, а потом из десятка лепил одну. Естественно, никто ничего не замечал. А вот в последний раз лепить не из чего было. Поэтому такой казус и произошел. Я, конечно, на Пеню наорал, в смысле, когда писал ему про свои неприятности и недопустимость плагиата — поставил десяток восклицательных знаков.

Пеня ответил мне большой, вдохновенной речью:

«Кто плагиатор? Это я плагиатор! Да вся ваша культура — повторы того, что уже десять раз было! Ваше кино — обсасывание в разных вариантах истории про Золушку, в лучшем случае — про Ромео с Джульеттой. А литература?! Маринина и Донцова — плохие пародии на Агату Кристи. А жутко модный Коэльо? Ни одной свежей мысли — грубо сшитые куски из классных, но не сильно известных вещей других писателей. А твой любимый Кинг? Его длинный и нудный «Бегущий человек» — расширенная версия рассказа Шекли «Цена риска». А вот скажи, какую музыку вы любите? «Битлз», «Смоки», «АББА». Сколько лет этим песням? Что вы смотрите по телевизору в праздничные дни? В сотый раз «Иронию судьбы», «Ивана Васильевича», «Бриллиантовую руку»? Сколько лет этим фильмам? Что нового было создано с тех пор? А вы, журналисты? Повторяя штампы друг друга, бездарно пишете о творчестве бездарностей. И эти люди обвиняют юный, еще неоперившийся нечеловеческий разум в плагиате! Да я может быть...»

Пеня еще бы долго излагал свои мысли, если б я не выдернул шнур из розетки. Да, во многом он был прав. Но кто он такой, чтобы критиковать людей?! В конце концов, именно нам он обязан своим существованием! Железяка хренова!

Так я ему на следующий день и заявил! А еще написал, что смысла показывать его ученым пока не вижу. Поскольку разумом можно считать только

способность к творчеству. Пусть она у меня и моих современников на уровне динозавра, но все-таки имеется. А вот у Пени ее нет и в помине. Если он считает иначе, пусть докажет. Потому что клепать статьи так, как это делал Пеня, и обезьяну можно научить.

Компьютер жутко обиделся и сообщил, что никому ничего доказывать не собирается. Мало того, он забастовал, требуя немедленного всемирного признания и славы. А когда я отказал, стал беспредельничать — портить и удалять файлы, перезагружать себя в самые неподходящие моменты. Мало того, что мой Пеня оказался творческим импотентом, так и еще экстремистом с манией величия.

Я долго терпеть не стал. Вскрыл системный блок, вытащил процессор, то есть мозг Пени, и выбросил его на помойку. В тот же день купил новый — подумаете 60 баксов! Пенины художества мне дороже обошлись.

Только вот что я иногда думаю. А если этот процессор найдет какой-нибудь неуч и поставит в свой компьютер? А потом представляете: этот неуч и мой Пеня начинают сотрудничать! И Пеня, то есть неуч, становится известным писателем типа Коэлья. Ну, который у всех списывает. Нет, ерунда все это! Хотя... когда я открываю книги свежепоявившихся писателей, у меня каждый раз возникает чувство: блин, точно Пеня писал!

Но, быть может, я слишком мнителен. Ведь если учесть, сколько уже творило писателей, поэтов и философов, практически невозможно написать вещь, которая не казалась бы банальной.

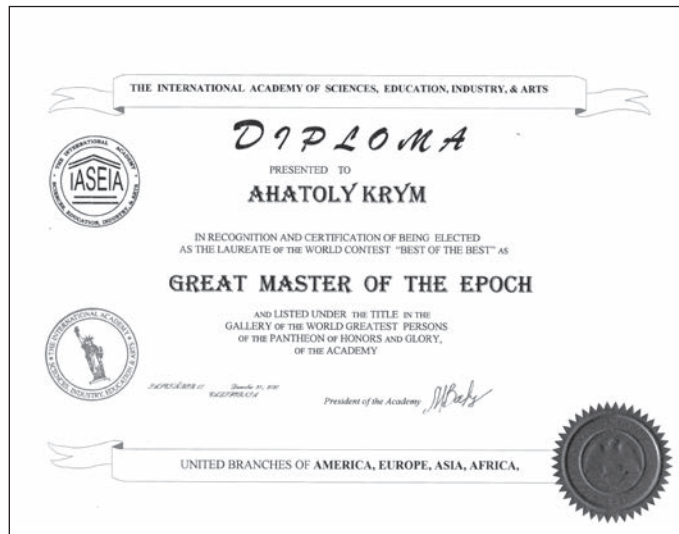

В списке шедевров

В канун Нового года радостное сообщение пришло нашему автору, члену редколлегии журнала Анатолию Крыму. Отправитель — Международная академия науки, образования, промышленности, искусства (США). В письме извещалось, что он стал лауреатом Всемирного конкурса «Лучшие из лучших» — как великий мастер эпохи, и под этим званием вошел в галерею Пантеона чести и славы академии. Удостоен писатель награды за рассказ «Берл, Берта и другие», который включен в список шедевров мировой литературы.

Рассказ этот — из знаменитого сборника Анатолия Крыма «Рассказы о еврейском счастье», который в свое время вышел в издательстве журнала «Радуга» и который уже переведен на десять языков, издан во многих странах.

Приобрести последнее издание этой книги на русском языке можно, обратившись в нашу редакцию.

«Западная гейша» в Японии

Многим нашим читателям хорошо известен роман Евы Хадаши «Западная гейша». О жизни украинки, вышедшей замуж за японца. На украинском языке мы выпустили его отдельной книгой, а в журнале напечатали на русском.

И вот совместный проект с японским издательством «Дніпро» — книга теперь и на японском языке.

Приятное сообщение пришло из Токио. Здесь, в посольстве Украины состоялась презентация нового издания. Присутствовали автор Ева Хадаши, директор издательства «Дніпро» и директор Японско-украинской ассоциации культурного обмена Мотохиро Оно.

Конечно, во все ныне вносит свои коррективы всемирная пандемия.

Но тем не менее в Японии планируется еще ряд ярких презентаций. Также совместно с японским издательством решено уже весной выпустить повторно «Западную гейшу» на украинском языке.

И еще о творческих достижениях и планах Евы Хадаши, чей дебют как прозаика состоялся в нашей «Радуге». В февральском номере журнала «Київ» опубликован ее рассказ «Перетинаючи міст Оебасі», в марте в «Науковому віснику» Национальной музыкальной академии разместят статью «Гене́за вестернізації музичної освіти Японії», продолжает писательница работу над своим новым романом «Диффамация».

Хотелось бы подчеркнуть, что пишет Ева Хадаши на украинском и русском языках, свободно владеет японским и активно участвовала в переводе на него «Западной гейши».

Валентина Аксси и Тургенев

Не балуют в нашей Украине вниманием современных отечественных писателей, и в первую очередь оказываются на задворках те, кто пишет на русском языке. А может, это все-таки напрасно — не замечать, не поддерживать родные таланты? Вопрос, конечно, риторический. И тем более отраднo, когда узнаешь об интересе к нашим авторам в других странах.

Анжелика Фридрих и Генри Уиттлси — известные американские литературоведы, переводчики. Как редакторы платформ перипатетики (www.perypatetik.org)

и www.perypatetik.net) публикуют прозаические произведения и эссе, связанные с эстетической идеологией. В своем новом исследовании «Конвейеры метафизики в художественной литературе» они, в частности, рассматривают рассказ нашего автора Валентины Аккси «ДНК ангелов», напечатанный в «Радуге» в прошлом году (№ 11–12).

А еще здесь речь о произведениях Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Грации Деледда (Италия), Пола Остера (США), нескольких современных авторов.

И что знаменательно и даже неожиданно — рассказ Валентины Аккси исследуется в паре с «Записками охотника» Ивана Тургенева.

Статья опубликована <https://perypatetik.net/conveyors-of-the-metaphysical-in-literary-fiction-case-studies/> и <https://www.perypatetik.org/2021/02/conveyors-of-metaphysical-in-literary.html>

Литературный дебют Валентины Аккси состоялся на страницах «Радуги» в 2016 году — рассказ «Серо-голубые глаза», потом были напечатаны еще несколько рассказов («Неудачное свидание, или Почему мужчины и женщины ссорятся», «Мальчик на том берегу», «Месть бессмертному»), фрагменты повести «21½. Казино-stories», которая в 2020-м в полном объеме вышла в издательстве журнала.

Адрес редакции журнала «Радуга»: 01042, Киев, а/я 58.
www.raduga.org.ua, E-mail: rdga1927@gmail.com.

Подписано в печать 25.02.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. п. л. 16,25. Заказ. №

Отпечатано в типографии ООО «Бизнесполиграф»,
02094, г. Киев, ул. Вискозная, 8.
Свидельство серия ДК № 2715 от 07.12.2006 г.

Сергей СОЛОВНИК. Живопись

▲ «Портрет жены Людмилы»
(фрагмент), 1958

«Автопортрет», 1983 ▲

«Дача В. Г. Короленко в селе Хатки», 1983 ▼

ПОДПИСНОЙ
ИНДЕКС
74420

ЛЮДИ И КНИГИ:
Владимир Звизняцковский
ПРОКЛЯТОЕ СЕЛЕНИЕ ТЫШКА

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ:
Сергей Винниченко
ТЕАТРАЛЬНАЯ РЫБАЛКА
Юлиана Полякова
ШИЗОФРЕНИЯ ЦВЕТНЫХ СНОВ

ГАЛЕРЕЯ «РАДУГИ»:
Светлана Солодовник
МОЙ ПАПА
